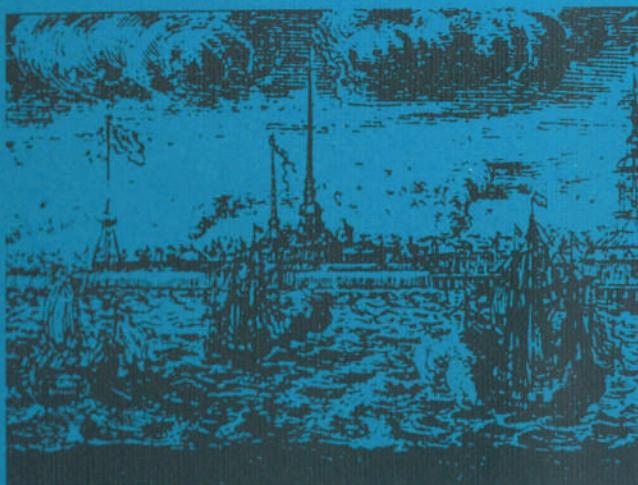

Ирина Чудинова

ПЕНИЕ, ЗВОНЫ,
РИТУАЛ

ББК 63.3(0)4

U 84

Утверждено к печати РИИИ РАН

Рецензенты:

доктор искусствоведения Е.В.Герцман,
кандидат искусствоведения Н.С.Серегина,
кандидат искусствоведения С.В.Фролов

Чудинова И.А.

Пение, звоны, ритуал: Топография церковно-музыкальной культуры Петербурга. СПб. "ЦИ". 1994. 208 с.

ISBN 5-7443-0007-4

Исследование посвящено проблеме взаимодействия русской православной традиции и имперского культа в условиях становления городской культуры Петербурга XVIII в. На основании многих документов того времени, обнаруженных автором в архивах и ранее не опубликовавшихся, освещены две малоизвестные темы: колокольные звонь и церковное пение в петербургских православных храмах. Исследуется семантика государственно-церковных церемониалов имперской столицы, совместивших черты церковного обряда и придворно-воинского ритуала. Даны жизнеописания около 500 петербургских церковных певчих.

Книга предназначена для широкого круга читателей - как специалистов (историков, культурологов, искусствоведов, краеведов, этнографов), так и всех, кто интересуется историей русской церковной культуры и петербургской темой.

Исследование выполнено при поддержке RSS/CEU

Ч 0302030000-007
6Я3(03)-94 — без объявл.

ISBN 5-7443-0007-4

© Чудинова И.А., 1994

Оглавление

исследование о звуковом ритуале в Петербурге в XIX–XX веках
автор: Елена Григорьевна Красильщикова
издательство: Издательство Академии наук РСФСР
год издания: 1985 г.
страниц: 224

Введение

ГОРОДСКОЙ РИТУАЛ И ЕГО УЧАСТНИКИ	5
--	---

Часть первая

ЗВУКОВЫЙ ЛАНДШАФТ ПЕТЕРБУРГА

Глава I. Символика уличных звучаний: церковь, дворец, казарма	13
Глава II. Колокольные звоны православных церквей	26
Глава III. Государственно-церковные праздники: колокола и пушки ...	37
Глава IV. «Колокольная игральная музыка»: власть и потеха	44

Часть вторая

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ: ПЕВЧИЕ, КЛИРОШАНЕ, ПЕВЦЫ

Глава V. Социальная драма / Драма литургическая: позиции и роли ...	52
Глава VI. Пение в городских православных церквях	63
Глава VII. Пение при архиерейских домах	69
Глава VIII. Клиросное пение в Александро-Невском монастыре	83
Глава IX. Певчие дома Его Величества / Придворная церковная музыка: от ритуала к театру	106

Заключение	132
------------------	-----

Приложение

ХРОНОТОП ЛИЧНОСТИ: ИМЕНА И ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Служители петербургских церквей	135
Клирошане Александро-Невского монастыря	163

Литература	194
------------------	-----

Список сокращений	207
-------------------------	-----

Список иллюстраций

1. Петропавловский собор, церковь Рождества Христова при доме кн. А.Д.Меншикова. Фрагмент панорамы Санкт-Петербурга. Гравюра А.Зубова. 1720 г.
2. Троицкий собор. Фрагмент панорамы Санкт-Петербурга. Гравюра А.Зубова. 1720 г.
3. Александро-Невский монастырь. Фрагмент панорамы Санкт-Петербурга. Гравюра А.Зубова. 1720 г.
4. Петр I с изображением батальйон в окружении портретов русских царей и великих князей (фрагмент). Гравюра П.Пикарта. 1717 г.

Введение

ГОРОДСКОЙ РИТУАЛ И ЕГО УЧАСТНИКИ

Как одиноко сидит город, некогда многолюдный!
Книга плач Иеремии. 1, 1

Формирование культуры Петербурга — города, вставшего на краю пространства русской культуры, на пороге нового, постсредневекового периода истории России, становление петербургского городского ритуала, совместившего черты церковного и светского действия, социальная динамика церковнослужителей (мирян, действующих в церковном служении), связанная с выработкой в их среде новых стереотипов деятельности — эти семиотические процессы разного уровня находились в поле интенсивного сопряжения сакрального и профанного тяготений, обусловивших особый динамизм русской культуры XVIII в. Интонационная деятельность, «ритуальная речь» — чтение, возглашения, пение, колокольные звоны — важнейший аспект ритуальной системы русского средневековья. Изменение ее стереотипов в условиях Нового времени было связано с переосмыслением фундаментальных принципов средневековой религиозной культуры. Задачей книги является исследование процесса становления пространственно-аудиальной символики петербургских городских ритуалов — символических действий, определивших систему социальной топографии церковнослужителей (церковных певчих) и формы ритуализированного поведения в их среде, — в контексте новой имперской идеологии.

С начала XVIII в. процесс модернизации русской культуры разворачивается в стремительный поток ломки многовековых устоев. Идея динамики приобретает особую силу. Главным импульсом активного становления новой имперской идеологии становится замена средневековых сакральных ценностей идеалами рационализма. «Обмирщение», секуляризация для русской культуры XVIII в. означала не просто переосмысление традиционного соотношения между ее религиозными и внорелигиозными компонентами. Характерной чертой, повлиявшей на интенсивность процесса «обмирщения» русской культуры в XVIII в., стало сопряжение сакрального и профанного тяготений.¹ Как утверждает Г.Фризе, «секуляризация означала не только появление мирского, для средневекового человека хорошо известных удовольствий внорелигиоз-

ных развлечений, она была прежде всего острым осознанием напряжения между „сакральным и профанным”, которое было новым и тревожным». ² Динамизм эпохи был связан с остройшим напряжением взаимодействия сакрального и профанного, сверхчувственного и чувственного, иррационального и рационального. Утрата четкости структурных контуров старой системы культуры способствовала развитию парадоксальной черты русского постсредневековья: формирование системы понятий, создававшихся как противовес средневеково-сакральным ценностям, сопровождалось их интенсивной сакрализацией.³

Один из аспектов этой проблемы определен в работе Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского: «Секуляризация общественных идеалов, ставшая характерной чертой послепетровской культуры, и замена сакральных ценностей идеалом „регулярности“ имела одно существенное следствие: поскольку идеал этот был земным по природе и рассматривался как конечная цель земной деятельности правительства в России, образец также должен был получить пространственно-земное закрепление. Идеал был вынесен в „чужое“, европейское пространство, которое стало рассматриваться не как реальная политico-географическая зона, а в качестве идеального эталона „правильной“ жизни». ⁴ Формирование отношения к Западу как утверждаемому идеалу, внутренний мистицизм «западнической» идеи способствовали тому, что элементы западноевропейской культуры воспринимались русским обществом на протяжении XVIII в. со всевозрастающим энтузиазмом.

Другим аспектом той же культурной парадигмы являлось своеобразие процесса становления нового мирского стиля жизни и культуры в России. Антитеза западноевропейского и отечественного была неразрывно связана с оппозицией светского и церковного. Как утверждает В.В.Зеньковский, „светская“ культура и в Западной Европе и в России есть явление распада предшествовавшей ей церковной культуры. Это происхождение светской культуры из религиозного корня дает себя знать в том, что в светской культуре — особенно по мере ее дифференциации — есть всегда своя религиозная стихия, если угодно — свой (внечерковный) мистицизм». ⁵ Амбивалентность понятий новой светской культуры, их внутренняя сакрализованность — характерная черта имперского периода русской истории. Иррациональное, религиозное начало пронизывало мирские формы культуры в XVIII в.

Новая культурная парадигма формировалась в условиях различных обстоятельств — отмены патриаршества и образования Синода, законодательно закреплявших ликвидацию церковной автономии, постепенно усилившейся тенденции сакрализации государственности и монархии власти, наконец, влияния модели западноевропейской культуры. При взаимодействии двух тенденций развития — секуляризации церковности и сакрализации государственности — элементы канонической православной традиции приобретали новую функциональность. Результатом этого

процесса было, с одной стороны, рождение русского светского искусства, а с другой — нового, европеизированного облика православной церковной культуры.

Вытеснение старого быта и культуры новым мирским стилем жизни проходило столь стремительно, что полярная оппозиция ритуального и внеритуального пространств культуры допетровской Руси оказалась сметена, вывернута «наизнанку» и смешана. Церковный обряд театрализуется, вбирает в себя начала мирской чувственной зрелищности, государственный ритуал адаптирует сакральные канонические формулы. Единое «театрально-игровое» пространство ритуализированной государственно-церковной жизнедеятельности втягивает в себя всю городскую среду столицы новой российской империи — Петербурга.

В процессе строительства Петербурга, формирования его сложного организма как единства городского пространства и форм общественной жизни выявлялись скрытые силы новой культуры.⁶

Структурирование жизненного пространства на основаниях регулярности и рационализма в условиях совершенно иной масштабности и пространственной очевидности явилось результатом стремления воплотить новый идеал. Как утверждают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, Петербург — «ядерный элемент»⁷ русской культуры нового периода, который становится для нее в целом структурообразующим генератором. Ядерной структурой петербургского социума стало ритуальное действие — театрализованный парад-шествие, государственно-церковный церемониал.⁸

Рациональное формирование пространственной оболочки жизни оказывает влияние на саму жизнь, структурирует ее стиль и определяет модель жизненной ориентации. Формирование новой городской среды, связанное с выявлением каркаса образа города, его ведущих элементов (серии ключевых узлов, композиции путей, их связующих, и границ, их охватывающих), семиотической системы городской пространственности, смысл которой раскрывается в процессе символических действий — городских ритуалов, сопряжено с трансформацией всей системы духовной культуры.

Укорененность в прошлом воплощается в постоянстве городского окружения. Как доказывает К.Линч, «большую часть времени мы разыгрываем рисунки поведения, твердо ассоциирующиеся с каким-то опознаваемым типом окружения... Когда место меняется резко, как при миграции, люди перестают знать „как вести себя“. Им нужно затратить определенные усилия для того, чтобы избрать новую форму поведения, выработать коллективное соглашение по этому поводу. Полная социальная преемственность, несомненно, нуждается в том, чтобы вновь и вновь восстанавливать постоянный рисунок поведения в унаследованном окружении».⁹

Начало строительства столицы имперской России было актом утверждения разрыва с прошлым. Петербург XVIII в. — город-утопия, город,

хронотоп которого ориентирован в будущее. «В истории города Петербурга символическое бытие предшествовало материальному», — пишет Ю.М.Лотман.¹⁰ Кризис русской культуры в начале XVIII в. сопровождался колоссальной миграцией и переносом центра страны на границу прежнего культурного пространства. Эксцентрическое положение имперской столицы в семиотическом пространстве обусловливало утопичность ее идеологии. Стягивание наиболее активных социальных сил со всей обширной империи и вовлечение их в процесс воплощения петербургской «утопии» стало поворотным моментом развития русской культуры. Петербург был тем горнилом, в котором, сталкиваясь и противоборствуя, множество исходных элементов постепенно переплавлялись и адаптировались в сложном целом петербургской культуры, сердцевины культуры российской.

Как показали Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, важнейшим структурообразующим компонентом идеала радикально-реформаторских устремлений, воплощением которого был задуман град Святого Петра, было представление о Петербурге как о Новом Риме. При этом «из двух путей — столицы как средоточия святости и столицы, осененной тенью имперского Рима, Петр избрал второй».¹¹ В семиотической соотнесенности с именем Вечного Города подчеркивались, таким образом, не религиозные, а политические связи. В сознании императора и его сподвижников «подлинность Петербурга состоит в том, что святость в нем не главенствует, а подчинена государственности».¹² Итог этого переосмыслиения резюмирован исследователями в формуле: «Святость Петербурга — в его государственности».¹³ Эта концепция оказала огромное влияние на формирующуюся культуру нового города и, в частности, инициировала существенные изменения в сфере православной богослужебной традиции. Идеологема «сакральной государственности», с одной стороны, проникновение форм светского искусства как элемента утверждаемого западноевропейского идеала — с другой, меняли состав и функции ее компонентов, смысл и значение которых изначально определялись включченностью в ценностную иерархию религиозного универсума.

Основополагающий унифицирующий принцип и главная ценность религиозной культуры — истина веры. «...Интегрированная часть средневековой культуры была не конгломератом различных культурных реалий, явлений и ценностей, а единым целым, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность, сверхчувственность, сверхразумность Бога, Бога вседесущего, всемогущего, всеведущего, абсолютно справедливого, прекрасного, создателя мира и человека», — пишет П.Сорокин.¹⁴ Сердцевиной системы культуры, основанной на утверждении принципа сверхчувственности и сверхразумности религиозной истины (культуры идеациональной, по терминологии П.Сорокина), является сакральное ритуальное действие. Русская средневековая культура — это прежде всего культура

литургическая. Характерной особенностью литургии, как и любого религиозного символического действия, является многозначность, многомерность и направленность на структурирование всей окружающей действительности.¹⁵ Литургическое действие в религиозном понимании это богослужение. Его ключевые понятия — служение, труд в отличие от понятий игры и развлечения.¹⁶

Единство всех элементов культового действия — другая его существенная черта. Церковный обряд представляет собой не конгломерат существующих явлений, но единство, все составные части которого сформированы одним основополагающим принципом, взаимозависимы и выражают одну, главную ценность. В литургическом действии интегрированы все элементы, в том числе и ряд аудиальный: чтение, возглашения, пение, церковные звонь. Интонационная деятельность в этом контексте функционирует как ритуальная речь, артикулирование литургического слова.¹⁷ Все стереотипы деятельности, связанной с церковным служением, также обусловлены доминирующей сверхсистемой культуры. Таким образом, важнейший компонент православной литургической традиции — аудиально-интонационная сфера — интегрирован в целое религиозной культуры средневековья.¹⁸

«Упадок средневековой культуры состоял именно в дезинтеграции этой идеациональной системы культуры», — пишет П. Сорокин.¹⁹ Процесс секуляризации, развивавшийся на протяжении нескольких веков, достигает своей кульминации в XVIII в. XVIII век в России стал кризисным периодом отторжения элементов традиционной культуры от ее сердцевины — религиозного литургического действия. О. Э. Мандельштам дает яркую характеристику этого исторического момента. Он пишет: «Литургия была занозой в теле восемнадцатого века. Он не видел вокруг себя ничего, что так или иначе не было бы связано с литургией, не происходило бы от нее. Архитектура, музыка, живопись — все излучалось из одного центра, а этот центр подлежал уничтожению. В живописной композиции существует один вопрос, обуславливающий движение и равновесие красок: где источник света? Так восемнадцатый век, отвергнув источник света, исторически им унаследованный, должен был разрешить заново для себя его проблему».²⁰

В противовес религиозному ритуалу, понимаемому как труд, служение, развивается «потешное», увеселительное действие, ритуал светский. Богослужебная деятельность получает оппозицию в деятельности артистической. Однако как церковная, так и светская сфера оказываются в едином поле интенсивного сопряжения сакрального и профанного начал, придающем петербургской культуре особое напряжение и динамизм. В XVIII в. происходит активная модернизация русской православной певческой традиции, инициированная влиянием светской «сенсорной» (по терминологии П. Сорокина) культуры. В рамках петербургской семиотики зарождается противоречивое понятие — культура церковно-музыкаль-

ная. Становление нового типа церковной культуры в начале XVIII в. было стимулировано комплексом социокультурных проблем, актуализированных в процессе конструирования городской среды Петербурга. Поэтому постановка вопросов исследования механизма секуляризации русской церковно-певческой культуры может быть корректна лишь в контексте становления всего петербургского социума.

Изучение механизма секуляризации русской церковной культуры XVIII в. — проблема сложная и многоаспектная. Данное исследование фокусирует внимание на двух ее аспектах: 1) формирование системы звуковой символики петербургских государственно-церковных церемониалов; 2) изменение традиционных стереотипов певческой деятельности в различных группах петербургских церковнослужителей. Обе выделенные сферы находятся на пороге ритуального и внеритуального культурного пространства, литургического и внелитургического действия, в остром фокусе сакрального и профанного тяготений.

Церковное и мирское оказываются неразрывно связанными в петербургском городском ритуале: его компонентами становятся как церковный обряд, так и придворно-войинский церемониал. Смысл звуковой символики городского ритуала раскрывается в результате взаимодействия системы ритуальных действий с сакральной топографией городской среды.

Положение церковнослужителей в социальном пространстве столь же двойственно: они принадлежат как миру, так и церкви. Церковный певчий — это *secular sacram* или *holy actor* (святой актер).²¹ Становление церковнослужительской страты петербургского общества неразрывно связано с процессом формирования городской структуры. Их место в городском социальном пространстве определяется, помимо других факторов, и в связи с позицией в системе городской морфологии (место жительства, место служения, ориентация в культурно-географическом пространстве). Функции и статус отдельных групп петербургских церковнослужителей выявляются в процессе их ритуальной деятельности.

Это — внешний ракурс взгляда на петербургский социум. Иной ракурс — взгляд «изнутри», с точки зрения человеческой субъективности. Третий масштаб городской топографии — «топос» личности. Изучение мозаики хронотопов опыта жизни тех личностей, которые были непременными участниками всех городских ритуальных действий, представляет особый интерес. В призме множества жизнеописаний высвечиваются очертания нового стиля жизни и культуры.

Итак, три аспекта — масштаб ритуальной драмы в городских пространственных пределах, масштаб социальной драмы в пределах церковнослужительского слоя петербургского общества и масштаб психологической драмы личности (роли отдельных участников городских церемониалов, формы ритуализированного поведения в среде церковнослужителей) необходимы нам для полноты исследования. Главная его задача — изучение

динамики соотношения сакрального и профанного тяготений в различных «топосах» петербургской культуры на протяжении XVIII в.

Многие аспекты проблемы становления русской музыкальной культуры в XVIII в. освещены в отечественной науке. Среди важнейших исследований, посвященных хоровой музыке, работы Т.В. Владышевской, Н.А. Герасимовой-Персидской, Ю.В. Келдыша, В.В. Протопопова, С.С. Скребкова. Проблеме становления светского музыкального быта посвящены исследования Н.Ф. Финдейзена и Т.Н. Ливановой. История церковной певческой культуры исследуется в трудах И.И. Вознесенского, И.А. Гарднера, В.М. Металлова, Д.В. Разумовского. Большое значение для этой темы имеют работы церковных историков, прежде всего исследования М. Архангельского, П.В. Знаменского, С.Г. Рункевича, К.В. Харлампovichа.

С своеобразие данного исследования заключается в том, что церковно-певческая традиция рассматривается в нем в качестве источника секуляризованной культуры Нового времени, а объектом изучения является ритуальный процесс (в аспекте интонационной деятельности), формируемый взаимодействием церковного и светского компонентов. Такая постановка вопроса возможна на основании научных методов, разработанных М. Вебером, К. Маннгеймом, В. Тернером, Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским, с одной стороны, а с другой — Б.В. Асафьевым и Б.Л. Яворским. Большое методологическое значение для данной работы имеют исследования П.А. Флоренского, а также П.А. Сорокина.

В связи со спецификой постановки вопроса исследования, в котором музыковедение взаимодействует с социологией мышления и культурно-исторической антропологией, для подготовки книги потребовалось проведение большей работы в архивах. Это было необходимо для выявления тех исторических фактов, которые были оставлены без внимания предыдущими исследователями. Оригинальность поставленной задачи продиктовала необходимость непосредственного обращения к первоисточникам. На протяжении 1985—1993 гг. были проработаны многие архивные материалы (большая часть которых с этой точки зрения раньше не изучалась). Среди них документы из фондов РГИА (439, 466—469, 473, 477, 796, 805, 815, 816, 834, 1109, 1119, 1601), ЦГИА СПб. (19, 78, 154, 334, 384, 477, 859, 998, 1007, 1801, 1883, 2026, 2263), РГАДА (9, 14, 396, 1190, 1191, 1200, 1204, 1206—1208), ОР РНБ (573 и 1260), РО БАН (57), ЦГИА Украины (51, 59, 64, 127, 130, 763, 990, 1376, 1407, 1709, 1710, 1725, 1958, 1959, 1981, 1989, 2012, 2168, 1219), ЦНБ АН Украины (Киевской духовной академии, Киево-Печерского и Софийского монастырей).²² Изучены были петербургские мемуары XVIII в. (печатные тексты), а также иконографические материалы из 385 и 485 фондов РГИА, отдела картографии и отдела офортов РНБ.

Книга состоит из двух частей и Приложения. Первая часть посвящена рассмотрению формирования семиотической системы городской среды

Петербурга в пространственно-аудиальном аспекте. Во второй части исследуются вопросы социальной динамики петербургских церковнослужителей, прежде всего церковных певчих. В Приложении приводятся биографические данные о петербургских церковнослужителях — певчих и клирошанах.

Данное исследование должно послужить основанием для дальнейшего изучения специфики петербургской культуры XVIII в., проявившейся в своеобразии системы ее артефактов.

Часть первая

ЗВУКОВОЙ ЛАНДШАФТ ПЕТЕРБУРГА

Глагол времен! металла звон!

Г.Р. Державин

Глава I

СИМВОЛИКА УЛИЧНЫХ ЗВУЧАНИЙ:

ЦЕРКОВЬ, ДВОРЕЦ, КАЗАРМА

«Тебе Бога хвалим, Твоя благодати исповедуем, Боже наш, Твоя щедроты благодарственным сердцем превозносим, прогнавшаго мрачны облик брании, введшаго ны во сладки свет вечного мира, воинство российское во бранех премудростию исполнившаго и российскими кораблями Балтийское море украсившаго, град сей воздвигшаго и прославившаго»,¹ — как только 22 октября 1721 г. во время церковного молебна на Троицкой площади перед главным собором новой столицы при стечении огромного количества полков, придворных и горожан запели этот гимн, раздался грохот пушечной и ружейной пальбы вместе со звучанием труб и барабанным боем. Это был кульминационный момент празднования заключения мира со Швецией, когда царь Петр принял императорский титул и провозгласил начало новой имперской России.

Слова церковного гимна «Тебе Бога хвалим», звучащие как продолжение хвалебной речи великого канцлера, обращенной к новоизвестному императору, воинственное звучание пушек, барабанов и труб вместе с церковным пением и колокольным звоном — противоречивость смешения сакрального и профанного элементов в этом действии ярко характеризует облик новой имперской культуры.

Санкт-Петербург, град Святого Петра, был заложен 16 мая 1703 г. в устье Невы, открывавшем путь на Запад, через Варяжское море в Европу, как город-утопия, «парадиз», «святая земля» (так называли этот город Петр и люди его окружения). Строительство Нового Рима стало попыткой утверждения «неба» на «земле». В новой имперской столице идею свято-

сти воплотили в себе власть и царство. Специфика российского опыта государственной секуляризации была обусловлена двумя взаимосвязанными моментами: подчинением церкви системе государственной регламентации и усилением тенденции сакрализации монарха и государственности. «Государственная власть самоутверждается в своем самодовлении, утверждает свою суверенную самодостаточность. И во имя этого своего первенства и суверенитета не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то вобрать и включить Церковь внутрь себя, ввести и включить ее в состав и в связь государственного строя и порядка», — пишет о начале синодального периода Г.Флоровский.²

В период петровских реформ церковь была введена в состав государственного устройства. Это обострило тенденцию сакрализации монарха и государственности, имевшую давние истоки в русской истории. Отныне она стала одной из важнейших, проявляясь как в сфере государственного строительства, так и в сфере культуры. Проблема сакрализации российской государственности исследуется в статье В.М. Живова и Б.А. Успенского. Авторы этой работы утверждают: «Сакрализация монарха распространялась на весь синодальный период и в течение всего этого времени вступала в конфликт с традиционным религиозным сознанием. Этот конфликт в принципе был неустраним, поскольку сакрализация монарха входила в самый механизм государственного и, в частности, синодального устройства».³

Напряжение двух тенденций развития — сакрализации государственности и секуляризации церковности достигло своего максимального обострения в начале XVIII в. Петербургская городская культура рождалась в усилии превозмочь непреодолимую конфликтность этих двух тяготений. Она сконцентрировала в себе всю сложность и противоречивость начала новой эпохи.

«Град сей», воздвигнутый и прославленный, по словам церковного гимна, «благодатию Божией», стал центром новой имперской России. Начало его строительства символизировало точку отсчета Нового времени. Формирование новой городской среды здесь, на пересечении путей, ведущих из России в Западную Европу и из Европы в Россию, стало актом утверждения новой ценностной ориентации. «Менталитет формирует городские формы, но и городские формы влияют на менталитет», — пишет Л.Мамфорд.⁴ На протяжении XVIII в. в Петербурге структурировалось такое жизненное пространство, которое способствовало ломке традиционных стереотипов жизни и культуры. Интенсивно аккумулировался опыт европейской светской культуры и вытеснялся традиционный опыт, связанный со средневеково-сакральными ценностями культуры православной. Однако многие элементы традиционной культуры по-прежнему сохраняли свою жизненность, адаптируясь в новых условиях. Напротив, заимствованные элементы культуры европейской переосмысливались и

приобретали двойственную функциональность в новом культурном контексте.

В пределах петербургского социума совместились две различные временные модели. Одна из них — литургическая концепция времени. Она связана с интерпретацией прошлого, настоящего и будущего как моментов единого времененного континуума, ориентированного на сакральный центр — время спасения, вечность. Литургическое время интегрировано благодаря традиционному ритуалу, постоянно воссоздающему в настоящем ряд религиозных событий прошлого и будущего. Сохранение канона — цель ритуальной деятельности в системе литургического времени. «Время церкви» — называет его Ж. Ле Гофф, противопоставляя иной концепции времени — секуляризованному времени купцов.⁵

Мирское, профанное время дискретно, оно ориентировано на обновление, на будущее. Точность соизмерения его интервалов необходима для счета прибыли и убытков — это время «коммерции». Это унифицированное время воинского регламента. Также это и время придворных — время новостей, время развлечений. С ним связывается интерес к сиюминутным событиям, к необычному. Мирское время — время военных парадов и ежедневной муштровки, «потешное» время дворцовых ассамблей, увеселительных катаний на барках, время фейерверков и газет — начинает вытеснять в петербургской культуре традиционный церковный праздничный круг — время литургическое.

Корни времени — в городском окружении.⁶ Потребность утверждения новых секулярных ценностей формировала особые механизмы синхронизации социального времени Петербурга. Мирское время европейских колокольных часов и клокшилей совмещалось с литургическим временем традиционных православных колокольных звонов. Двойственность и противоречивость первоначальной петербургской временной структуры компенсировалась четкостью воинского регламента: пушечная пальба и барабанный бой становились главным инструментом синхронизации социального времени новой имперской столицы.

В первые десятилетия века наступление нового дня с появлением первых лучей зари и началом утреннего богослужения возглашал церковный колокол городского собора Петра и Павла. Еще в 1717 г. был издан особый указ о барабанном бое, о том, что «зорю, как утреннюю, так и вечернюю, нигде, кроме Санкт-Петербургской крепости, ни у кого не бить».⁷ В 1735 г. на смену старому приходит иной обычай — ровно в 12 часов с крепостной стены стал раздаваться выстрел военной пушки.⁸

Новый фактор социальной жизни имперской столицы — армия — определил своеобразие ее облика. Армейские казармы заняли в Петербурге традиционное для старой культуры место монастырей. Впечатлением маркиза А. де Кюстина, одного из иностранных путешественников, посетивших российскую столицу в начале XIX в., было то, что «Петербург — это военный лагерь, превращенный в город».⁹ Воинственные звуки

пушек, ружейной пальбы, барабанного боя и труб стали новым инструментом унификации городской жизни. Воинский регламент, Духовный регламент и регламент городской частной жизни подчинялись одному распорядку, провозглашаемому барабанным боем и пушечной пальбой.

Все горожане должны были одновременно испытать счастье завоеванной победы: 30 августа 1721 г. «на всех улицах до поздней ночи объявляли о мире при звуках литавр и труб». ¹⁰

Встреча иностранного посла должна была стать общей радостью всех горожан: в 1723 г. приехал турецкий посланник, его кортеж двигался через весь город, а впереди «ехал эскадрон... состоявший из 100 человек, имевший во главе литавры и трубы князя Меншикова».¹¹

Все знатные персоны обязаны были являться на регулярные придворные увеселения: современник описывает, как в 1723 г. по обычанию «объявляли барабанным боем по всему городу, что завтра... опять начнутся зимние ассамблеи, и всякий должен был принимать это к сведению».¹²

Мирное торжество 11 июля 1744 г. было отмечено торжественным маршем по городу. Его начало возвестил оглушительный выстрел 41 пушки. После того двинулось шествие: впереди конная гвардия с обнаженными палашами и литаврами, в середине процессии — хор 14 дворцовых трубачей и литавристов верхом. Громогласное звучание такого ансамбля не могло оставить никого из горожан равнодушным к празднеству победителей.¹³

Главный городской путь — Нева. В зависимости от времени года и от природных условий она соединяла или разъединяла городское пространство. «С Божией стихией царям не совладеть». Но время начала и окончания движения через реку твердо регламентировалось. Современник пишет о том, как в 1721 г. «стала река, почему так называемый виташий, или тайный, кнутмейстер поздно ночью, ездил с барабаном, и несколько человек ходило по набережным с музыкою в знак того, что река стала и что еще никому не дозволяется ходить через нее».¹⁴

Пушечная пальба и воинские барабаны с духовой музыкой, церковные колокольные звоны и механические колокольные часы с боем, так же как и западноевропейские клокшили, стали знаками различных временных моделей, совмещенных в системе петербургского социума.

Своебразие семиотики петербургской ритуальной системы было связано со специфической чертой нового барочного стиля мышления — ассоциативностью восприятия пространства—времени.

Важнейшее открытие европейского барокко — новая концепция пространства, соединяющая идею его бесконечности с идеей мерности и порядка.¹⁵ Ассоциация времени и движения с пространством и в связи с этим значительное расширение масштаба восприятия стало существенным элементом данной концепции. Пространственная концепция барокко включала в себя и звуковой аспект. Характерной особенностью барочной ментальности стала пространственность слухового восприятия.

Ощущение динамичного аудиального пространства в многообразии свойств — массивности, глубины, тяжести проявилось в европейском музыкальном искусстве в инструментальном и хоровом концертном стиле.¹⁶ Барочный концертный стиль связан с восприятием объемности и весомости звуковых масс, качественно дифференцирующих акустическое пространство. К концу XVII — началу XVIII в. в русской церковно-певческой культуре утвердился аналогичный стиль — партесный.¹⁷ Именно пространственные категории плотности и глубины определяли способ формования звучания в хоровом многоголосном концертировании. Перелом в стиле художественного мышления соответствовал времени начала строительства Петербурга.

Особая экспрессия динамичного аудиального пространства определила специфику формирования знаковой системы городской среды Петербурга. Качественная дифференциация элементов городской композиции, возникающая из взаимодействия звуковых масс и пространственных объемов, стала важнейшим моментом процесса структурирования городской среды новой столицы.

Дифференцированность, разобщенность звуковых масс в пространстве — характерная особенность петербургской звуковой атмосферы. Концертирующие музыканты, играющие на гобоях, трубах и литаврах, во время городских процессий и придворных церемоний размещались на специальных возвышениях, на триумфальных арках, на балконах и колокольнях. Современник, описывая обычную церемонию придворной встречи, сообщает, что когда «его королевское высочество» ехал на обед к канцлеру Головкину, то был встречен «на мосту перед домом, после чего на балконе заиграли на трубах».¹⁸

8 ноября 1800 г. по случаю освящения нового Михайловского замка было совершено торжественное шествие в замок. В церемонию были включены и звуковые эффекты. В сценарии действия — тексте XVIII в. — сказано: «Во время шествия продолжаться будет салютационная пальба; по улицам же поставлены будут шпалеры. В Михайловском замке над воротами, на балконе, будет хор придворных трубачей в придворной ливрее».¹⁹

Одним из регулярных городских развлечений была музыка, доносящаяся с высоких колоколен. Так, на колокольне Петропавловского собора с первых десятилетий XVIII в. ежедневно играли полковые музыканты. Звучание духовых инструментов, доносящееся с высоких точек города, было характерным атрибутом торжественных городских церемоний вплоть до конца века.

В 1799 г. для совершения церемонии заложения военного корабля император с придворными торжественным шествием направился к Неве. При приближении процессии к Адмиралтейству с его шпиля раздалась громкая игра на трубах, далеко разносившаяся над широкой невской гладью.²⁰

Нева, разделяющая город на две части, нередко способствовала эффекту пространственной разобщенности нескольких звуковых источников. По описанию одного из очевидцев известно, что в 20-х гг. «в крепости ежедневно в полдень играют гобоисты, а на башне Адмиралтейства [на противоположном берегу Невы. — И.Ч.] в то же время особые трубачи».²¹

Характерной особенностью композиции новой столицы стало расширение масштаба восприятия, ощущение протяженного пространства и движения. Естественная природная среда, «воспринявшая» новый город, оказала влияние на его облик. Его существенной чертой стало преобладание открытого пространства, неограниченного поля видения. Атмосфера бесконечности рождалась здесь от обилия водной глади, открытой небу, получившей дополнение в широте площадей и улиц.

Город рос, охватывая широкое устье Невы, которая давала ему простор и становилась естественным резонатором городских звучаний. С Невой были связаны богатые возможности пространственно-акустических эффектов. Особенно культивировался эффект «эха». Приведем несколько примеров.

24 марта 1723 г. император отплывает на большом судне из Почтового дома в Александро-Невский монастырь, где собирается участвовать в празднике Благовещения. Ритуал отплытия включает в себя звуковую композицию: «При отплытии от Почтового дома он выпалил из трех маленьких пушек, и в крепости отвечали ему семью выстрелами».²² Следует обратить внимание на то, что как в этом случае, так и во всех остальных не только порядок пальбы, но и количество выстрелов и количество стреляющих пушек всегда специально устанавливалось, являясь значимым моментом пушечной звуковой композиции.

Церемония спуска корабля на воду также предполагала особые звуковые эффекты. Сохранилось описание одной из таких композиций, включающих в себя взаимодействие нескольких разобщенных звуковых комплексов, расположенных на середине реки и в значительном удалении от них на берегу. Современник описывает: «Когда он [корабль. — И.Ч.] пошел по воде, с него раздались звуки литавр и труб, смешавшиеся с шумными восклицаниями народа, стоявшего на старом корабле и на берегу. В то же время началась пушечная пальба в крепости и в Адмиралтействе».²³

В дни празднования больших событий композиция «эхо» достигала огромного масштаба и приобретала черты театральности. Сцена одного из таких «представлений» — самое широкое место Невы, две крепости на ее противоположных берегах, огромная площадь перед собором на берегу. Важным элементом этого «представления» стало взаимодействие громких криков толпы, оглушительных звучаний труб и литавр, пушечных и ружейных выстрелов. Звуковые источники разместились на значительном удалении друг от друга и звуковая композиция охватила собой значительную часть городского пространства.

Действие было совершено во время богослужения в церкви Святой Троицы в связи с принятием царем титула императора 22 октября 1721 г. «По окончании речи великого канцлера среди радостных восклицаний внутри и вне церкви, при звуках труб и литавр началась пальба из всех пушек крепости, Адмиралтейства и ста пятидесяти галер, прибывших накануне в ночь и расставленных по реке против здания Сената. В то же время загремел беглый огонь 27-ми полков, возвратившихся из Финляндии в составе 27000 человек».²⁴

Эффект «эха» иногда охватывал и все петербургское городское пространство. Так, во время совершения в 1724 г. особо торжественной церемонии в Александро-Невском монастыре, значительно удаленном от центрального городского ядра, был осуществлен особый звуковой ритуал. Указом Петра I было предписано, «когда услышат в Невском монастыре пушечную стрельбу, тогда палить с города [т.е. с Петропавловской крепости. — И.Ч.] из 31 пушки, что было того же числа по полудни в 1-м часу и учинено».²⁵ Звучание пушечного «эха» охватило в этом случае огромное расстояние, простирающееся от городского центра до дальних городских окраин.

Придворные увеселительные церемонии были связаны с иным, особым характером звучания. Обычно слышны были мягкие тембры валторн в сочетании с трубами. Водные ассамблей, проводившиеся на Неве, включали в свой церемониальный план еще один вариант композиции «эха».

Современник так описывает приятность времяпрепровождения при катании на барках по Неве: «Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50-ти или 60-ти барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12-ти человек, а на самых маленьких вереек не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собой музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух».²⁶ «У большей части вельмож были с собою трубы и валторны, звуки которых, против крепости, чудно раздавались и производили эхо».²⁷

На петербургских церквях было размещено множество традиционных колоколов, колокольных часов и клокшилей. Звучание колокольных звонов различной мощности и тембра, расположенных на различном расстоянии друг от друга, создавало еще один вариант акустического эффекта «эха». Нередко пушечное, колокольное и инструментальное звучание объединялось в общую композицию, наполняя собой всю ширь городского пространства.

Динамика аудиального пространства Петербурга XVIII в. рождалась в многохорности уличных звучаний — колоколов, пушечной и ружейной пальбы, литавр, барабанов и духовых инструментов, обладающих различ-

ной способностью тембрового и плотностного наполнения городской пространственной среды.

В связи с особой восприимчивостью человека барочной культуры к экспрессии пространственного взаимодействия звуковых масс аудиальный образ города обладал для жителей Петербурга XVIII в. особой значимостью. На основе дифференциации уличных звучаний по мере их звуковой плотности и пространственной расчлененности формировались особые структуры, которые включались в семиотику городской планировки и городских ритуалов в качестве конструктивных элементов.

Новая пространственная концепция проявилась в особой идее городской планировки, определившей облик Петербурга. Ведущей идеей его строительства стало создание современного европейского города, где регулярность и рациональное планирование были бы активно направлены на унификацию городской жизни.

Важнейшей чертой стиля барочного мышления З.Гидион называет новую способность «формировать пространство и объединять целое из самых разнообразных частей».²⁸

Идея города как целого, в котором рационально координируются множество многообразных элементов, связана с концепцией городского планирования, возникшей на пороге Нового времени. Одна из первых попыток воплощения этой концепции — перепланировка Рима при папе Сексте V, которого З.Гидион считает первым современным планировщиком городов.²⁹ На протяжении XVII в. концепция рационального планирования городского пространства утвердилась в европейском барокко в качестве ведущей.

Петербург, город Святого Петра, Новый Рим, планируется и строится в условиях такой пространственной «очевидности», которая складывается под влиянием этой новой европейской концепции. Структурирование целого — выявление каркаса и основных элементов конструкции при условии их рационального соподчинения — такой способ конструирования определил специфику пространственно-аудиального единства городской среды Петербурга.

Широта и разомкнутость пространства, экспрессия которого усиливалась благодаря эффектам уличных звучаний, была характерной особенностью петербургской городской среды. Для целостности его восприятия было необходимо «стягивание» этого бесконечного пространства усилием концентрации зрительного и слухового внимания на ключевых моментах его конструкции.

Пространственно-акустическая композиция города воспринималась как целостная динамичная структура благодаря системе ключевых точек, архитектурных и звуковых доминант, фокусирующих восприятие городской среды на определенных сюжетах.³⁰ Смысл этих сюжетов раскрывался благодаря системе путей, связывающих ключевые точки и

устанавливающих их зависимость. Порядок движения городских церемониалов и шествий выявлял семантику городской планировки.

Триумфальные военные марши, торжественные придворные шествия нуждались для своего движения в линейном пространстве особой длительности. «Проспект — это самый важный символ и главный факт города барокко», — пишет Л. Мамфорд.³¹ Главной городской артерией Петербурга, альтернативной невской водной глади, стала широкая Невская перспектива, идущая от самого Адмиралтейства к Александро-Невскому монастырю. По ней маршировали войска, двигались императорские кортежи, проходил крестный ход.

Одно из первых описаний городских шествий по Невской перспективе относится к 1719 г. 10 апреля 1719 г. «было погребение генерала-фельдмаршала кавалера Бориса Петровича Шереметева, и как тело его несли из дома его в Невской монастыре, тогда выпалили с города из 21 пушки, а во время учреждения церемонии и до выноса из дома был звон у всех церквей, провожали тело его семеновские и преображенские солдаты строем, а несли оное тело господа полковники, где изволил быть и Его Величество, и того же числа там погребен».³²

К середине века воинский парад-шествие и придворная церемония как зрелище, как демонстрация имперской власти и воинской силы становятся основным моментом процесса структурирования городской среды имперской столицы, утверждающим его пути и ключевые точки и определяющим семантику ее аудиального пространства. Церковный элемент включается в городской ритуал в качестве одного из компонентов, подчиненных этому общему тяготению.

Театральность петербургской пространственности становится одной из характерных ее особенностей. «Я на каждом шагу поражался здесь странному смешению двух столь отличных друг от друга искусств — архитектуры и сценической декоративности. Невольно кажется, что Петр Великий и его преемники хотели превратить всю столицу в огромный театр», — пишет маркиз А. де Кюстин.³³ «Потребность в зрительном зале», по словам Ю. М. Лотмана,³⁴ является особенностью петербургской семиотики. Городские ритуальные церемонии выявляют и закрепляют социальный статус «актеров», которые являются одновременно и зрителями совершаемого действия, а также определяют ключевые моменты городской топографии. Широкомасштабные шествия, ставшие важнейшим механизмом организации городской пространственности, концентрируют в себе все основные пласти городской семиотики, в том числе и звуковую символику.

Одно из впечатляющих городских зрелищ состоялось в 1742 г. по случаю въезда в Петербург императрицы Елизаветы Петровны после коронации в Москве. Сохранился подробный сценарий действия, озаглавленный «Диспозиция во время шествия Ея Императорского Ве-

личества Всемилостивейшей Государыни Елизавет Петровны в Санкт-Петербурх». ³⁵

Место действия церемониала — главный городской путь: Невская перспектива от городской черты до центрального городского ядра — царского дворца. Участники: императрица, петербургские полки и генералитет, купцы русские и иностранные, духовенство, высшие придворные чины, расположившиеся вдоль Невской перспективы в соответствии своему чину и рангу. Императорский кортеж начинает торжественное движение от Фонтанки, где его приветствуют военные, по Невской перспективе мимо Гостиного двора, где выстроились купцы, мимо Казанской церкви, где встали в шеренги священнослужители, к точке назначения шествия и апогею празднования — императорскому дворцу, там императрицу встречают, построившись рядами, придворные чины и дамское общество. Это не только движение в пределах городского пространства, но и как бы путь иерархического восхождения от низших слоев городского общества к высшим.

Конструктивными элементами семиотики этого праздничного шествия стали характерные звучания. Аудиально-пространственная композиция построена на взаимодействии двух основных компонентов. Это, во-первых, элементы, связанные с имперско-воинской символикой, — пушечные и ружейные выстрелы, звуки труб и литавр, и, во-вторых, элементы церковной традиции — колокольные звоны и хоровое пение.

Действие началось с того, что по обе стороны Невской перспективы в две шеренги от самого Адмиралтейства стали в параде высшие петербургские полки, лейб-гвардии Преображенский и Семеновский: «по прешпективой до триумфальных ворот, что у Зеленого мосту, и от тех ворот по прешпективой к Казанской». ³⁶ Полки продолжили линию до городской черты и дальше по городской слободе. В документе сообщается: до других триумфальных ворот, «что в Аничковой поставлены быть имеют, по обе стороны прешпективой обретающиеся в Санкт-Петербурхе полки — Ингерманландской, Астраханской, Казанской, Киевской, Воронежской и далее тех ворот по слободе, откуда Ея Императорского Величества въезд будет». ³⁷

Возле Аничковых триумфальных ворот выстроились для встречи императрицы высшие военные чины. Им приказано: «Командующий выше-помянутыми полками генералитет встретят Ея Императорское Величество с приезду за Аничковыми триумфальными воротами и отдадут надлежащую честь и штат и обер-офицеры при своих полках и по своим местам». ³⁸ Здесь впервые включился момент звучания: «Наверху помянутых Аничковских триумфальных ворот поставлены будут от артиллерии литаврщики, трубачи и музыка и начать оным играть тогда, когда близстоящих оных ворот полк будет честь отдавать». ³⁹

Звуковая волна, начавшись от Аничковых триумфальных ворот, должна была охватить весь проспект, следуя за движением императорского

кортежа. Пункт 9 «Диспозиции» определяет: «Когда корета, в которой сидеть будет Ея Императорское Величество, пред которой полк за тридцать шагов приближаться будет, тогда всем тем полкам отдаут честь и будут бить марш и музыка играть... А когда изволит Ея Императорское Величество весь тот полк миновать и в дистанцию другова полка вступить, тогда первому полку сказано будет „на плечо”, и перестанут в барабан бить и музыка играть». ⁴⁰

У Гостиного двора императорский кортеж встретил парад купцов. Действия купцов, так же как и военных, в церемонии этого военизированного парада-шествия четко расписаны. Пункт 10 «Диспозиции» требует: «У нового Гостиного двора для высокопомянутой же Ея Императорского Величества встречи имеют собратца российский и иностранный знатный купцы, ис которых станут российский по правой, а иностранный по левой сторонам, и из оных будут все по нациям в одинаком богатом платье [далее следует детальное описание фасона и материала платья, которое должны будут надеть представители каждой нации. — И.Ч.]. И будут все оные стоять по обе стороны прешпективой рядом в две шеренги». ⁴¹

Следуя по Невской перспективе от Гостиного двора далее, процессия приближается к Казанской церкви, где, подобно военным и купцам, императрицу встречают выстроившиеся в две шеренги священнослужители. В этот момент церемониала в действие включается хоровое пение. Священнослужители одеты в свое традиционное одеяние, семинаристы же, готовящиеся также в будущем стать священнослужителями, костюмированы для пения «Похвальной песни». Они наряжены в некие белые одеяния и лавровые венки. Документ определяет: «У церкви Пресвятая Богородица Казанская встретят Ея Императорское Величество сколько в Санкт-Петербурге собраться может, все знатные духовные по обыкновению со святыми кресты и образы, а при том по обоим сторонам прешпективой дороги зделаны будут негораздо высокие места, на которые поставлены будут по 20 человек из семинарии Невского монастыря студентов, все в белом одеянии, имея на головах белые перуки или лавровые венцы, а в руках ветвии, и будут петь Ея Императорскому Величеству похвалную песнь». ⁴²

Процессия минует церковь и приближается ко вторым триумфальным воротам, где собраны чиновники средних классов. Здесь организован второй звуковой «акцент» церемонии. Пункт 12 «Диспозиции» гласит: «Вне вторых триумфальных ворот имеют собраться 8, 7, и 6 класов статских чины, также и коллежские и прочих судебных мест секретари и все служители, которая в рангах, все в богатом платье, и станут все для встречи Ея Императорского Величества по обоим сторонам рядом, и на верх ворот музыку поставить, адмиралтейскую и кадетского корпуса». ⁴³

Кульминация действия наступает, когда кортеж приближается к императорскому дворцу. Здесь собраны чиновники самых высших классов и петербургское высшее дамское общество. «У дворца, где Ея Император-

ское Величество выгти ис кореты изволит, у кореты встретят Ея Императорское Величество все от 5 класа и выше знатные чины, також и сколко могут в Санкт-Петербурхе собраться дамские персоны».⁴⁴

Апофеоз всего этого действия подготовлен постепенным нарастанием грохота пушечных выстрелов, акцентирующих отдельные моменты церемониала.

Первый такой акцент в начале городского пути. «Когда Ея Императорское Величество изволит приблизится к первостоящему за Аничковыми триумфальными воротами полку, тогда первой сигнал тремя ракетами даётся, ис которых первая при первых, вторая у вторых триумфальных ворот, а третья у дворца имеют быть разставлены, и потом выпалят с крепостей с Санкт-Петербургской из 71, а с Адмиралтейской из 70 пушек».⁴⁵

Второй акцент — середина пути, Казанская церковь. Палят уже из большего числа пушек: с Санкт-Петербургской крепости из 85, а с Адмиралтейской из 84 (с Санкт-Петербургской крепости опять на одну пушку больше, видимо в связи с высшим «рангом» этой точки города). «Когда же Ея Императорское Величество изволит прибыть ко дворцу и при выступлении ис кореты встретят Ея Императорское Величество предстоящие притом вышепомянутые обоих полов как мужские, так и дамские персоны, учинят Ея Императорскому Величеству всеподданнейшее поздравление [с] благополучнейшим прибытием, и по вступлении Ея Императорского Величества в императорские покой учинится третий сигнал тремя ж ракетами, которые поставлены будут у дворца и потом выпалят с крепостей с Санкт-Петербургской из 101, а с Адмиралтейской из 100 пушек».⁴⁶

Далее в звуковой композиции церемонии следовала смена тембра. Следующий пункт «Диспозиции» указывает: «По окончании оной палбы зачнется генеральной залп беглым огнем из мелкого ружья всеми в параде будущими, а имянно от правого крыла лейб-гвардии Преображенского полку, и следует оной по порядку за первые и вторые триумфальные ворота и назад даже до конца лейб-гвардии Семеновского полку, и оные генеральные залпы трижды будут, а по последнем залпе все полки вдруг на карауле поставят, и поход в барабан ударят, и музыки играть и на пример 10 минут продолжат, то сказать „на плечо”, а потом все офицеры и рядовая поднять шляпы вверх махать и трижды кричать: „Виват, Елизавет, великая императрица, виват, виват, виват!”».⁴⁷ Заключительная часть церемониала — как бы динамичная реприза первой части, когда движение императорского кортежа вдоль Невской перспективы сопровождалось барабанным боем и музыкой.

На протяжении всей церемонии звучание пушечных выстрелов, барабанного боя и духовой музыки было поддержано беспрерывным колокольным звоном всех петербургских церквей. Документ указывает: «От начала пушечной палбы даже до расpusчения полков надлежит во всех церквах в Санкт-Петербурхе в колокола звонить и на часах играть».⁴⁸

Зрелище было продолжено вечером, когда «на театре» на Неве у стрелки Васильевского острова была представлена парадная иллюминация. Все петербургские жители должны были иллюминировать свои дома восемь дней после столь радостного события.

Хронотоп этого грандиозного театрализованного парада-шествия включил в себя все основные моменты семиотики петербургской городской культуры. Диспозиция его церемониала символизирует целостность системы иерархического устройства петербургского социума середины века, системы ключевых точек городской планировки, так же как и системы важнейших элементов аудиального пространства. Язык колоколов и пушек разъясняет смысл события, выражаемого в движении торжественной городской церемонии.

Итак, Петербург XVIII столетия — звучащий город.

Семантика его городской пространственности раскрывалась благодаря совмещению визуального и аудиального поля. Городские ритуалы — военные и церковные шествия, придворные церемонии — были связаны как с характерными звучаниями, так и с определенными путями, соединяющими значимые точки городского пространства. Динамичные звуковые массы наполняли городские улицы и образовывали в рамках городского целого своеобразные пространственно-акустические композиции. Статичные звуковые источники — колокольные звоны, а также пушки — размещались в соответствии с общим замыслом городской планировки. В условиях барочного мироощущения «звуковых путей» городского пространства играли существенную роль в ориентации горожан в пределах городского социума.

Глава II

КОЛОКОЛЬНЫЕ ЗВОНЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

В сложном семиотическом механизме Петербурга XVIII в. важнейшую роль играли колокольные звоны. «Металла звон» преобладал в многообразии городских тембров. Благодаря рациональному размещению масс колокольного звучания в городском пространстве артикулировались ключевые точки городской топографии.

Семантика церковных колокольных звонов в традиционной православной культуре определялась литургической функцией.¹ По христианским представлениям колокольные звонь обладали благодатной силой освящения окружающей среды и очищения ее от власти тьмы. Предполагалось, что церковные колокола получали эту силу при совершении специального обряда перед их водружением на колокольню. Традиционная функция колоколов состояла в расширении пределов храма, стягивающего под свой покров всю ширь пространственной среды обитания. Образ городского пространства, формируемый соборными вертикалями, ощущение времени, регулируемое часами службы, восприятие колокольных звонов как аудиальных символов сакрального хронотопа — таковы фундаментальные компоненты древнерусского традиционного сознания.

Петербургская культура XVIII в. порывает с этой концепцией. В новой столице, с одной стороны, императорский дворец противостоит православным храмам в качестве конкурирующего ритуального центра. С другой стороны, основные петербургские церкви помимо своего традиционного назначения приобретают функцию своеобразных символов новой государственности: все главные соборы Петербурга так или иначе связаны с прославлением императора и имперской силы, воплощая в пространственно-объемных формах доминирующую идею. Аудиальным выражением этой концепции служат церковные колокола; их различие по величине и звуковой мощи прямо корреспондирует с иерархией значимости новых петербургских святынь. Многоуровневая динамика колокольных звонов образует сложную систему звуковых путей, связующих

основные духовные центры столицы. Таким образом, петербургские церкви и церковные звоны становятся амбивалентными элементами государственно-церковного культа.

Такова общая картина. Обратимся теперь к последовательным стадиям ее формирования.

Город вырастает из своего первоначального «зерна» — связки двух элементов, государственного и церковного: крепости и собора. В основании городской символической структуры оказались соотнесенные имена святых апостолов Петра и Павла и апостола Андрея с именем основателя имперской столицы — Петра I.²

14 мая 1703 г. Петром было определено место будущего строительства Петропавловской церкви и церкви Живоначальной Троицы — двух главнейших православных храмов будущего города. Через два дня, в праздник Троицы, была заложена Петербургская крепость,³ а в ней «самая первоначальнейшая» деревянная соборная церковь Петра и Павла.⁴ Современник так описывает это событие: «16 мая, то есть в день Пятидесятницы, было совершено шествие на остров Люистранд, где по освящении воды и по прочтении молитвы на основание города и кроплении святою водою [царь Петр. — И.Ч.] взял заступ и первый начал копать ров».⁵ Ритуал этот сопровождался пушечной пальбой с кораблей, стоящих на Неве. При закладке крепости Петр зарыл в ее основание золотой ковчег с частью мощей св. Андрея Первозванного. Другую частицу мощей этого святого и вырезанную им самим икону апостола Андрея Петр принес впоследствии в дар Троицкому собору.

В 1706 г. началось большое каменное строительство крепостных сооружений.⁶ В 1714 г. в крепости заложили новый каменный собор, а старый деревянный собор Петра и Павла, построенный через пять месяцев после основания города, в 1717 г. начали разбирать.⁷ Строительство крепостных сооружений и каменного Петропавловского собора растягивается до начала 30-х гг. В связи с этим «город» и собор в нем оставались символическим центром новой столицы, а реальную функцию конструктивного ядра новой городской общности на начальном этапе ее организации выполняла другая церковь.

В начале второго десятилетия, когда с 1712 г. активизировалась городская жизнь Петербурга, центром ее стал Петербургский остров,⁸ названный А.И.Богдановым, первым историком города, «первоначальным от прочих».⁹

Здесь, на обширной площади рядом с крепостью, находился собор, освященный во имя Святой Троицы.¹⁰ Основание этой церкви было положено 1 октября 1703 г., в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день совершался церковный обряд освящения новой крепости и заложена была церковь Святой Троицы. Из рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» известно, что после того как была выстроена крепость, «октября 1-го, т.е. в день Покро-

ва Богородицы, царское величество в оню С.-Петербургскую крепость изволил иметь торжественный выход, и было освящение града С.-Петербурга, и хождение с животворящими крестами по стене города [по крепостному валу. — И.Ч.], и кропление святою водою. И в тот же день изволил [царь. — И.Ч.] обложить [заложить. — И.Ч.] и церковь Живоначальный Троицы». ¹¹ После шествия и обряда освящения началась пушечная пальба, а ночью после окончания «веселия» в доме коменданта царя и придворных «была другая пушечная пальба с крепости и из стоящих на Неве фрегатов, 5-ти шняв и 8-ми яхт». ¹² О существовании этой церкви (возможно часовни) в первые годы известно мало, и в некоторых источниках основание церкви Святой Троицы даже отнесено к 1710 г. ¹³ Именно эта церковь приобретает значение главного общегородского храма начала века. Символика ее освящения сконцентрировала в себе самые основные сюжеты петербургской культуры.

Освящение главного городского собора во имя Святой Троицы, важнейшей христианской святыни, — традиция, связанная с допетровским периодом. Однако в новой столице это именование получает особый смысл. Главный городской собор освящается «в память зачатия царствующего Санкт-Петербурга... для новопостроенной крепости Санкт-Петербургской... в знак того дне, в онъ же заложена... понеже сей град заложен в самый день святыя Пятидесятницы». ¹⁴ В 1721 г. в соборе был освящен придел святого Харитона Исповедника. Имя этого святого также освещает политическое событие Петровской эпохи: в день его памяти русские войска одержали победу над Левенгауптом под Лесной (28 сентября 1708 г.). ¹⁵ Кроме того, Троицкий собор был связан и с именем Петра I, одним из покровителей которого считался святой апостол Андрей Первозванный: главной святыней Троицкого собора была частица мощей апостола и крест с его изображением, вырезанный самим императором. Таким образом, сакральная символика соборной церкви связывается с государственно-политическими событиями (заложением «города», или крепости, Санкт-Петербурга и воинской победой) и фигурой основателя империи. В двойственности символизма главного петербургского собора отразилась характерная идеологическая контаминация земных и сакральных ценностей.

В царствование Петра I Троицкая площадь и соборная церковь Живоначальной Троицы становятся центральным узлом социокультурного пространства Петербурга. В праздники и воскресные дни сюда прибывал император с придворными и певчими для участия в службе. «И занимаясь пением своею особою, стоя на крылосе с прочими певчими, продолжал всенощные бдения часов по 5-ти и по 6-ти июня 7 числа, а на день Сампсония Странноприимца за благодарственную победу под Полтавою и до 7 часов всенощную службу продолжал». ¹⁶

16 октября 1717 г. в Троицком соборе состоялась торжественная встреча Петра, возвратившегося из второго заграничного путешествия. Здесь

22 октября 1721 г. совершена была торжественная церемония «преподнесения» Петру титула императора. В том же году в этой церкви произошло открытие Синода и первое его заседание.¹⁷ В соборной церкви Живоначальной Троицы венчали придворных, отпевали царевича Алексея Петровича.¹⁸ На большой Троицкой площади, где располагался собор, отмечались важнейшие городские события. В дни празднования «викторий» перед собором собирались горожане, выстраивались петербургские полки и служился молебен, отсюда же отправлялись процесии на Неву для водосвятия.¹⁹

На здании Троицкой соборной церкви находился самый большой и звучный петербургский колокол, захваченный у шведов в Або в 1701 г. Вес его был 100 пудов.²⁰ Звон соборного колокола был для горожан главным аудиальным ориентиром.

В первые годы строительства Петербурга были освящены церковь Исаакия Далматского,²¹ церковь «Николая Чудотворца, что за Татарской»,²² церковь апостола Матфея²³ и некоторые другие. Все они составляли второй уровень громкостной динамики городской среды. «У Троицы и в городе стали благовестить к заутрене», «благовест был у Троицы и в соборе звон», «начали благовестить у Троицы и у прочих церквей к заутрене», «в праздник Рождества Христова по полуночи в 5 часу начали у Троицы також и у прочих церквей благовест к заутрене»²⁴ — эти формулы отражают восприятие современниками иерархической подчиненности «прочих» церковных звонов по отношению к звону главного собора.

В 30-е гг. петербургская аудиальная панорама обогащается новыми акцентами, существенно меняющими ее структуру.

Город рос, с увеличением количества жителей увеличивалось и число петербургских церквей. В конце 20-х гг. в Петербурге действовали четыре соборные, около 20 приходских, гарнизонных и госпитальных церквей.²⁵ На левом берегу Невы против Петропавловского собора был возведен Зимний дворец, началось строительство домов придворных сановников и стало определяться новое центральное городское ядро. Своеобразный «треугольник» связал основные духовные центры столицы — Петропавловский собор, Александро-Невский монастырь и Сампсониевский собор, определившие пути развития городской застройки.

Новый каменный собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Петербургской крепости был освящен 28 июля 1733 г.²⁶ В символике его освящения совместились два плана — имя святого апостола Петра отсыпало в то же время к имени императора.

Собор был задуман как самое высокое сооружение города. На его колокольню был помещен огромный колокол весом в 204 пуда, привезенный в 1725 г. из Москвы.²⁷ Сопряжение двух важнейших конструктивных элементов городского целого — главного придворного собора и императорского дворца — стало узловым моментом городской композиции. Их

экспрессия усиливалась местоположением дворца и собора на двух противоположных берегах невской глади.

Постепенно наметилась связь между главным придворным собором «царствующего Санкт-Петербурга» и другой петербургской святыней — монастырем Александра Невского.²⁸

Монастырь был основан в 1710 г. и освящен во имя Святой Троицы и святого князя-воина Александра Невского. Его имя указом митрополита Стефана с 1710 г. начинает поминаться при богослужении как «представителя за Невскую страну, возвращенную царским оружием от шведов».²⁹

Церковно-воинская идея, возникшая в связи с именем патронального святого новой столицы, впоследствии сыграет значительную роль в петербургской культуре. Культ святого князя Александра Невского (канонизирован в 1547 г.) в период формирования Российской империи приобретает черты государственного культа. В новой идеологии имя святого связывается с императорской особой. «Подражатель вторы Невски и мореваряжски Александр», — так назвал Петра I один из участников Северной войны, дворянин А.С. Полозов.³⁰ Средоточием культа Александра Невского становится Александро-Невский монастырь в Петербурге.

В монастыре было несколько церквей: «небольшая во имя Благовещения Пресвятой Богородицы», стоявшая с 1713 г. «у святых ворот», «церковь маленькая каменная во имя Лазарева Воскресения» над гробом царевны Наталии Алексеевны, освященная в 1717 г., двухэтажный каменный храм с верхней церковью «во имя святого благоверного великого князя Александра Невского», освященной в 1724 гг., и нижней церковью, освященной «во имя Благовещения Пресвятая Богородицы» в 1725 г.³¹

Со стороны Невы находились мазанковые ворота с колокольней. На этой колокольне были помещены два огромных колокола весом в 200 и 800 пудов, привезенные из Иверского монастыря в 1716 и 1724 гг.³² Как и для колоколов Петропавловского собора, Нева служила природным резонатором их звучания и усиливала динамику колокольного звона. В начале века основным путем, ведущим к монастырю, была Нева. Церемониальный порядок прибытия в монастырь торжественных процессий включал в себя встречу яхт и барж, плывущих по Неве, колокольным звоном. Так, во время церемонии похорон Феофана Прокоповича в 1736 г. от Карповского дома архиепископа для отпевания в Александро-Невском монастыре по Неве отправились баржи, встречены они были в монастыре благовестом в один колокол, а когда приблизились — звоном во все колокола.³³

Перенесение мощей святого князя Александра Невского 30 августа 1724 г. из Владимирского монастыря придало Александро-Невскому монастырю еще большее значение. С начала 30-х гг. он воспринимается как неотъемлемая часть городского организма. От центра города сюда была проложена Большая перспектива, работы по устройству которой нача-

лись еще в 1713 г.³⁴ Со временем этот путь превращается в главную городскую артерию, связывающую два ритуальных центра — дворец и монастыри.

Третьей ключевой точкой городской конструкции, усилившейся с начала 30-х гг., была церковь Сампсония Странноприимца,³⁵ освященная в 1710 г. в память Полтавской победы.

Празднование годовщины победы под Полтавой (27 июня 1709 г.), совпадавшей с днем памяти святого Сампсония, было в жизни Петербурга одним из важнейших событий. С ним связывалось представление о крепости и «благодатности» основания города и империи. Петр I пишет в письме Ф.М.Апраксину в день Полтавской победы: «Ныне уже совершенный камень во основание Санкт-Петербургъ положен с помощью Божию».³⁶ Победа при Полтаве рассматривалась современниками как свидетельство харизматической силы императорской власти, как «чудо милосердия Божия».³⁷

По мере усиления имперского культа Сампсониевская церковь получила особое значение. С этим обстоятельством связано ее «артикулирование» в качестве доминанты аудиального пространства. Здесь в 1733 г. вместо обветшавшей деревянной церкви был освящен новый каменный собор Сампсония Странноприимца, на колокольне которого установили мощный колокол весом 400 пудов.³⁸

Звучание колоколов Петропавловского собора, Александро-Невского монастыря и церкви Сампсония Странноприимца создавало первый, наиболее интенсивный уровень звучности колокольного многоголосия города.

Второй аудиально-динамический ярус был связан с колоколами церкви апостола Матфея на Петербургском острове, собора Андрея Первозванного на Васильевском острове, церкви Симеона и Анны на Фонтанке, соборной церкви Успения Богородицы у Тучкова моста, церкви Иосифа Древодела на Охте — везде были колокола весом около 100 пудов.³⁹ Множество колоколов меньшего веса находилось на остальных петербургских церквях. Так, в церкви Воскресения Христова на Васильевском острове было собрано к началу 30-х гг. девять небольших колоколов весом от 21 фунта до 50 пудов 10 фунтов.⁴⁰ На церкви Рождества Иоанна Предтечи (Крестовоздвиженской Ямской церкви) находилось четыре небольших колокола.⁴¹

Начало и продолжительность благовеста всех петербургских колоколов строго регламентировались. Царским указом было определено начинать благовест перед службой по сигналу с крепости — выстрелу 17 пушек — вместе с главным Петропавловским собором.⁴² С первым ударом петропавловского колокола весь город насыпался колокольным звоном. Тембр и уровень громкости колоколов соответствовали идеологической значимости церквей в городской структуре. Звоны ориентировали горожан в иерархии городских святынь, выделяя среди них главенствующие.

Основные направления «звуковых путей» аудиального пространства соответствовали важнейшим смысловым координатам городской среды. Невская перспектива, связывающая сердце города, Петропавловский собор, с другим сакральным центром, Александро-Невским монастырем, имела аналогию в композиции масс колокольного звучания.

Новый этап «колокольной эволюции» наступает в 50-е гг. В рукописи А.И.Богданова «Описание Санкт-Петербурга», законченной в 1751 г., упоминается 12 православных соборов, 40 слободских и полковых церквей, 19 церквей «учрежденческих», 11 церквей дворцовых, придворных и домовых, 19 православных подворий со своими церквами и три монастыря со своими церквями.⁴³ Это далеко не полный список православных церквей, действовавших в это время в городе. Активный рост города на протяжении второй половины века сопровождался и строительством новых церквей. К концу XVIII в. в Петербурге было уже около 100 церквей.⁴⁴ Расширение городского пространства влекло за собой и увеличение мощности петербургских колокольных звонов.

С 50-х гг. «нижний» уровень динамических характеристик колокольной звучности связывался уже с 200-пудовыми колоколами. Так, в 1753 г. специально отливается и добавляется к старым колоколам церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы на Фонтанке новый колокол весом 200 пудов.⁴⁵ К 1758 г. до 200 пудов увеличивается вес колоколов Кресто-воздвиженской Ямской церкви.⁴⁶ В церкви Воскресения Христова на Волковом кладбище, освященной в 1756 г., к началу 70-х гг. появляется девять колоколов, из которых самый больший — 271 пуд.

Композиция первоначального городского центра — Петропавловской крепости и собора Петра и Павла — еще на раннем этапе развития города получила свое отражение на противоположной, левой стороне реки, где были основаны верфь-крепость Адмиралтейство и собор при ней. Освящение этого собора, так же как и собора Петропавловского, было связано с императорским именем. Оно было совершено 30 мая 1710 г. во имя святого Исаакия Далматского, день памяти которого совпадал с днем рождения императора.⁴⁷ Собор этот на протяжении первой половины века постоянно перестраивался, функция его в петербургском социуме XVIII в. была прежде всего символическая. Реальным центром городской и придворной богослужебной деятельности с начала 40-х гг. стала церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Невской перспективе. Строение главного ритуального городского ядра начала века, состоящего из двух элементов — Петропавловский собор—церковь Святой Троицы, во второй половине века получило двойника: Исаакиевский собор—церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Церковь Рождества Богородицы освящается в 1737 г. на важнейшем городском пути, Невской перспективе,⁴⁸ и становится новым значительным узлом городской композиции. Тогда же из Троицкого собора сюда была торжественно перенесена икона Казанской Божьей Матери — се-

мейный образ дома Романовых, который сопутствовал Петру I во всех его походах.⁴⁹ С тех пор церковь Рождества Пресвятой Богородицы, отныне более известная как церковь Пресвятой Богородицы Казанской, становится фамильной церковью императорского дома. Вполне закономерно, что в атмосфере сакрализации монаршей власти ее значение необыкновенно возрастает. С 1745 г. в Казанской церкви начали совершаться «императорских фамилий браковенчания».⁵⁰ В период царствования Екатерины II Казанская церковь особенно возвысилась. В этой церкви состоялась торжественная встреча Екатерины после коронации: здесь императрица приняла присягу полков и духовенства. Именно здесь происходили церковно-государственные церемонии по случаю «высокоторжественных дней» (так назывались дни, на которые приходились важнейшие события в жизни императорской фамилии — рождения и тезоименитства, бракосочетания и коронации). Здесь также праздновались «викториальные дни».⁵¹

На Казанской церкви находились четыре колокола. Самый старый из них был вылит еще для церкви Рождества Богородицы в 1734 г. «тщанием той церкви священника Тимофея с приходскими людьми». В 1762 г. для Казанской церкви отливаются колокола весом 129 пудов 25 фунтов и 61 пуд 18 фунтов, а в 1794 г. — колокол весом 264 пуда 13 фунтов. Колокола, отлитые в период «придворного возышения» Казанской церкви, украшались императорскими вензелями и надписями, перечисляющими имена императрицы, цесаревича и его супруги со всеми императорскими титулами.⁵² В изображении императорского вензеля на сакральном предмете сказалась уже знакомая нам по другим проявлениям идея «сакрализованной государственности».

Осуществление рационалистической утопии начала века — идеально-го города, в котором регулярность организации городской пространст-венности являлась бы выражением совершенства государственного устройства, — на протяжении века терпит поражение. Символическое бытие Петербурга вступает в противоречие с бытием материальным. Про-явления этой раздвоенности мы видим во многих аспектах городской семиотики. Так, например, на протяжении века все карты Петербурга отражали не реальную картину городской застройки, а идеальную. Кар-тографические изображения соответствовали тому, что планировалось строить в будущем (это не всегда соответствующим образом в действи-тельности выполнялось). Таким же изображали Петербург и на гравюрах XVIII в. — «парадизом», видением будущего.

Первоначально спланированная стройность колокольной композиции петербургской городской среды на протяжении века утрачивает реальные черты и становится идеально-ментальной структурой. Петропавловский собор в конце века воспринимается в качестве центральной точки город-ского колокольного многоголосия, однако реальная звучность его звонов не соответствует такой роли.

В марте 1766 г. ключари и священники Петропавловского собора обращаются в Канцелярию от строений с доношением. «Прошлого 1756 г. апреля месяца 30 дня во время случившагося в Санкт-Петербургской крепости имевшагося Петропавловского собора колокольни пожара от огня как часовые так и те, в которые производился к священнослужению церковному звон, колокола все до единаго растопилися; и хотя после вылиты были от Канцелярии от строений в означенный собор три колокола, но из тех большой разбился, и звон теперь производится в другия меншия, каковых звук слышится весьма в недалеком от крепости разстоянии. А понеже Петропавловского собора церковь в Санкт-Петербурге имеется первенствующая, и благовест таго слушать должны все прочия здесь имеющиеся церкви, таго ради Канцелярию от строений всепокорно просим, дабы повелено было помянутой разбитый колокол большой с прибавлением к тому меди, сколько Канцелярия от строений благоразсудит, неукоснително перелить, и для лучшаго звону несколко колоколов приумножить, и на сие доношение благоразсудительную учинить резолюцию».⁵³

Однако к началу 90-х гг. недостаток петропавловских звонов по-прежнему не был восполнен. В 1789 г. в соборе пять колоколов: большой — 107 пудов 10 фунтов, будничный — 70 пудов 12 фунтов, три без подписания веса, «а по примеру» петропавловских церковников один в 15 пудов, другой в 10, третий в 2 пуда. Два последних разбиты, а «твердых» осталось только три.⁵⁴

Митрополит петербургский Гавриил обращается с доношением в Синод: «...по знатности сего в резиденции в крепости состоящего кафедрального и Петропавловского собора нужно умножить колокольный для граду звон».⁵⁵

В Переславльском архиерейском доме Сузdalской епархии, обращенном в городской собор, находятся 15 колоколов различного веса, а, как пишут церковники, «таковое количество при соборе уездного города есть не нужное, для того из них к помянутому петербургскому собору во уважение того, что оной состоит в столичном городе а колоколами оскудел», отправляются зимним путем семь колоколов.⁵⁶ 14 января 1789 г. в Санкт-Петербург из Переславльского архиерейского дома отправлены колокола: 219 пудов, 61 пуд 27 фунтов, 25 пудов, 6 пудов 20 фунтов, 2 пуда 30 фунтов, 1 пуд 6 фунтов, 29 фунтов.

К началу XIX в. звон Петропавловского собора состоит из 12 колоколов, ансамбль их организован из трех групп по четыре колокола: «Для праздников большой колокол весу в нем 219 пудов, для полиелеев 107 пудов 10 фунтов, два повседневных — 70 пудов 20 фунтов и 61 пуд 20 фунтов. Средних колоколов четыре. В первом весу 25 пудов, во втором 20 пудов, в третьем 10 пудов, в четвертом 6 пудов 20 фунтов. „Зазвончиков“ 4. В первом весу 2 пуда 30 фунтов, во втором два пуда, в третьем один пуд 6 фунтов, в четвертом 29 фунтов».⁵⁸

Несмотря на стремление церковников, благовест сего «знатного» собора уже не является самым мощным в разросшемся Петербурге последнего десятилетия XVIII в.

На Сенной площади, при въезде в город, выстроена прекрасная церковь Успения Божьей Матери, или, как ее называли, Спас на Сенной. На ней — великолепная звонница с 15 колоколами. Самый большой — 542 пуда 18 фунтов — вылит в Москве в 1780 г., на заводе Ясона Струговщика с надписью: «асессора Саввы Яковлева к церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной». На нем изображен праздник Успения. Другой колокол богочестивый. Вес его 274 пуда 26 фунтов, лит в 1780 г. Полиелейный колокол — 140 пудов, повседневный — 78 пудов 32 фунта. Самый древний, 52 пуда 25 фунтов, вылит в 1762 г. ко дню возвращения Екатерины II из Москвы после коронации. Остальные десять: самый большой 24 пуда, самый маленький 15 фунтов.⁵⁹

На церкви Успения Богородицы у Тучкова моста тоже мощные звонь. На ней установлено семь колоколов: 1) большой в 308 пудов 14 фунтов, вылитый, как следует из надписи, сделанной на нем, «тщанием протопопа Иакова Борисова с братией в 1779 г.»; 2) полиелейный, слитый при том же протопопе; 3) вседневный; 4) малые колокола: один весом 2 пуда 10 фунтов, другой 2 пуда, третий 1 пуд 20 фунтов, четвертый 1 пуд 7 фунтов.⁶⁰

Самые великолепные колокола на Морском Николаевском соборе, освященном в 60-х гг. Ансамбль его соборных звонов был собран к концу века в таком сочетании: 1) большой колокол весом 511 пудов 14 фунтов; 2) полиелейный колокол весом 282 пуда 12 фунтов, вылит в 1758 г., изображен образ распятия; 3) ежедневный колокол весом 174 пуда с надписью «лит сей колокол в Москве московским мастером Константином Михайловичем Слизовым»; 4) колокол весом 115 пудов 38 фунтов, который в XVIII в. называли «пожарным»; 5) колокол весом 64 пуда 15 фунтов, вылитый в 1758 г. тем же мастером Слизовым. Кроме того, еще восемь колоколов малых: 38 пудов 30 фунтов, 20 пудов 20 фунтов, 12 пудов 12 фунтов, 6 пудов 10 фунтов, 4 пуда 9 фунтов, 2 пуда 24 фунта, 1 пуд 20 фунтов и 1 пуд.⁶¹

Символическое доминирование благовеста Петропавловского собора противоречит реальному его положению в динамическом профиле колокольных звонов Петербурга конца века.

Напротив Петропавловского собора, на противоположном берегу Невы в Зимнем дворце в 1762 г. была освящена придворная церковь, которая имела колокольню с пятью колоколами.⁶² В конце века порядком ее колокольного благовеста начинает распоряжаться император. В «Журнале» 1799 г. сказано, что Павел I неоднократно давал указания, когда и как совершать колокольный звон. Так, 4 января он потребовал через обер-гофмаршала, «чтобы в дни высочайшего выхода в церковь не делать благовеста без приказания из комнат».⁶³ 15 декабря того же года «Его

Императорское Величество изволил указать через обер-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина во время развода благовеста к литургии не делать, но после развода или без благовеста начинать оную». ⁶⁴ В этом указе императора порядок церковного благовеста ставится в зависимость от воинского распорядка. В данных указах речь идет о придворной церкви Зимнего дворца. Но именно придворные церкви (Воскресения Христова в Зимнем дворце, Казанской Божьей Матери на Невском проспекте) становятся в конце столетия важнейшими в городской структуре столицы. Значимость придворной церкви утверждается в следующем характерном высказывании придворного, писавшего «Журнал» 1799 г., в котором он сообщает, что в праздник Крещения начался «благовест как при дворе, так и в прочих церквях». ⁶⁵ Сравним его с аналогичным высказыванием 20-х гг. XVIII в., приведенным нами в начале главы, где центральным пунктом колокольного многоголосия петербургских церквей утверждается Троицкий собор.

Итак, основными ключевыми точками, определявшими семиотику городской пространственности Петербурга второй половины века, были Петропавловский собор, который со времени Петра I являлся усыпальницей русских государей и где постоянно совершались панихиды по умершим императорам; Казанская церковь — храм императорской фамилии, где постоянно совершались молебны о здравствующих членах императорского дома, и Александро-Невский монастырь, связанный с почитанием главного события Петровской эпохи, Ништадтского мира, положившего начало империи, — эти основные опоры к концу XVIII в. определили семантическую связь узловых точек городского пространства.

Значимость этой ритуальной связи подтверждается важнейшим петербургским городским ритуалом — шествием по Невской перспективе в день памяти Александра Невского (одновременно годовщины Ништадтского мира) от Казанской церкви к монастырю.

Этот обряд восходит к началу века. Еще в царствование Петра I ежегодно в памятный день совершалась торжественная литургия в Троицком соборе, а затем император с придворными отправлялся в Александро-Невский монастырь, где слушал всенощное бдение и литургию. ⁶⁶ С начала 40-х гг. празднества в честь святого князя-воина становятся одной из самых чтимых петербургских традиций. Ежегодно огромная процессия, в которой участвовали все члены императорской фамилии, придворные, духовенство и множество горожан, отправлялась с пением под колокольный звон от Казанской церкви. Крестный ход медленно двигался по Невской перспективе к монастырю, где его встречал мощный звон александровских колоколов. Так во второй половине века придворный бычай петровских времен превращается в величественный государственно-церковный церемониал, символ имперской идеологии.

Глава III

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ: КОЛОКОЛА И ПУШКИ

В предыдущей главе мы рассмотрели функцию колоколов в качестве аудиальных знаков, выявляющих сакральную топографию петербургского пространства. Обратимся теперь к колоколам как символам сакрального времени: как и раньше, нас будет интересовать изменение православной традиции в контексте петербургской культуры.

В традиционном обществе колокольные звонь были одним из важнейших инструментов церковной праздничной системы. Время было насыщено ожиданием и нацелено на определенный литургический центр — совершение Евхаристии в суточном церковном круге, праздничной воскресной службы в круге недельном и главного события годового круга — дня Воскресения Христова, или Пасхи.¹

В канонической культуре церковные звонь воспринимались в качестве неотъемлемого компонента литургического действия. Звонь раздавались во время определенных молитвословий, акцентируя важнейшие моменты службы и привлекая к ним внимание отсутствующих в церкви прихожан. Порядок звонов регулировался церковным уставом и соответствовал последовательности богослужебных событий суточного, недельного и годового праздничного круга. Характер колокольного звучания (способ звукоизвлечения и выбор колоколов) был также строго определен уставом и имел свое закрепленное литургическое значение. Колокольный благовест выполнял функцию своеобразной «ритуальной речи», усиливая и дополняя смысл богослужебного слова.² Внелитургическое использование колоколов в традиционном обществе занимало периферийную область.

Появление в петербургской культуре множества новых государственно-церковных праздников — «высокоторжественных» и «викториальных» дней — постепенно создавало альтернативу традиционному церковному

праздничному кругу. На протяжении века количество таких праздников стремительно возрастало, а их значение неуклонно увеличивалось. Церковные колокола играли значительную роль в утверждении новой религиозно-государственной праздничной системы. Так, по случаю празднования викторий по всему Петербургу совершался церковный звон «целодневный», трехдневный, а в особо торжественных случаях, таких как Ништадтский мир, звон семидневный. В петербургской культуре традиционная литургическая функция колокольного благовеста постепенно оттеснялась на второй план. Колокол становился символом императорской власти и силы.

Утверждение понятия силы в качестве важнейшей идеологемы петербургской культуры имело несколько аспектов. Сила понималась как сверхъестественный объем и громкость, кроме того, как техническое совершенство. Памятником эпохи начала имперской России стали царь-колокол и царь-пушка — оба необыкновенной величины и потребовавшие для своего изготовления особой технической изобретательности. Технические чудеса искусства механики демонстрировались в «потехе великой» — грандиозных фейерверках, ставших непременным атрибутом празднований викториальных и высокоторжественных дней. В ритуалах новых государственно-церковных праздников имперской столицы элементы церковного и воинского церемониалов (колокольный звон, пущенные выстрелы и строевое музицирование) совмещались с театрально-зрелищным действием «огненной потехи». Символика этого комплекса соединялась с понятием силы и мощи новой империи.

Характерная для культуры этого периода амбивалентность сакрального и профанного начал выразилась не только в «двузначности» церковных освящений, но и соответствующих храмовых праздниках. Праздник в честь определенного исторического события связывался с днем памяти христианского святого. Освящение храма во имя того или иного святого было актом не только литургическим, но одновременно и политическим, утверждающим харизматическую значимость соответствующего события. Таких праздников становилось все больше, и количество церквей, освященных в честь воинских побед, неуклонно увеличивалось. Память обо всех значительных викториях периода царствования Петра I (а, как известно, в его правление воевали почти беспрерывно) получила сакральное закрепление во множестве петербургских церквей.

Так, церковь святого Сампсония Странноприимца была освящена в 1710 г. в память Полтавской победы, которая рассматривалась современниками как следствие чуда. Двойственность освящения явственно отразилась в формуле текста начала XVIII в.: «В день Самсона Странноприимца за Полтавскую баталию». ³ Церковь апостола Матфея освящена была в 1720 г. в память победы под Нарвой 9 августа 1704 г. Пантелеimonовская церковь ⁴ — в 1718 г. в память победы при Гренгаме и Гангуте 27 июля 1714 г. В Троицком соборе в 1721 г. был освящен придел

святого Харитона Исповедника в память победы над Левенгауптом под Лесной 28 сентября 1708 г.

Петр I не останавливается перед вторжением в закрепленный богослужебным каноном церковный календарь. Так, день памяти святого князя Александра Невского, именем которого при основании города был освящен монастырь, а в 1724 г. в связи с перенесением сюда мощей святого князя и одна из монастырских церквей, по указанию императора в том же году переносится с традиционного 23 ноября на 30 августа — день заключения Ништадтского мира со шведами в 1721 г., после которого русский царь принял императорский титул.⁵

Храмовые праздники церквей, освященных в честь воинских побед, совмещали в себе элементы ритуала церковного и воинского. Пушечная и ружейная пальба, барабанный бой и воинственные звучания труб вместе с «молебным пением» и колокольным звоном соединялись в единый ритуальный порядок.

Был выработан особый регламент пушечной пальбы, совершающейся во время празднований викториальных и высокоторжественных дней — своеобразная альтернатива церковного устава, определяющего богослужебный порядок колокольного звона. Один из примеров такого церковно-воинского устава дан в «Журнале Петропавловской крепости» за 1717—1725 гг.⁶

В этой же рукописи сохранилось описание празднования Полтавской виктории 27 июня 1717 г.: «После обедни у церкви Святых Троицы и после благодарного молебна о Полтавской баталии пополудни в 2-м часу былапущена для сигналу ракета, по которой палили с крепости первой раз из 33 пушек, потом без замедления Преображенского и Семеновского полков солдаты выпалили из ружей беглым огнем залп, которые были в строю на площади у Троицы учреждены в декарии батальон, потом паки с крепости другой раз из 43-х пушек, из ружья паки залп, а после с крепости третий раз из 33-х пушек, а из ружья паки третий же залп и потом разпущены, молебен служили за церковию на площади, где изволил быть и Его Величество и прочие господа сенаторы и министры».⁷

Пушечная и ружейная пальба звучала в Петербурге не только во время государственных праздников, но и в праздничные дни канонического церковного круга. Яркий пример — описание современником празднования дня Богоявления в 1719 г. В этот день «Его Величество изволил слушать заутреню и обедню у Исакия Долматского и после того изволил итъти сам, також и светлейший князь и генерал Батуриин с Преображенским полком також и Семеновским строем из-за Большой Невы реки ко Иордане, которая учреждена была против Троицы, и когда Его Величество прибыл ко Иордане, тогда пошли от Троицы со кресты на Иордань водосвящение чинить со кресты архиерей Резанской с прочими епископами, и как погрузили крест, тогда палили с города из пушек 17 раз, а потом бегучим огнем залп, на городу поднят был штандарт».⁸

Итак, воинский строй под предводительством царя отправляется после богослужения на Неву для совершения традиционного обряда водосвятия, и во время погружения креста в воду вместо положенного уставом колокольного звона раздаются пушечные выстрелы и ружейная пальба – это вторжение воинского ритуала в канонический церковный обряд вполне соответствует духу Петровской эпохи.

В правление Петра I появляется обычай «военизированного» церемониала праздника Пасхи. Приведем свидетельство, относящееся также к 1719 г.: «В праздник Светлого Христова Воскресения пополночи в 6-м часу высходе пущена в государеве Зимнем дворце ракета, по которому выпалили с города из трех пушек и потом начали благовестить у Троицы и у прочих церквей к заутрене, а как Его Величество и прочие съехались к Троице и пошли со кресты кругом церкви и, обошед кругом, на входе запели „Христос воскрес“, тогда выпалили с города из 11 пушек, а во чтение Евангелия на литургии из 15, а по окончании литургии из 21 пушки на городу поднят был штандарт и стоял даже до Фомина воскресения».¹⁰

Со временем пушечно-колокольное звучание достигает оглушительной мощи. В начале 60-х гг. число выстрелов на пасхальной заутрене увеличивается до 92, а к концу периода царствования Екатерины II – до 101.¹⁰

В столичном придворном быте времени правления Петра I церковный и воинский ритуал, церковное пение и воинское музицирование нередко соединялись в особое последовательное действие.

Один из примеров такого «представления» дает описание современником придворного церемониала проводов в морской поход. Он пишет: «3 мая 1719 года, то есть воскресение, Его Величество и прочие господа всизволили быть у обедни у Троицы и после обедни был благодарный молебен, а потом как господин адмирал изволил из церкви итъти на галеру свою також и прочие командиры каждой во свое место, и в то время как взошел на галеру свою, палили со всего галерного флота и пушек и играли на галере его на трубах и во литавры марш, которою галерной флот был в то время весь, близ самой Троицкой пристани, и топ же числа оной галерной флот восприял отсюда марш в путь свой пополудни в 2-м часу».¹¹

Сначала 40-х гг. церковный порядок празднования высокоторжественных дней и викторий вбирает в себя военизованный придворный ритуал связанный с военным инструментарием.

Так, по случаю заключения мира с Портой в 1739 г. в соборной придворной церкви была совершена торжественная церемония: духовенство с пением вошло в церковь, затем был прочитан манифест и после того внутри церковного здания, в церковном притворе, военные музыканты стали бить в литавры и заиграли на трубах, после чего было совершено «благодарное пение» (т.е. церковный молебен). В связи с этим торжеством во всех церквях был трехдневный звон.¹²

Мир со Швецией был отмечен в 1743 г. молебном в Казанском соборе. По прочтении «трактата» раздалось троекратное «виват» народа внутри церкви и полков на прилегающей к собору площади, которое было повторено трубами, литаврами, барабанным боем, стрельбой и звоном. По всему Петербургу три дня гудел колокольный звон.¹³

Во времена правления Павла I воинское музицирование становится непременным атрибутом церковных праздничных церемоний. Так, 24 июня, в день святого Иоанна Крестителя — «Празднства Державного ордена» совершается церковная служба. Шествие в придворную церковь из тронной комнаты для слушания литургии совершается по особому регламенту: «В назначенный день поутру звон колоколов, а перед тем пушечные выстрелы возвестят жителям города Павловска наступление празднества. От самой тронной комнаты до церкви дворца поставлены будут кавалергарды и рейтары конной гвардии в их богатом уборе. Во время шествия процессии делают они на караул, бьют в литавры и играют на трубах».¹⁴ По окончании литургии во время молебна с крепостей раздается пушечная пальба.¹⁵

Искусство иллюминаций и фейерверков в XVIII в. было одним из светских «искусств», требующих особого технического совершенства. Тенатрально-зрелищный, «потешный» характер этого искусства был чужд православной литургической традиции. Однако в петербургской культуре фейерверки и иллюминации становятся компонентом церковных празднований. Включение в ритуал традиционно-церковных и новых «высокоторжественных» государственных праздников не только ружейной и пушечной пальбы, но и иллюминаций придавало чуждый им оттенок «потешного» действия.

Описывая празднование в 1719 г. дня наступления Нового года, современник сообщает, что после заутрени у церкви Святой Троицы, на обедне, когда стали читать Евангелие, по окончании литургии и по начатии благодарственного молебна палили из пушек и звучал колокольный благовест, «того же числа в вечеру... учрежден был фейверк и пусканы ракеты и прочие и была оная патеха великая яко в час и болше».¹⁶

В период царствования Анны Иоанновны в петербургском ритуале празднования Пасхи к пушечной пальбе присоединяется иллюминация. 9 апреля 1732 г. во время пасхальной заутрени стреляли не только с Петропавловской крепости, но и с валов Адмиралтейства. Стрельба повторилась после поздней обедни, а вечером были иллюминированы яхты, крепость и Адмиралтейство.¹⁷

Самая же грандиозная патеха, в которой были совмещены колокольные звонь, пушечная пальба и фейерверки, совершена была 22 октября 1721 г. по случаю празднования заключения Ништадтского мира и пренесения царю Петру императорского титула. В этот день было богослужение в Троицком соборе. «По окончании речи великого канцлера, среди радостных восклицаний внутри и вне церкви, при звуках труб и

литавр началась пальба из всех пушек крепости, Адмиралтейства и ст. пятидесяти галер, прибывших накануне в ночь и расставленных по реке против здания Сената. В то же время загремел беглый огонь 27 полков возвратившихся из Финляндии в составе 27000 человек». Новоявленный император сказал речь, и тогда «во время пения „Тебе Бога хвалим“ чтения Евангелия началась опять, как в первый раз, пальба вместе музыкою и барабанным боем всех полков, стоявших перед Сенатом».¹⁸

Главная же часть потешного действия разыгралась вечером в 9 часов когда был устроен большой фейерверк. Огненное представление изображало храм Януса. Когда раскрылись его двери, был вынесен огромный жареный бык и забили фонтаны с красным и белым вином. Бык был при дворными и солдатами съеден, вино выпито. «Лишь только в замка заключенного мира двери храма совсем затворились,— что сделалось уже после отдачи народу быка и фонтанов с вином,— раздались сперва звуки множества труб, литавр и барабанов всей финляндской армии и другого полков потомпущена была ракета — и разом смешались сотни пушечных выстрелов, ружейный огонь и звон всех колоколов».¹⁹ Церковные колокола гудели после того еще семь дней непрерывно.

Со временем правления Екатерины I сочетание колокольных звонов гущечной пальбой, военной музыкой и фейерверками стало непременным атрибутом церемониала коронации. Так, Елизавета Петровна въехала в Москву для коронации 28 февраля 1742 г. при пушечной пальбе и колокольном звоне, во время шествия в Успенский собор «войска держали на карауле, преклоняя знамена с музыкой и барабанным боем, и был колокольный звон». Вход в собор был означен пушечными выстрелами троекратной пальбой всего стоящего в параде войска и колокольного звоном. При пении многолетия, когда императрица взошла на трон, начались пушечная и ружейная пальба и колокольный звон, на литургии «при миропомазании произведен был колокольный звон, пушечная и ружейная пальба». При выходе из собора «раздавалась воинская музыка с барабанным боем и был торжественный звон во все колокола». Все торжества сопровождались иллюминациями.²⁰

Совмещение церковного и государственно-воинского церемониалов едином театрализованном зрелище достигает своего апогея при Павле. Историк описывает картину невообразимого «великолепия» дня коронации последнего императора XVIII столетия. «В день коронования императора Павла I соединены были три празднества — церковное, государственное и царское».²¹ В самый великий день церковного праздничного круга — день Пасхи — совершилось коронование Павла I, сопровождаемое колокольным звоном, воинской музыкой, пушечной и ружейной пальбой.

Прибытие императора в Москву было отмечено благовестом большого успенского колокола. Во время шествия Павла I в Успенский собор певчие пели тропарь канона недели Вайи (церковного праздника Входа Господне-

в Иерусалим) «Воспойте людие, благословен во Сионе». При вступлении в собор раздался выстрел 83 пушек. Затем шествие проследовало в Архангельский и Благовещенский соборы.²²

В день коронации сигнал выстрела 21 пушки «собрал светских лиц в торжественную процессию».²³ При начале церковного благовеста в церковь собирались архиереи для торжественного служения. Приготовлено было грандиозное зрелище. Специальным образом был устроен зрительный зал: «Для смотрения народу оной церемонии кругом всего того мосту по одну сторону к колокольне построены будут места, на которые все желающие допущены будут по билетам».²⁴

Процессия придворных во главе с Павлом I двигалась к церкви под звуки труб и литавр. Музыканты были расставлены по всему ходу их движения. При входе в Успенский собор император был встречен пением придворных певчих. Звучит царский псалом «Милость и суд воспою тебе, Господи». Затем хор поет «Многая лета» и одновременно раздается звон во все колокола. Со стороны башен Кремля и бастионов, на которых расставлена 101 пушка, слышится оглушительная стрельба, и начинается беглый огонь полков, стоящих перед собором на параде. Во время пения гимна «Тебе Бога хвалим» вновь звучат колокола. Следующая пальба и звон — во время миропомазания императора. Финал пушечно-колокольной «симфонии» наступает тогда, когда император «соизволит восприять шествие» из собора и в последний раз раздается грохот выстрелов и гул колоколов. Иллюминация и колокольный звон продолжались еще три дня.²⁵

Следующий после Пасхи (дня коронования императора) большой церковный праздник — день Преполовения, который отмечает середину особого богослужебного цикла между Пасхой и Троицей и связан с религиозным ожиданием другого великого праздника — дня сошествия Святого Духа на апостолов, был также отмечен особой государственно-церковной церемонией. По словам историка, «в праздник Преполовения Господня в Москве происходила воинская церемония, соединенная с церковным торжеством. Император в долматике и короне командовал войсками на параде, а митрополит Платон осенял крестом и кропил святой водою царя, войско и знамена».²⁶

Глава IV

«КОЛОКОЛЬНАЯ ИГРАЛЬНАЯ МУЗЫКА»: ВЛАСТЬ И ПОТЕХА

Зрелищность, «потешность» церемониалов Нового времени — отличительная характеризующая их черта. Публичный, театральный характероникает в церковные ритуалы, связанные с императорской особой. Церемониалы коронования дают примеры невообразимого смешения сакрального и зрелищного, профанного элементов. Так, например, в 1724 при коронации Екатерины I в Москве при соборной церкви, где должно было совершаться коронование, «супротив олтаря позади престола построены были две галереи в форме амфитеатра с перилами, красными шпалерами обиты и перегорожены». ¹ «В первой галерее, в первом пере городке по правой стороне от олтаря, стояли генерал и прочие знатные особы. при оной церемонии присутствующие, а в другом перегородке ближе трона, по правой же руке знатнейшие дамы и девицы. В другой галерее по правой стороне от олтаря, таким же образом убранный, в первом перегородке стояли чужестранные министры, а в другом — прочие господа и кавалеры иностранные, которые ту церемонию смотреть желали. Таке ж галереи построены были вдоль по обеим сторонам церкви на которых стояли знатнейшаго женского полу особы, которым для вход в церковь даны были билеты. На нижнем полу круг церкви между престолом и помянутыми галереями зделан мост из досок в форме амфитеатра на котором стояли кавалеры российской науки, которые не были в чин при церемонии». ²

Сакральное единство церковной службы и церковного здания нарушается благодаря вторжению чуждой им театрально-зрелищной специфики. Одно из проявлений этой общей тенденции — проникновение светских инструментальных форм в церковную сферу. Появление в Петербурге на церковных зданиях «колокольной игральной музыки» ³ — еще одно направление трансформации церковной культуры.

Понятия игры, «потехи» связывались в петербургский период с утверждением новой секулярной концепции времени, светской императорской власти и силы.⁴ Как уже говорилось в 3-й главе, важным аспектом понятия силы в начале XVIII в. было техническое совершенство в соединении с механической регулярностью. Кроме того, сила понималась как процветание и богатство. Западноевропейские клокшипли (или карильоны), шедевры искусства механики и «чудеса» расточительности царской казны, появившиеся в 20-е гг. на главных петербургских православных соборах рядом с традиционными колоколами и ставшие важным элементом новых «потешных» церемониалов, были связаны с имперской символикой, с комплексом идей, составлявших понятие «сила».

Характерной чертой петербургской семиотики XVIII в. было интенсивное взаимодействие различных культурных языков. Два разнородных плана — православные колокольные звонь и клокшипли, заимствованные с Запада, придавали петербургскому аудиальному облику яркую полифоническую экспрессивность. «Немногие из памятников Санкт-Петербурга XVIII в. столь ярко демонстрировали распространение „европеизации“ России, бескомпромиссно насаждаемой Петром Великим, как голландские карильоны и часы, установленные на еще не оконченной колокольне Петропавловского собора в 1720 г.», — пишет Е.В. Вильямс, один из исследователей русских колокольных звонов.⁵

Примером конфликтного соотнесения двух различных культурно-языковых систем может служить следующее обстоятельство. В древнерусской традиции колокола были связаны с погребальным культом. Этим была обусловлена символика колоколен и церкви «под колоколы». Так, например, известно, что в 1640 г. во время церемонии погребения Иосафа I гроб был отнесен на Филаретову колокольню и поставлен под большой успенский колокол для «очищения» колокольным звоном. «Опевание» гроба под колоколами — характерный для традиционной культуры обычай. «Очистительная» сила звонов проявлялась и в обычаях хранить казну вблизи колоколов.⁶ В начале петербургского периода это отношение к колокольне как «поминальному» сооружению сохранялось. 30 июня 1718 г. царевич Алексей погребен в еще строящемся тогда Петропавловском соборе под колокольней.⁷ Однако на колокольне того же собора вскоре помещается «колокольная музыка» и начинаются ежедневные «потешные» концерты военных музыкантов.

Важнейшее отличие западноевропейских колоколов от русских — определенность звуковысотной настройки. Голландские колокола могли управляться механическим устройством, соединенным с часами. Кроме того, с помощью специальной клавиатуры и педалей на них мог играть музыкант. Механические куранты регулярно оповещали горожан о наступлении нового часа звучанием колокольных мелодий, а с помощью клавиатуры и педалей можно было вызывать всевозможные музыкальные пьесы.

«Колокольная игральная музыка», «боевые игральные часы», «часы и клокшпиль при них», «часы строением курантовые», «колокольные часы и при них клокшпиль», «машина», «куранты и клокшпиль»⁸ — такие названия давали в XVIII в. заморской диковинке. Заведовал часами и клокшпилем «колокольный игратель», «колокольный игральный музыкант», «колокольный игральный мастер», «колокольной игральной музыки обер-мастер», «часовой мастер». Эти термины восходят к немецко-голландскому источнику и отражают попытки буквальной передачи по-русски смысла немецких слов «Glockenmusik», «Glockenspiel», «Spieler» и голландского «Klokkspele». «Часовой мастер» был одновременно механиком и музыкантом: он должен был не только наблюдать за исправностью механического боя, а при необходимости чинить механику, но и ежедневно исполнять на клокшпиле различные музыкальные пьесы, репертуар которых постоянно обновлялся. В одном из документов XVIII в. о И.Х.Ферстере, первом петербургском «колокольном игрателе», сказано: «обретается он у играния в колокола на шпице Петропавловском безотлучно»¹⁰.

«Играние» в голландские колокола и уставной звон колоколов православных — особые функции, сформировавшиеся в рамках различных культур. Они различались не только стилем интонирования, но и всей системой практической деятельности, связанной с этими инструментами. Звонарь и «колокольный игратель» петербургского собора в XVIII в. — представители различных слоев общества, говорившие на разных языках, прошедшие различную школу и обладавшие особыми навыками и кругом обязанностей. Слушатели православного звона и «колокольной игральной музыки» также относились к различным слоям петербургского общества. Восприятие их существенно различалось. Петербург православных колоколов и Петербург клокшпилей — два различных уровня городской структуры XVIII в. Главным символом нового «царствующего града», отразившим сложность его социокультурной топики, стала колокольня Петропавловского собора, на которой традиционные русские церковные колокола были совмещены с курантами и клокшпилем.

Особенностью петербургской культуры, в которой заимствованные элементы адаптировались и переосмысливались, было то, что западноевропейские клокшпили непосредственно связывались с имперским культом. Самые великолепные клокшпили были помещены на соборе Петра и Павла, Исаакиевском соборе — храмах, осененных императорским именем. В период правления императрицы Анны Иоанновны возвышается собор Симеона и Анны, и на нем предполагается поместить новый клокшпиль.

Искусство игры на карильонах (как иначе назывались те же клокшпили), появившихся в Западной Европе в XV в., достигло значительного распространения к концу XVII в., особенно в Нидерландах и Бельгии. Петр I знакомится со многими знаменитыми западными карильонами во

время своих европейских путешествий в 1697—1698 и 1716—1717 гг. Ка-рильоны в европейских городах XVIII в. были символом городского процветания.

Исследователь истории европейской колокольной музыки пишет: «Впечатляющие колокольни, эти „общественные голоса“ („public voices“), обычно шедевры архитектуры, были гордыми символами городской силы и независимости. Церковные колокольни часто играли двойную роль, демонстрируя дух христианства и гражданственности». ¹¹

Карильоны считались в западноевропейских странах огромной ценностью. Это отношение к ним восприняли и русские. Один из немецких свидетелей осады Риги русскими войсками в 1709 г. пишет: «20 ноября в 10 часов утра он [царь Петр. — И.Ч.] снова начал жестокое бомбардирование, и так как наши сняли сегодня превосходные куранты с колокольни св. Петра и неприятель заметил это, то большую часть ядер направлял в эту колокольню». ¹² Этот факт доказывает — карильон был для царя столь огромной святыней, что он не смел посягнуть на нее и не отваживался бомбить башню до тех пор, пока там находился инструмент.

Рижский карильон был одним из самых великолепных инструментов, которые слышал Петр I в Европе. Как известно из архивных источников, «наиболее значительным карильоном в Риге был карильон, который устроил в 1697 г. бургомистр Ханс Драйлинг. Этот карильон был изготовлен знаменитым мастером Клодом Фреми в Амстердаме и стоил основателю 8000 рейхсталеров. На его установку на колокольню Петри-кирхе в Риге город затратил 4128 рейхсталеров. Карильон состоял из пяти больших и некоторого количества малых колоколов. Во время осады Риги русскими карильон был снят 20 ноября 1709 г. и вновь введен в действие лишь в 1718 г.». ¹³ По случаю приезда Петра I в завоеванную Ригу колокольная музыка на Петри-кирхе целый день «тешила» царское внимание.

Петр вызвал рижского «колокольного игрателя» в Петербург. Императорским указом 1719 г. велено обучить «лейб-гвардии Семеновского полку гобоиста Ферштера» колокольной игре рижским «колокольным игрателем» Фридрихом Рейхенбахом. ¹⁴ Рижский мастер пробыл в Петербурге с августа 1719 по апрель 1720 г. и выучил семеновского гобоиста так, что «ныне он должен играть всякие куранты и без него, Рейхенбаха». ¹⁵

Срочно выстроена колокольня при соборе Петра и Павла в крепости. В наказе царя начальнику первоначальной комиссии строений князю Алексею Черкасскому от 24 января 1715 г. сказано: «...на колокольне, которая в городе, как возможно скорее отделять, дабы в будущем 1716 году возможно на оной часы поставить, а церковь делать исподволь». ¹⁶ 21 августа 1720 г. Петр уже любовался с колокольни видом Петербурга. Сюда помещаются механические куранты и ручные карильоны, выписанные из Европы, за которые были заплачены огромные деньги. ¹⁷ Главное значение «колокольной музыки» для Петра I — в европейском престиже новой столицы. Поэтому сумма стоимости петропавловского карильона,

возможно многократно умноженная, обязательно доносилась до сведения приезжавших в Петербург иностранцев.

Рассчитанная на иноземного зрителя, новая петербургская «потеха» вызывала у приезжих непременное и приятное изумление. В мемуарах большинства иностранцев, посетивших Петербург в начале века, фигурируют ее описания. «Посреди крепости у самого канала стоит маленькая красавица русская церковь из дерева, с красивой остроконечной башней в голландском стиле. Наверху в башне висят несколько колоколов, приводимых в движение вручную одним человеком; каждый час они на голландский манер благозвучно звонят, возвещая начало очередного часа. Затем этот человек за неимением часовогого механизма ударами в определенный колокол оповещает который час», — сообщается в одном из самых ранних источников.¹⁸ Один из членов польского посольства, побывавшего в Петербурге в 1720 г., пишет: «На другом берегу реки напротив царских дворцов возводят в камне большую оборонительную крепость. Посреди нее стоит церковь с башней, часы на которой играют французскую музыку. Здесь вообще на дворцах и коллегиях много таких часов, играющих псалмы».¹⁹ Гольштейн-готторпский придворный Ф.-В. Берхгольц сообщает: «Крепостная церковь, как я уже сказал, самая большая и красавица Петербурга, при ней высокая колокольня в новом стиле, крытая медным ярко вызолоченным листами, которые необыкновенно хороши при солнечном освещении. Но внутри этот храм еще не совсем отдан. Куранты на его колокольне так же велики и хороши, как амстердамские, и стоят говорят, 55000 рублей. На них играют каждое утро от 11-ти до 12-ти часов кроме того, каждые полчаса и час они играют еще сами собою, приводимые в движение большою железною машиной с медным валом».²⁰

Эта европейская диковинка становится одной из главных петербургских потех. Камер-юнкер Берхгольц описывает одно из придворных развлечений: «7-го в 12 часов утра все мы, оставшиеся дома, цели обществом всходили на колокольню в крепости, чтобы послушать игры курантов, положенную в это время, и посмотреть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая в городе. Чрезвычайно любопытно поглядеть там на игру музыканта, особенно тому, кто не видывал ничего подобного».²¹

«Колокольная музыка» на соборной колокольне сопровождалась игрой военных музыкантов на гобоях и трубах. А.Богданов описывает музенирование на петропавловской колокольне: «На сих часах колокола часовых, больших и малых 35 колоколов, у всякого колокола по два молотка и по одному языку: молотом играют часовые куранты, а языком играют полууденные куранты произведением рук человеческих... Там же на сей колокольне, когда в полдни пробьют 11 часов, тогда играют по часу на трубах и гобоях полковые гарнизонные музыканты, а когда по двенадцатому часу пробьют, тогда до окончания двенадцатого часа колокольне играют ручные куранты».²²

С петропавловской колокольни раздавались по всему городу необыкновенные для слуха русских горожан, но отрадные и приятные для слуха иностранных гостей, принимаемых при дворе, звучания: игрались всевозможные «мнительнические и галантерические игральные штуки».²³ Впрочем, игрались также «псалмы и божественные пения»,²⁴ что, вероятно, казалось традиционно ориентированным прихожанам окраинных церквей и вовсе кощунством.

В 20-х гг. ручные карильоны и механические куранты начинают звучать с колоколен важнейших церквей городского центра Петербурга.

На колокольне церкви Исаакия Далматского были «преизрядные часы с курантами, такие же, какие на петропавловской колокольне имеются, на которых били час, полчаса, четверти и минуты. После 12 часов один час играли куранты. Оные часы с петропавловскими вывезены были из Амстердама, даны 35000 рублей. Оные часы от молнии сгорели июня 20-ого».²⁵

На Троицком соборе в 1721 г. появляются небольшие часы с курантами, которые каждую четверть часа играли «Господи, помилуй». Из рассказа французского путешественника О. Де Ла Мотрэ, побывавшего в 1726 г. на центральной петербургской Троицкой площади, известно, что «почти в центре этой площади стоит Троицкая церковь, построенная преимущественно из дерева и довольно большая, с непримечательной колокольней и курантами, которые каждый час играют; они приводятся в движение вручную».²⁶

Ближайший сподвижник царя, князь А.Д. Меншиков, «полудержавный властелин» Петровской эпохи, подражая царю завел и на своей домовой церкви Воскресения Христова на Васильевском острове «колокольную музыку». «На церкви князя Меншикова, внутри хорошо расписанной и вызолоченной, есть также небольшая красивая башня с порядочными курантами».²⁷ Другой иностранный путешественник, Ф.-Х. Вебер, также обращает на них внимание. Он пишет: «Около этого дома [князя А.Д. Меншикова. — И.Ч.] за маленьким каналом церковь князя, возведенная из кирпича, с красивой башней, на которой своего рода куранты, однако плохие».²⁸

В пригородном дворце императора в Петергофе «колокольный игральный мастер» Иоган Христиан Ферстер установил хрустальный клокшпиль, который действовал с помощью воды, — изящную забаву придворной знати.²⁹

Императрица Анна Иоанновна по примеру своего предшественника, выстроив и освятив новый придворный собор Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы на Фонтанке, приказала поместить на его колокольне «колокольную игральную музыку». Для ее устройства с начала 1734 г. начались приготовления: были вылиты новые колокола числом 25, из них самый большой 60 фунтов, меньший 10 фунтов, а «прочие же пропорции нот их последовать будут», сделаны клавиры.³⁰ К работе над изготовлением новых «боевых игральных часов» были привлечены лучшие коло-

кольные, «часовых дел» и «латерных дел» мастера Петербурга: Андри Форзонт (Форзен), Бартоломеус Неэр, Петр Леклер и И.Х. Ферстер. Работы активно велись при жизни императрицы, но успела ли она услышать со своей придворной церкви звучание клокшиля — не известно. В 1740 г. императрица умерла, власть сменилась и надобность в колокольной «роскоши» нового собора отпала.

Самую долгую историю имела «колокольная музыка» Петропавловского собора. В 1756 г. в пожаре погибает первый голландский карильон. Обновленный храм освящается после пожара в 1757 г. и тогда же предпринимается попытка восстановления часов и клокшиля. По контракту заключенному в 1757 г. с голландским мастером Барендом Оорткруассом знаменитым своими часами, изготовленными для курфюрста в Кельне, выполняются клокшили и часы. Они имели 37 клавиров для рук, от 20 до 23 педалей для ног и 38 колоколов. Колокола должны были быть вылиты на фабрике голландского мастера Дерка.³¹ Несмотря на то что голландский мастер выполнил все свои обязательства и привез в Петербург отличные колокола, русская сторона условия контракта не выполнила. Деньги ему выплачены не были. В 1765 г. после длительных мытарств смерти голландского мастера Оорткруасса, разорившегося в Петербурге, часы устанавливаются на колокольне. Под наблюдением нового мастер Иогана Эрдмана Ридигера часы начинают функционировать. В 80-х годах заведует Иоган Георг Страссер.

В.Г.Рубан так описывает бой городских часов: «1) полчетверти час ударяют в несколько колоколов немного; 2) четверть часа бьют в несколько колоколов небольшой курант; 3) полчаса играют во многие колоколы небольшой курант в половину тона; 4) часовой курант играют во все колокола во весь тон, через несколько минут продолжают ход свой; 5) небольшой колокол бьют полчаса; 6) а по окончании часа ударяют большой колокол; 7) в полдня с половины 12 часа играют до первого часу различные концерты, также во время какова торжества играют тожественные стихи».³²

На том же соборе, независимо от распорядка светского колокольного музенирования, звучали и традиционные русские колокола, подчиняясь движению богослужебного круга событий.

Западноевропейские карильоны и церковные колокола — элемент различных культурных традиций. В Петербурге они оказывались со временем в сложном, внутренне противоречивом комплексе. Примечательно — «симфония», прозвучавшая при встрече императрицы Анны Иоанновны после коронации. По приезде из Москвы она направилась к Исаакиевскому собору, где ее встречали полки и духовенство. При виде императрицы офицеры и солдаты петербургских полков закричали: «Виват, Анна, великая императрица, виват, виват, виват!». Когда же она стала входить в собор, то одновременно зазвучали колокола церковные, заиграли крепостные ручные куранты в крепости и стали пальять пушки.³³

«Колокольная игральная музыка» и духовое музицирование на колокольнях нарушало сакральное единство церковных зданий. Регулярный бой механических курантов, отмечающих абстрактно-астрономическое время, свободная инструментальная игра — явления, чуждые старой культуре, вступавшие в резкое противоречие с литургическим порядком церковного благовеста.

Совмещаясь, профанная и сакральная хронометрические концепции создавали сложную структуру социального времени городской жизни Петербурга.

Часть вторая

ПЕВЧИЕ, КЛИРОШАНЕ, ПЕВЦЫ

Город пышный, город бедны
Дух неволи, стройный вид.

А.С. Пушкин

Глава V

СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМА / ДРАМА ЛИТУРГИЧЕСКАЯ: ПОЗИЦИИ И РОЛИ

В 1710 г. на Выборгской стороне Петербурга была освящена церковь имени Сампсония Странноприимца. Именно здесь, в покровительстве святого «странноприимца», Петр I указал хоронить первых петербургских жителей, поскольку все они — пришельцы и странники в этом городе. Новая российская столица стала местом жительства множества людей, бывших прежде территориально и социально чуждыми друг другу, местом перелома их жизненного пути, местом обретения нового жизненно опыта и перехода в иные социальные структуры. Петербург XVIII в. — это «странноприимный» город, напоминавший водоворот людей пришельской своей волей, а чаще подневольно втянутых в круговорот имперских образований со всего обширного государства.

Как пишет Л.Мамфорд, «столичный город должен был играть как социальную, так и политическую роль. В столице провинциальные обычай, традиции и диалекты смешивались и переплавлялись по образцу царского двора: это формировало так называемый национальный стиль национальный по определению, но по сути имитирующий источник Усиление центростремительного тяготения, концентрирующего разрозненные социальные силы страны в одном национальном центре, непосредственно подчиненном государственной власти, — характерен признак становления нового имперского порядка. Петербург XVIII в. был источником мощного притяжения. В то же время эксцентрическое положение Петербурга в семиотическом пространстве страны и российской культуры определяло острейшее противодействие этому тяготению. «К столице, символический центр России, Новый Рим, Петербург должен был быть эмблемой страны, ее выражением, но как резиденция, котор

приданы черты анти-Москвы, он мог быть только антитезой России», — утверждает Ю. М. Лотман.²

Сложную систему петербургской социальной топики определило со-
пряжение двух противоположно ориентированных сил — стремления
консолидации нового под знаком рационализма и регулярной государст-
венности и противодействующего стремления сохранить средневеково-
сакральные ценности. Жители Петербурга говорили не только на разных
национальных языках (поскольку российская столица интенсивно заселя-
лась людьми различных частей империи, а также иноземцами), но на
разных культурных языках. Жители парадной части города, расположенной
вблизи императорского дворца, и жители его окраин, участники
торжественных богослужений в великолепных придворных соборах и
прихожане скромных приходских церквей были не только по-разному
ориентированы в городской топографической структуре, но, главное, они
как бы существовали в разные исторические периоды. Стиль их мышле-
ния отличался так же, как формы их деятельности и жизненного устрой-
ства. Адаптация новых секулярных ценностей в верхних слоях общества,
в высшей среде духовенства и на нижних ступенях социальной лестницы
происходила с разной степенью интенсивности. На протяжении века дистанция эта постоянно увеличивалась. Различие ролей отдельных со-
циальных топосов в социальной драме Петербурга XVIII в. определялось
прежде всего способностью восприятия секулярного опыта Нового
времени.

Динамизм начала новой эпохи проявился в особой интенсивности ком-
муникационных процессов как в масштабах страны, так и в пределах
петербургского социума. С 10-х гг. XVIII в. Петербург начинает заселяться
пришлыми людьми со всех краев Российской империи и иноземцами, а к
концу века он становится одним из самых населенных городов Европы
(численность его жителей достигает 200 тысяч).

К концу царствования императора Петра I новая столица уже начала
приобретать свой характерный облик. Хронотоп одного из самых значи-
тельных церемониальных шествий этого периода дает представление об
основных слоях социально-иерархической системы петербургского об-
щества конца 20-х гг.

Умирает император, «отец отечества» и основатель новой столицы. В
одном из свидетельств той эпохи сказано: «В 1725 году марта в 10-й день
свято почившее тело великого императора, отца отечества, Петра Вели-
кого, в сем царствующем граде Санкт-Петербурге, в соборной церкви
верховных апостолов Петра и Павла, который град и сию соборную цер-
ковь его царское величество своими руками обложить изволил, со многим
плачом и великою печальною церемонию погребен».³

Шествие «печальной церемонии» продолжалось с 12 часов пополудни
до 7 часов вечера. Непрерывно гудели все петербургские колокола, каж-
дую минуту стреляли пушки Петропавловской крепости и Ад-

миралтейства, заглушая пение мощного хора церковников и грохот литавр с пронзительным звучанием труб.⁴ Грандиозная похоронная процессия собрала вместе всех петербургских жителей. Участники шествия выстроились «по номерам», в строгом соответствии своему положению в обществе, отвечающему государственно установленному чину и рангу.

«Проект церемониальному порядку при погребении Его Величества твердо регламентирует порядок следования: впереди идут дворцовые фурьер и церемонимейстер, которые направляют движение. За ними шествует группа «церковного чина» от Синода, белое духовенство — певчие, диаконы, священники, протопопы. Они сопровождают выносной крест. Далее движется группа музыкантов от Придворной и Военно-коллегий — 48 дворцовых и военных трубачей и при них четыре литавры. Затем гофмейстер с 36 пажами и за ними идут «купцы иноземцы иностранные». Вслед за купцами выступают «депутаты из городов новозавоеванных» и «шляхетство из новозавоеванных провинций». Далее группа о Военной коллегии — военные чины несут военные знамена, адмиралтейский штандарт и семь партикулярных гербов. За ней — еще один выносной крест. С ним шествует группа монашествующего духовенства: певчие чернецы, «черные попы», игумены, архимандриты, епископы и архиепископы «по чином». За ними шагают «от Сената оба герольдмейстеры» из обеих воинских коллегий «кавалерия белого орла с звездою, кавалерия дацкая с звездою, кавалерия российская с звездою». Несут державу, скипетр и корону, а за ними — гроб императора. Рядом высшие придворные чины. «За ними следовать от первого до 9 класса по рангам». Дальше идут «шляхетство, которое ныне в Питербурже без рангов от 10 до 14 класса императрица, цесаревны и дамы. Последними в строю идут «мастеровы и ремесленные люди и художники адмиралтейские и прочия в служб государевой по своим рангам» и «бюргеры, или купечество, обретающиеся в Питербурже по своим рангам».⁵

Сложная социальная топика Петербурга выявляется и в другом, столь же масштабном церемониале. Церемониальный порядок шествия при погребении великой княгини Анны Петровны в 1728 г. определяет социальный статус всех его участников. Открывают шествие grenадеры, гоф-фурьер, маршал майорского чина верхом; следом за ними 16 трубачей, два литаврщика, затем опять придворные — гофмейстер, 10 пажей, гоф-фурьер; далее на почетном месте иностранные купцы по два в ряд возглавляемые маршалом; следом за купцами воинские чины, 24 обер-офицера; за военными, конечно же, вновь восемь трубачей и литаврщики «радостное белое знамя» и «печальное черное знамя», которые несут полковники, и гербы; следом за военными место духовенства: шествую певчие и «все духовенство по два в ряд по распоряжению Св. Синода» — 32 певчих «из духовных», восемь человек собственных певчих усопшей восемь протодиаконов и восемьprotoиереев, высшее духовенство — наместник Александро-Невского монастыря и духовник великой княгини

за духовенством несут регалии — орден св. Екатерины, корону голштинскую и российскую; за ними выступают дамы 9-го класса, чиновники 6—8-го классов, следом «дамы прочих классов»; за дамами дворяне по два в ряд, «члены Академии, доктора и чиновники почтамта», потом чиновники от 9-го до 14-го класса и в завершении процессии, или же «внизу» его хронотопической системы, российское купечество.⁶

Во время движения шествия пение духовенства сливается со звучанием хора духовых инструментов. Приказано «трубачам играть от времени до времени погребальную песнь тихим голосом, наперед идущим литаврам бить гораздо редко».

Приведенные примеры диспозиций «печальных» церемониалов демонстрируют, что среди различных слоев петербургского общества одно из важнейших мест занимали представители церкви. В ритуале погребения императора среди 285 «духовых персон» были и все петербургские церковники. Помимо 82 церковных певчих и 39 иеромонахов и иеродиаконов Александро-Невского монастыря здесь все белое духовенство Петербурга: девять диаконов, два протодиакона, 45 священников, четыре протопопа, объединенных в грандиозный певческий хор.⁸ Хронотоп этого церемониального шествия отражает и вертикаль иерархической системы петербургских духовных чинов. Строго приказано «итить всему духовному чину по вышеизначенным номером»⁹ по распорядку, указанному Синодом. Сначала по три человека в шеренге идут низшие чины: «За выносным крестом следовать певчим чиновно шеренгами, что учреждать дабы Его Величества уставщику Ивану Протопопову да синодальному подиакону Андрею Никитину. А по них белых диаконов, священников и протопопов, которых распорядить Тиунской конторы судие Троицкого собора протопопу Иоанну Семенову. А за ними итии Александро-Невского монастыря братии рядовых монахов, иеродиаконов и иеромонахов, по обыкновению которых надзирать того монастыря господину наместнику». За ними идут архимандриты по два в ряду и архиереи — уже по одному, «а за ними следовать архимандритам и архиереям, начиная от нижних степеней до членов синодальных».¹⁰

Жестко «по номерам» расписан не только порядок движения группы, но и место каждого ее члена в соответствии его статусу внутри группы.

Итак, мы видим: чины церковной иерархии составляют конус от церковнослужительского, низшего слоя, до высших священнослужительских чинов — архиереев. Церковная страта разделена на две особые группы: белое и черное духовенство.

Церковная иерархическая система (священническая, диаконская, причетническая должности) в традиционной православной культуре определялась степенью посвященности в совершение религиозных таинств и ролью в литургическом действии. Спецификой православного богослужения является его певческая основа: чтение, псалmodия, возглашение и пение образуют интонационное целое. Православная литургия в традици-

онном понимании — это «молитвенное пение». Пение литургии, пение ежедневных молитв в православии — труд, служба, обязанность. При различии богослужебных ролей и функций все лица, соучаствующие в литургическом действии, связаны между собой интонационно-певческим общением.

В качестве исходной и наиболее многочисленной ступени церковной иерархии включала в себя братию церковнослужителей — чтецов, певцов и иподиаконов. При поставлении в низшие церковнослужительские чины совершался обряд хиротесии, церковного благословления, дающего разрешение на церковную деятельность. В службе основная их роль — интонационно-певческое, словесное служение, поскольку правила предписывали им «не прикасаться к сосудам священным и в трапезе ничего не подносить».¹¹

Следующая ступень посвящения — диаконская должность. Диакон не только участвовал в пении и возглашении, но помогал священнику совершении Евхаристии. Важнейшая функция диакона — «побуждать народ к молитве и возглашениями возбуждать внимание и показывать, когда какая часть божественного служения начинается».¹² Поэтому «зычность» и чистота голоса диакона ценились особо.

Чин иерея (священника) — важнейшая степень посвящения в церковной иерархии. Священство в православии — это одно из религиозных таинств. При поставлении в священнический чин совершается обряд хиротонии, в религиозном понимании — обряд передачи харизматической силы «благодати». Главная роль священника в богослужении — совершение таинства Евхаристии. Однако его действия в православной службе требуют и певческих умений. Священнические возглашения, пение — особый элемент традиционного церковного ритуала.

Таким образом, все ступени церковной иерархии объединились певческой деятельностью. Особенностью традиционной православной культуры являлось также участие мирян в совместном пении важнейших молитвословий службы.

Итак, хоровое пение было одним из важнейших организующих начал православной религиозной культуры, ядром ее ритуальной системы. Оно молитвенное пение, обязательно включавшееся в традиционные религиозные ритуалы, объединяло людей всех рангов и сословий. Хоровое пение стало элементом и новых петербургских государственно-церковных церемониалов, а обязательными их участниками были церковные певчие. Однако изменение системы фундаментальных принципов культуры в петербургский период обусловило трансформацию роли и значения хорового пения в новой культурной системе, что в свою очередь повлекло за собой изменение многих стереотипов церковно-певческой деятельности и традиционных форм ее организации.

Духовное сословие разделялось на две группы — белое и черное духовенство. Белое духовенство (священство и церковники) — основны

служители петербургских приходских, ружных и кафедральных православных храмов. Они имели семьи, и дети белого духовенства обычно шли по стопам отцов, с детства помогая в церковной службе, восходя от низшей церковнослужительской должности к высшей — священству. Это был замкнутый родственными связями круг, который на протяжении XVIII в. все более обособлялся.¹³

Черное, монастырское духовенство имело особый церковный статус. Переход в монашество был связан с принятием монашеских обетов, ограничивающих круг мирских полномочий, но расширяющих обязательства религиозно-нравственного плана.

Совершение специального религиозного обряда устанавливало ритуальную границу перехода от мирской к монашеской жизни. Монашество было организовано в отдельные общины, жизнь которых регулировалась монастырским уставом. Уход в монашество в XVIII в. был возможен из всех слоев общества.

Инфраструктура церкви включала в себя своеобразную группу — придворное духовенство, которое состояло при особе государя и пользовалось особыми правами и привилегиями.¹⁴ Придворное церковное служение требовало обязательного участия певчих. Придворные певчие входили в штат придворных церковнослужителей и подчинялись руководству священника-уставщика.

Одним из знаков отличия каждой из этих групп была особая одежда, которая имела свой символический смысл. Знаковый характер монашеского и священнослужительского платья имел большое значение в понимании этапов ритуального действия и в «прочтении» системы иерархических статусов.

В рамках традиционной церковной инфраструктуры социальные роли и функции каждой группы церковных служителей были твердо закреплены каноническими правилами в соответствии с установками религиозной культуры. «...При сходстве в составе церковное общество резко отличалось от государственного по своему устройству. Основания того и другого были совершенно различны. Положение лица в государственном обществе определялось его правами и обязанностями или его экономическим состоянием. Положение лиц в церковном обществе определялось их нравственно-религиозным назначением или степенью нужды в чужой помощи», — пишет В.О.Ключевский.¹⁵

Начало XVIII в. в России было ознаменовано отменой патриаршества и учреждением в 1721 г. новой церковной власти — Синода как части единой структуры государственной власти. Синодальная реформа Петра I, обусловленная его концепцией регулярной государственности, кардинально изменила систему ценностной ориентации, бывшей основанием традиционного церковного устройства. Она принесла радикальные изменения юридического статуса, экономического состояния и социальной роли духовенства. Государственно-церковные установления 60-х гг. (ма-

нифест 28 февраля 1764 г.) еще больше усилили модернизацию. Подчинение церкви государственной власти и модернизация церковного устройства вели к усилению социальной дистанции между белым и черным духовенством, между синодальной администрацией и приходским духовенством, между священством и церковным причтом, особенно его певческим слоем. На протяжении XVIII в. секуляризация пронизывала все слои русского общества, в том числе и духовное сословие, структура и функции отдельных групп которого значительно менялась.

Стремительное разрушение традиционных стереотипов поведения, изменение стиля жизни и мышления во всех слоях петербургского общества было связано с ростом интенсивности как вертикальной, так и горизонтальной социальной мобильности. По утверждению К. Мангейма, «только когда горизонтальная подвижность сопровождается интенсивной вертикальной подвижностью, т.е. быстрым движением между слоями в смысле социального подъема и спуска, вера в общие и вечные ценности собственных форм мышления колеблется. Вертикальная подвижность — особый фактор появления у людей сомнения и скептицизма в отношении традиционного видения мира».¹⁶

Процесс интенсификации социальной динамики захватывал духовное сословие так же, как и все петербургское общество. Происходило стремительное его расслоение по вертикальному и горизонтальному параметрам.

На разных уровнях иерархической системы и в различных петербургских церковнослужительских группах процесс адаптации ценностей новой секулярной культуры протекал с разной степенью интенсивности по-разному изменялась и система их церковнопевческой деятельности. Особенно активно в процесс секуляризации втягивались церковнослужительские слои Петербурга, а внутри них — церковные певчие.

Церковнослужители — фундамент и самая низшая страта церковной иерархии. Это певчие, дьячки, пономари, псаломщики и звонари. Они допущены каноническими правилами к исполнению церковных обрядов связанных с литургическим чтением, пением и колокольным звоном, но не могут совершать церковные таинства. Именно эта социальная среда вследствие специфики двойственности своего положения (миряне, занятые в церковном служении, получившие это право вследствие обряда хиротесии — церковного благословения), стала наиболее мобильным элементом церковной структуры в новых условиях.

Церковнопевческий слой петербургского общества первой половины века характеризовался особой неукорененностью и многообразием составляющих его групп. Множество церковнослужителей стягивалось в Петербург со всей страны для пения при богослужениях в петербургских церквях. Одни из них оседали на невских берегах, продолжая свою прежнюю деятельность в новых социокультурных условиях. Другие же, перенеся все тяготы неустроенного петербургского быта и пережи-

значительную ломку мировоззрения, отправлялись через какой-то период времени воссвоясь в свое отчество, неся туда зерна нового, обретенного в Петербурге.

Однако многие из прибывших в столицу кардинально меняли свое положение не только в пространстве географическом, но и социальном — высвобождались здесь из границ установлений традиционного жизненного уклада, порывали со своим сословием и переходили в иной социальный статус. Иные из них совершили стремительный взлет по социальной лестнице, выслуживаясь в новой столице на светском — государственном, придворном или артистическом — поприще.

Петербургская утопия реализуется вопреки природе и в борьбе с ней. Место, где Петр I своим волевым решением основал новый город, было малопригодно для жизни людей. Суровый климат, наводнения, постоянная болотная сырость становились для многих людей, прибывших из давно обжитых территорий страны, огромным испытанием. «Дворяне, знатные и богатые люди, которые прибыли сюда из Москвы с семьями, нашли здесь печальные перемены в своей жизни. Вместо прежних обширных дворцов и высоких домов в Москве, загородных домов и поместий близ нее, где они всего имели в изобилии, здесь они нашли недостаток во всех приспособлениях и отсутствие большинства удобств. Поскольку это место отвечало замыслам и нраву царя, то он мало обращал внимания на жалобы тех, кто более заботился о собственном спокойствии и удовольствиях, нежели о пользе своей страны. Купцы и лавочники достигли процветания в этом городе, где все было чрезвычайно дорого», — пишет шотландец П.Г. Брюс, живший в Петербурге в начале века.¹⁷ Удобства и спокойствия не встретили в этом городе и привезенные сюда в первой половине XVIII в. из многих мест страны церковные певчие и клирошане петербургского монастыря.

Нестабильность нового уклада жизни способствовала появлению в среде церковнослужителей множества характерных личностей: авантюристов, искателей приключений и проходимцев. Особый жизненный динамизм был свойствен многим действующим лицам петербургской драмы. Давление имперского режима, жестко регламентирующего не только сферу государственного устройства, но и личного, вызывало сильное противодействие. Стремление к высвобождению из пут «рекрутского» подчинения прорывалось в бунтарстве, неповиновении и бегстве. Биографии многих петербургских клирошан и певчих полны невероятных приключений, свидетельствующих об избыточной силе их жизненной энергии.

Клирошане и певчие собирались в столицу из рассредоточенных по всей стране певческих центров, где издавна сложились свои самобытные традиции. Там отбирались самые лучшие мастера и отправлялись в столицу. В новых условиях происходила значительная ломка как их мировоззрения, так и всего стиля жизни и деятельности. Социальная драма

Петербурга состояла из множества драм личных — субъективное переживание кризисной эпохи было остро, а подчас трагично.

Различия в способности восприятия новых секулярных ценностей характеризовали представителей тех нескольких основных певческих групп, из которых состоял церковнослужительский слой петербургского общества. Они отличались различной ориентацией как в семиотическом пространстве культуры петербургской, так и в культурно-географическом пространстве страны. По специфике системы культурно-ценостной ориентации можно выделить три основных топоса петербургско-церковно-певческой культуры: среда белого духовенства (служение в городских соборах и приходских церквях), среда черного духовенства, высших синодальных властей (служение при церквях архиерейских домов и клиросное пение в монастыре) и придворная церковно-певческая среда (главное место служения — придворные храмы).

Множество служителей петербургских соборов и приходских церквей были наиболее многочисленной частью духовного сословия Петербурга. Они непосредственно сообщались с широкими массами горожан — прихожанами и учениками приходских училищ, были исполнителями церковных обрядов и церковными учителями, хранящими и передающими традиционное наследие церковной культуры мирянам. Приходское служение — основание профиля социальной топики Петербурга. Здесь были сосредоточены наиболее консервативные, охранительные тенденции.

Другой уровень петербургской социальной системы — церковнопевческий слой, примыкавший к иерархическим властям: архиерейские хоры монастырский клирос и придворный певческий хор. Ядро высшей петербургской церковнопевческой страты составили три противоположно ориентированные группы, генетически связанные с разными локальными традициями православной культуры страны.

Синодальный хор, ставший преемником хора патриаршего, ориентировался в своей деятельности прежде всего на великорусскую традицию старой столицы — Москвы. Певческие хоры архиереев, сменившихся на «чреде служения» в Петербурге, составляли подвижную и разнообразную массу, непосредственно связанную с высшей церковно-иерархической стратой, с синодальной администрацией. Среди этих хоров особое место занимал хор главного петербургского архиерея. Деятельность его во многом была связана с государственно-церковным церемониалом и с началом церковных реформ опиралась на украинскую¹⁸ и белорусскую певческие традиции, наиболее динамичные и соответствовавшие новым «западническим» устремлениям.

Традиции певческой культуры юго-западных областей империи, ориентированной через Польшу на Запад, оказались особенно сильны и в клиросном пении Александро-Невского монастыря. Интенсивная модификация этой сферы певческой деятельности происходила благодаря тесной связи петербургского монастыря с царским двором.

Особая группа — придворный певческий хор. Он оказался в сфере наибольшего влияния западноевропейской светской культуры. Императорский двор новой столицы притягивал к себе множество иностранцев: сюда были выписаны итальянская и французская оперные труппы, многие западноевропейские композиторы и музыканты. Мирской стиль жизни и культуры усваивался в Петербурге через призму европейской модели светского искусства, которая культивировалась прежде всего при императорском дворе.

Здесь впервые начали процветать светские формы вокального искусства: опера, камерное музенирование. Придворное церковное пение втягивалось в орбиту секуляризованного придворного быта. Придворные певчие учились говорить и петь по-итальянски и по-французски. Их итальянское пение в театре, так же как и певческое «концерттирование» в придворной церкви, имело уже совсем иной, частный смысл, отличный от организующей ритуальное действие семантики литургического пения в традиционной православной культуре.

Церковные певчие становились придворными артистами, их деятельность приобретала артистические черты, не связанные религиозными установками. Стремительный рост бюрократической государственности, подчинявший себе традиционные церковные структуры, особенно активен был именно при императорском дворе. Придворные чины и светские отличия даровались придворным певчим за их усердие в придворной службе.

Придворный театрализованный церемониал, выражавший идею сакральности государственной власти, вбирал в себя и преобразовывал элементы церковно-певческой традиции. Придворные церковнослужители непосредственно подчинялись власти государя и исполняли все его указания, касающиеся в том числе и организации церковного пения.

Совмещение тенденций стабилизации литургической традиции, связанных с приходским пением и деятельностью синодального певческого хора, и радикально-реформаторских, выявлявшихся прежде всего в придворной сфере, придавало петербургской певческой культуре напряженный динамизм. Он усиливается в связи с ростом экономической и социальной дистанции между различными церковнослужительскими группами. Награды, чины и высокое жалование становились привилегией приближенных к царскому трону певческих групп, давались императорской милостью за заслуги перед государственной властью. Гражданский суд, штрафы и наказания становились способом регламентации нового стиля общественной жизни, стремящимся унифицировать все сферы деятельности, включая церковнослужительскую. «Дух неволи» и «стройный вид» были присущи социальному облику Петербурга XVIII в., города пышности и великолепия вблизи имперского трона и города бедности и нищеты вдали от него.

Социальная топография церковнослужителей — позиции и роли отдельных певческих групп в хронотопе социальной драмы Петербурга XVIII в., определяемые местом их служения, местом жительства, социальным статусом, обусловленным чинами, привилегиями и экономическим положением, различиями культурного языка и ориентации в семиотическом пространстве страны, — интересует нас в связи с вопросом становления культуры имперской России.

Интонационно-певческая деятельность, бывшая важнейшим организующим фактором православной религиозной культуры русского средневековья, в петербургский период меняет свой смысл и значение. Церковная культура нового периода, включающая в качестве одного из своих компонентов церковную певческую музыку, — результат длительного процесса секуляризации. Роли и функции церковных певчих кардинально меняются. Как это происходило? Дальнейшее изложение попытка осветить этот сложный вопрос. Контуры процесса трансформации православной традиции — в одной из цепочек событий петербургской социальной драмы: создании и деятельности церковных певческих хоров в формировании нового стиля жизни и менталитета церковных певчих клирошан.

Два этапа этой драмы — консолидация линий различных локальных православных певческих традиций, взаимодействие их с западноевропейскими формами светского музицирования в первой половине столетия, начало профессионализма и композиторского творчества в 70-х гг. связаны с переосмысливанием значения и функций интонационно-певческого элемента в литургической практике.

Глава VI

ПЕНИЕ В ГОРОДСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВАХ

Литургическое действие — это сакральный ритуал, одной из целей которого является высвобождение верующих из рамок жесткой социальной структуры и объединение их в новой общности — церковной общине. В городской культуре Петербурга XVIII в. церковь выполняла роль особого социального поля, соединяющего людей всех рангов и сословий в деле совершения литургии. Вседневно и в праздники городские церкви Петербурга собирали горожан для объединяющего всех молитвенного пения. Однако вне сакрального ритуала, в системе мирских отношений, церковная общность имела иной социальный рельеф. В пределах неоднородного социокультурного пространства имперской столицы все петербургские церкви и их богослужебная практика приобретали свое отличительное своеобразие.

Положение петербургских церквей и их приходов в семиотическом и социальном пространстве города обуславливало их значение в городском социуме: место в городской пространственной структуре определяло социальную структуру прихода, позиция причта по отношению к бюрократической системе государственной власти устанавливала их экономический и социальный статус, близость к придворной структуре или отдаленность от нее диктовали то, в какой мере формы богослужебной деятельности данной церкви были связаны с официальной идеологией. Все это придавало характерную особенность как формам богослужебной практики, так и формам общественной (учительской) деятельности каждой из петербургских церквей.

В Петербурге было несколько типов церквей. Соборы, ружные церкви находились на содержании, получаемом из государственной казны; домовые церкви содержались на средства отдельных лиц (церковных властей, великосветских персон и т.д.); приходские церкви «кормились от прихода». Кроме того, при петербургских полках были свои полковые церкви, действовали церкви при монастырях и кладбищах. В богослужебной практи-

тике церквей, приближенных к государственной власти, — главных городских соборов, придворных церквей, сила новой имперской идеологии была особенно явственна. Приходские церкви были непосредственно связаны с различными слоями социального низа, где продолжал сохраняться традиционный менталитет.

На протяжении XVIII в. с ростом столицы и появлением новых соборов и приходских церквей число петербургских церковнослужителей постоянно увеличивалось.

Ведомость 1720 г. отмечает, что при трех соборах и 30 приходских церквях в Петербурге служили два протопопа, 28 священников и 26 диаконов, дьячков и пономарей.¹ В 1734 г. при 28 петербургских церквях служат два протопопа, 38 священников (еще два священника без прихода), 44 диакона, дьячка и пономаря.² По данным П.Н.Петрова, в 1762 г. Петербурге было 398 жителей, принадлежавших к духовному сословию. В конце 70-х гг. в Петербурге — 225 протопопов и священников, 54 протодиаконов, диаконов и иподиаконов, 275 дьячков, пономарей, певчих и псаломщиков.³

Приходское священство и церковнослужители были связаны со своим приходом не только в литургической практике, но и в бытовой жизни. Вместе с семьями они жили вблизи своих церквей. Большинство из них имело собственные дома. Так, священно- и церковнослужители Петропавловского собора в 30-х гг. имели свои дворы на Санкт-Петербургском острове на Дворянской улице, на Малой Оружейной улице, служители Исаакиевского собора жили на Адмиралтейском острове на Пушкарской улице, служители церкви Успения Пресвятой Богородицы, «что в Никольской слободе», — на Никольской улице, а служители церкви Рождества Пресвятой Богородицы — на Санкт-Петербургском острове и Посадской улице.⁴

Жалование священно- и церковнослужителей различных церквей значительно отличалось. Внутренняя иерархическая структура церковного причта также была связана с различиями в экономическом положении.

Социальная лестница, разделяющая слои церковной иерархической системы, выстраивалась от малоимущих служителей приходских церквей к весьма обеспеченным слоям служителей главных городских и придворных соборов. На вершине социальной лестницы — служители Исаакиевского, Троицкого и Петропавловского соборов, которые получали жалование из государственной казны. В 20-х гг. протопоп собора Исаакия Далматского получал денежного жалования 120 руб. в год, священник диакон — по 30, два дьячка — по 8 руб., два же звонаря «без оклада питаются от приходу».⁵ Протопоп Троицкого собора в 40-х гг. получал 12 руб. в год, два священника — по 60, диакон — 70, а два псаломщика пономарь — по 12 руб. в год. Протопоп Петропавловского собора получал 125 руб., два священника — по 70 и 60, диакон — 62, псаломщик — 2 пономарь — 15 руб. в год.

Второй уровень — служители тех церквей, которым также выплачивалось твердое жалованье. Священник церкви Воскресения Христова на Васильевском острове получал 50 руб., псаломщик — 12, пономарь — 5 руб. в год. Священники церкви святого великомученика Пантелеймона, «что при Партикулярной верфи», получали один 50, другой 30 руб., диакон 25, два дьячка — по 8 руб. в год. В церкви Сергия Радонежского Чудотворца, «что в Артилерийских Пушкарских слободах», жалованье получал только священник, 60 руб. в год. Священники церкви Воскресения Христова, «что на Московской стороне за Литейным двором», получали один 60, другой 40 руб., дьячок и псаломщик — по 30 руб. в год. Священник церкви Вознесения Господня «при Морской гоффпитаи на Выборгской стороне» получал 36 руб. в год, а священник церкви святых апостолов Петра и Павла, «что при Сухопутном лазарете», — 48 руб., дьячок той же церкви — 12 руб. в год. Жалованье получали и священники полковых церквей: священник церкви Введения Пресвятой Богородицы, «что лейб-гвардии в Семеновском полку» получал 99 руб., священник церкви благоверного и великого князя Александра Невского при Ингерманландском полку — 65 руб., а священник церкви Николая Чудотворца при Астраханском полку — 64 руб. 35 коп. в год. Священник домовой церкви Всех Святых «в доме преосвященного Феофана архиепископа Великоновгородского и Великолуцкого» получал 12 руб. в год.

Причт прочих церквей жалованья не получал, а «кормился от прихода», тем самым от него зависел и был непосредственно связан с нуждами и запросами простых петербургских горожан.

В культуре допетровского времени постижение церковного наследия неразрывно связывалось с певческим обучением, которое входило в обязанности церкви. Умение чтения и пения было исходной точкой образования как общей, так и церковнослужительской. Певческое мастерство в традиционной православной культуре рассматривалось не как самодовлеющее искусство, а как одна из форм богословия, способ проявления религиозно укорененной личности. Навыки чтения и пения приобретались и совершенствовались в практике ежедневного богослужения.

Важнейшая традиционная сфера деятельности церкви — учительство в среде мирян. В приходских училищах, которые с начала века организовывались при многих петербургских церквях, основой обучения было в соответствии с древней традицией церковное чтение и пение. Одно из первых таких училищ было открыто для прихожан Сампсониевской церкви. «Безместный» бывший архиерейский певчий Афанасий Кириллов определяется здесь в 1722 г. учителем. За качеством обучения следит иеродиакон Иродион Тихонов, назначенный Синодом на должность инспектора.⁸ В конце века такие училища организованы при всех основных петербургских церквях. В списке 1789 г. упомянуты училища «при церкви Казанской, Ямской, Владимирской при дворцовых слободах, церкви Воз-

несения, Симеоновской церкви, церкви на Сенной, церкви при богодельнях при Смольном монастыре, при Андреевской церкви на Васильевском острове, при церкви Благовещения, церкви Введения на Петербургской стороне, церкви Симеона на Выборгской стороне, при Исаакиевской церкви, при церкви Морской».⁹

Учат здесь церковные дьячки и диаконы, а основным предметом учебы по-прежнему являются пение и чтение. В церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря ученики приходят в назначенное время в церковь «чтобы они к пению простому привыкали под присмотром и руководством дьячка Романа Андреева».¹⁰ В церкви великомученика Пантелеймона монах дьячок Никифор Артемьев учит нотному октоиху. В церкви Симеона Странноприимца дьячки Иван Николаев и Василий Матвеев обучаю детей пению на литургии, в Андреевской церкви дьячок Василий Третьяковский учит церковному пению. В церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной для обучения прихожан нотному пению определены дьячки Иван Ерофеев и Алексей Кузьмин. «С усердием» исправляю учительскую должность диакон Пафнутий Антонов и дьячок Стефан Федоров при церкви Введения Богородицы.¹¹ Главная цель обучения прихожан в церковных училищах — их «воцерковление», приобщение церковной богослужебной культуре через непосредственную деятельность — пение при совершении литургии. Однако поют они не только простые, доступные всем традиционные песнопения, но в некоторых случаях и сложные многоголосные композиции. Так, в церкви Благовещения на Васильевском острове обучают «как церковному пению, так и партесе и нынче в церкви поют концерты, к сему обучению избран из дьячков знающий партесу Григорий Сергеев».¹² Это обстоятельство — певческое концертирование приходского хора в рамках богослужения — отмечено современником в качестве особого достижения и отличия Благовещенского собора.

Певческое умение оставалось одним из важнейших навыков и центральным элементом образованности не только верующих мирян, но всех священно- и церковнослужителей. Поставление в причетники и диаконы без умения «нотного пения» в Петербурге конца XVIII в. было запрещено.¹³ Традиционным центром их обучения были церкви. Один из указов Консистории требует, чтобы «священнослужители, церковники, искушенные в пении, сообщаясь и руководствуясь изданными для того нотными книгами, научали не ведающих оного, равно церковного устава, особливо своих сопричетников».¹⁴ Многие петербургские диаконы и священники получили необходимые для служения навыки в училищах при Исаакиевском, Казанском и Петропавловском соборах. В этих училищах, которые также функционируют и в качестве хора малолетних певчих, учатся деятели священно- и церковнослужителей. Большой частью сюда собираются сироты (поскольку по обычаям дети приходского священства жили и учились искусству церковного служения в церквях «при отцах своих»).

В 1750 г. штат Петропавловского собора перестраивается таким образом, что вместо положенных пяти дьячков и пяти пономарей определяются три дьячка и три пономаря. Высвободившееся жалованье полагается на содержание и обучение малолетних певчих. Один старший дьячок Петропавловского собора выполняет учительскую должность, два других ему помогают. За порядком наблюдает ключарь собора. Малые певчие живут вместе с певческим учителем в специально купленном церковном доме близ собора и участвуют во всех богослужениях.¹⁵ С 70-х гг. при Исаакиевской и Казанской церквях содержатся аналогично организованные хоры малых певчих, которые являются одновременно и школой будущих священнослужителей. Учатся здесь не только «простой ноте», т.е. традиционному монодическому пению, но и «партийной и итальянской ноте» — исполнению многоголосных сочинений нового стиля.

Форма обучения при церквях вполне соответствовала древней традиции, в которой неразрывно связывалась богослужебная практика (ядром которой была певческая деятельность) и общая культура.

Отношение к певческому мастерству как к обязательному навыку церковнослужителя было нормой среди белого духовенства. Петербургские архивы дают этому множество подтверждений. Из певчих поставлялись диаконы. Так, некий Семенов из московских синодальных иподиаконов был определен в 1718 г. в придворные певчие, а в 1721 г. стал диаконом Исаакиевского собора. Певчий домовой церкви царицы Прасковьи Федоровны Филипп Константинов в 20-х гг. определен диаконом. Певчий басист синодального дома Михаил Леонтьев отправился в конце 20-х гг. из Москвы в Петербург, чтобы стать придворным диаконом. В конце 40-х гг. певчий домовой церкви графа А.П.Бестужева-Рюмина определен диаконом церкви Симеона и Анны. В 1765 г. певчий Консistorии произведен во диаконы в церковь Симеона и Анны. Певчие Петропавловского собора Иван Кемский, Петр Михайловский, Михаил Афанасьев и Аверкий Егоров «определены в стихарь».¹⁶

Нередко из диаконов и певчих поставлялись петербургские священники. Певчий князя А.Д.Меншикова в 1718 г. стал священником Оранienbaumской Троицкой церкви, синодальный певчий Дмитрий Герасимов определен в 1749 г. сначала иподиаконом, а затем священником церкви Николая Чудотворца, певчий домовой Благовещенской церкви князя Д.М.Голицына произведен в начале 60-х гг. в священники. Священник собора св. князя Владимира Николай Макаров был поставлен из певчих Казанского собора, где научился читать и петь по нотам.¹⁷ Поводом для исключения из духовного сословия могло служить «косноязычие и отсутствие голоса». Такая участь постигла Ефима Матвеева, дьячка Исаакиевского собора, в 1771 г.¹⁸

Эти и множество других свидетельств доказывают, что в среде белого духовенства Петербурга XVIII в. в соответствии с древней традицией певчие органически входили в целое церковной иерархии, а певческое

мастерство понималось как важнейшая часть и фундамент религиозно-православной культуры.

Различия в стиле богослужебного пения в петербургских церквях в многом определялись их положением в семиотическом пространстве столицы и функциями в городской культуре. Как уже говорилось в главе II освящение церквей было не только актом принятия имени, но и определяло круг храмовых праздников. Храмовые праздники церквей, в освящении которых выразились коннотации сакрального и профанного религиозного и политического (Петропавловский, Исаакиевский, Троицкий соборы), церквей, освященных в связи с воинскими победами (Сампсониевская, Пантелеимоновская церкви), и тех, в которых связь «высокоторжественными» днями была более опосредована (Николаевский Морской, Казанский соборы), включали в себя элементы как традиционного ритуала, так и нового государственного церемониала.

Амбивалентность сакрального и мирской социальной структуры, религиозного и светского выявлялась и в освящении соборов, связанных орденской системой, введенной Петром I.

Андреевский собор, церковь Александра Невского и церковь Симеона и Анны были местом совершения церемониалов «кавалерских» празднований дней ордена св. апостола Андрея, св. князя Александра Невского, св. Анны, которые соответствовали храмовым праздникам этих церквей. Они совмещали черты церковного и придворного церемониала и были средоточием новых певческих тенденций. Для этих праздников сочинялись пышные певческие концерты, соответствующие европеизированным вкусам высших слоев петербургского общества.

Светский церемониальный характер богослужений в дни новых государственно-церковных праздников — викториальных дней, дней тезоименитств и коронаций, а также «кавалерских» орденских празднований — определял специфику певческого стиля и способов организации богослужебного пения в церквях, в которых эти праздники были храмовыми.

Пение в тех соборах, куда «пришелствовал» императорский двор и где собирались простые горожане, организовывалось по-разному и следовало различным стилевым установкам. Великолепные многоголосные певческие концерты («партисная и итальянская нота», по выражению тог времени), исполняемые специально обученными певчими, звучали в роскошных соборах парадной части города. В церквях городских окраин таких, как например церковь Иосифа Древодела на Охте, пели традиционные песнопения («простую ноту»), привычные прихожанам мастеровым.

Глава VII

ПЕНИЕ ПРИ АРХИЕРЕЙСКИХ ДОМАХ

В системе социальной топографии Петербурга особое место занимали архиерейские дома. Начиная с 1712 г. для служения в новой столице назывались архимандриты и епископы из многих российских епархий. Первым архиереем, прибывшим в Петербург, был настоятель Хутынского монастыря Феодосий. В 1715 г. из Москвы прибыл с ризницею и певчими местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. Со времени учреждения Синода в Петербурге находились как его постоянные члены, так и ежегодно сменявшиеся семь «присутствующих очередных» иерархов. Частью их постоянного окружения были певчие. Большее или меньшее количество певчих при архиерейском доме являлось знаком высоты этого положения в пирамиде социального пространства Петербурга.

Самым «знатным» певческим хором был хор патриарших певчих, который с установлением синодальной власти стал называться сначала соборным, потом синодальным. В церковном указе 1722 г., определяющем количество необходимых священнослужителей, певчих и «других чинов» три соборах и приходских церквях, синодальному дому было предоставлено право содержать самый многочисленный хор: четыре иподиакона, 10 певчих и 30 поддьяков.¹

Синодальные певчие сохраняли свое постоянное жительство в Певческих слободах в Москве и пели по традиции в Успенском соборе Кремля. Однако начиная с 10-х гг. XVIII в. они стали регулярно посыпаться в новую столицу для пения в петербургских соборах в большие праздники при архиерейских служениях в присутствии царя. Обычно они участвовали в службах вместе с государственными певчими.

Первоначальным местом жительства соборных певчих в Петербурге была Посадская слобода близ Петропавловского собора.² В 40-х гг. временно приезжающие из Москвы синодальные певчие располагаются в нижних апартаментах синодальной канцелярии под Троицким собором.³

В 50-х гг. для жительства синодальных певчих предназначаются талаты в синодальном доме на Санкт-Петербургском острове.⁴

В начале века синодальные певчие служили в главном петербургском Троицком соборе. В 1733 г. освящается Петропавловский собор, и синодальные певчие получают здесь новое место повседневного служения. С 1756 г. синодальные певчие служат в церкви Харитона Исповедника при Синоде.⁶

Первенствующий член Синода архиепископ Псковский и Нарвский (потом архиепископ Новгородский) Феофан Прокопович имел великолепно обученный и наиболее многочисленный певческий хор в Петербурге. В отличие от большинства других архиерейских хоров этот хор имел постоянное место служения в столице и был, так же как хор придворных певчих и клирос Александро-Невского монастыря, одним из основных элементов, составивших целое петербургской церковно-певческой культуры.

Штат священно- и церковнослужителей Новгородского архиерейского дома включал в себя протопопа, двух ключарей, пять священников, одного протодиакона, четырех диаконов, двух иподиаконов, 10 певчих, поддьяков первой и второй станицы, двух псаломщиков, двух пономарей и четырех звонарей.⁷ При праздничных архиерейских служениях кроме певчих пели и ученики семинарии, организованной при доме Феофана Прокоповича на Карповке. При семинарии в 1736 г. числились 44 ученика и учитель.⁸ По другим данным, в это время при санкт-петербургском доме Феофана Прокоповича было «семинаристов, обретающихся без жалованья на одном питомстве и одежде, 50 человек».⁹

Службы совершались в церкви Двунадесяти апостолов при каменном подворье Новгородской епархии на Васильевском острове. Здесь было «служение ежедневно, а паче в государские праздники и в высокоторжественные и викториальные дни».¹⁰ Семинаристы ежедневно пели в церкви во имя Преображения Господня при Новгородском архиерейском доме на Карповке.

В 1722 г. Синодом было определено количество церковнослужителей, необходимых архиерейским домам. По этому определению при каждом архиерейском доме должно было быть три иподиакона, 10 певчих, канонархов и поддьяков.¹¹ Однако далеко не все архиереи могли позволить себе полный штат своего хора содержать в Петербурге.

На церемонии похорон Феофана Прокоповича в 1736 г. помимо собственного певческого хора, состоящего из 34 учеников Карповской семинарии и 22 синодальных певчих, поют и 32 певчих нижегородского архангельского архиепископа.¹² По запросу Камер-цалмейстерской коллегии в 1740 г. о том, какие певчие «славили Христа» в императорском доме, Синод отвечает, что неизвестно, кто из множества петербургских певчих славил, но в этом году в Петербурге находились кроме 12 синодальных певчих певчие новгородского архиерея — 12 человек, псковско-

— 2, суздальского — 4, вологодского — 6, коломенского — 7, архангельского — 11 и воронежского — 17 человек.¹³

В 1741 г. в петербургских соборах кроме синодальных певчих служили архиепископ Устюжский Гавриил с двумя иподиаконами и 17 певчими, архиепископ Рязанский Алексий с иеродиаконом и 15 певчими, воронежский архиерей с иподиаконом и 16 певчими, архангельский архиерей с иподиаконом и 10 певчими, вологодский архиерей с диаконом, иподиаконом и пятью певчими, коломенский архиерей с иподиаконом и шестью певчими. В приделе церкви Вознесения во имя Иоанна Воина грузинский архиерей с иподиаконом и поддьяком совершили службы на грузинском языке, пели они и в Петропавловском соборе.¹⁴

Архиерейские певчие жили в Петербурге при своих архиерейских домах. Местом их ежедневного служения были домовые церкви архиереев: церковь апостолов Петра и Павла при доме преосвященного Питирима архиепископа Нижегородского на Санкт-Петербургском острове, церкви при Казанском и Псковском подворье, которые находились на Васильевском острове, церкви Устюжского архиерейского дома, который с 1725 г. находился на Первой линии Преображенского острова, в доме «по каналу, в котором был прежде правительственный Сенат».¹⁵

В дни больших праздников во время соборных служений архиерейские певчие пели совместно в городских соборах.

В 1734 г. необыкновенно пышно отмечалось освящение нового придворного храма — церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы на Фонтанке. Для служения праздничной всенощной и литургии в новом храме собрались все лучшие хоры Петербурга. Помимо 12 синодальных певчих и всего певческого хора архиепископа Феофана Прокоповича в церковном служении участвовали певчие еще пяти архиереев: Илариона Казанского сопровождали три иеромонаха, пять иеродиаконов, диакон, два иподиакона и 23 певчих, Питирима Нижегородского — иеромонах, протодиакон, два иеродиакона, три иподиакона и 17 певчих, при Леониде Сарском были иподиакон и пять певчих, при Гаврииле Суздальском — иеромонах, ризничий, иеродиакон, иподиакон, трое певчих и 10 поддьяков, при Варлааме Псковском — иеродиакон и иподиакон. К пению этого трандиозного хора присоединялись голоса придворных певчих и клириков Александро-Невского монастыря.¹⁶

Во время служения архиерейские и синодальные певчие и поддьяки обязательно надевали церковные стихари, что символизировало их принадлежность к церковнослужительской иерархии.¹⁷

Архиерейские певчие сохраняли на протяжении всего XVIII в. непосредственную связь с церковнослужительской иерархией. Все они проходили ритуал «поставления» — традиционный обряд хиротесии, включающий певца в систему церковно-иерархической зависимости. Отличием этой певческой группы была особая статика ее организации. На протяжении XVIII в. в архиерейских хорах продолжала сохраняться струк-

тура, сложившаяся в прежнем веке: разделение на станицы по пять человек (две станицы певчих и шесть станиц поддьяков).¹⁸

Патриаршие певчие имели особые привилегии, определявшие их связь с бюрократической системой. Они имели специальную обязанность участия в ставленнических делах. Певчие сидели в тиунской палате поддьяки меньших станиц писали ставленникам челобитные, после слушания дел о поставлении канонархи отводили их к поставлению к миropолиту, а патриаршие певчие дьяки писали затем ставленнику ставленную грамоту. Синодальные певчие считали эти обязанности важной сферой своей деятельности и настаивали на сохранении этого древнего порядка и в Петербурге. В 1728, 1730 и 1736 гг. синодальные певчие Конон Карпов и Михаил Осипов обращаются с просьбой об определении певчих к ставленническим делам. В 1746 г. к ставленническим делам определяется певчий Федор Див.¹⁹

Архиерейские и синодальные певчие принадлежали к духовному словию. Они передавали свое певческое ремесло из поколения в поколение, с детских лет проходили все шесть станиц, расположенных поддьяков, и назначались певчими. Такова, например, судьба Алексея Протопопова, брата Ивана Протопопова, или Андрея Карпова, сына Конона Карпова.²⁰

Штат архиерейских домов имел свою внутреннюю иерархию, выражавшуюся в различии получаемого денежного жалованья. Так, известно, что с начала 20-х до конца 30-х гг. при Новгородском архиерейском доме было следующим: иподиаконы и певчие получали по 7 руб., поддьяки первой станицы — по 6, второй станицы — по 5, третьей станицы — по четвертой станицы — по 3 руб. Поддьяки меньшей станицы получали 2 руб., так же как и звонари. Священнослужительское жалование также было невелико: протопоп 12 руб., ключари по 10, священники по 8 руб. Кроме денежного им давалось и хлебное жалование — от 16 до 5 четвертей хлеба в год. По 4—5 руб. жалованья получали при архиерейских домах конюхи, возницы, повара. Гребцы получали по 8 руб. Сам же архиепископ — 2500 руб.²¹

Соборным, а затем синодальным певчим жалование выплачивалось синодального дома.²² В 1743 г. на содержание синодальных певчих поддьяков в Петербурге из Синодального казенного приказа было выплачено 147 руб.²³

Синодальные певчие пользовались особыми привилегиями в получении дополнительного жалованья. Так, за годовое поминовение императрицы Анны Иоанновны в Петропавловском соборе в 1741 синодальным певчим последовало особое вознаграждение в пропорции «против архиерейских» вдвое больше. Каждому было заплачено по 1 руб., а всем — 732 руб. 82 коп.²⁴ При поездках из Москвы в Петербург синодальным певчим выдавались еще и прогонные деньги. В 1738 г. певчим было выплачено по этой статье расходов 30 руб. 66 коп.²⁵ «Об

тающимся в чреде служения» синодальным певчим в 1741 г. давали по 5 коп. кормовых в день, а всем певчим за год было выплачено 67 руб. 10 коп. 12 певчим и иподиакону при переезде в 1754 г. из Москвы в Петербург «на подъём» было выдано каждому по 5 руб. 1/2 коп., а со времени прибытия в Петербург стали выдавать по 5 коп. кормовых в день.²⁶

Поездки в новую столицу были для синодальных певчих особой службой, связанный с трудностями пути и петербургского быта. Успешное выполнение этой нагрузки служило для них поводом должностного повышения. Так, певчий второй станицы Федор Новгородец в 1732 г. обращается с просьбой о переводе его в высшую станицу «за неленостные по званию труды и за петербургские поездки».²⁷

Порядок в среде певчих поддерживался с помощью системы штрафов. Синодальные певчие, отсутствующие во время богослужения, штрафовались на значительную сумму.²⁸

Синодальный хор считался главенствующим среди других архиерейских хоров, и в него нередко переходили лучшие певчие из прочих архиерейских домов. Пример тому Афанасий Ключарев, перешедший в синодальный хор из Устюжского архиерейского дома, или певчий Федор Васильев, взятый из Крутицкого архиерейского дома.²⁹

В синодальные певчие переходили и церковнослужители петербургских церквей. Так, псаломщик Троицкого собора Иван Максимов в 1733 г. определяется синодальным певчим.³⁰

Нередко синодальные певчие поставлялись в священники. В 1749 г. певчий Федор Попов становится священником в Митаве, в 1752 г. Дмитрий Герасимов — священником церкви Николая Чудотворца в Посадской, а синодальный поддьяк Константий Никитин — священником в Московской епархии.³¹ Синодальные певчие принимали монашество. Так, в 1730 г. монашество принимает певчий синодального дома Алексей Игнатьев.³²

Различная ориентация в культурном пространстве страны определяла специфику певческой деятельности двух основных петербургских певческих групп — певческого хора главного архиерея и певчих синодального дома. Это различие отразило противостояние традиции старой столицы — Москвы и новой имперской столицы — Петербурга.

Хор Феофана Прокоповича состоял в основном из украинских певчих и был ориентирован на украинскую певческую традицию. В 1721 г. к архиепископу Феофану после кончины смоленского митрополита Варлама перешел его певческий хор — иеродиакон Александр и украинские монахи и певчие.³³ В 1723 г. несколько великоновгородских соборных певчих, среди которых были тоже в основном украинцы, отправляются из Новгородского архиерейского дома в Петербург.

Указ об их отправке подписан придворным дьяком Иваном Протопоповым. Среди домовых певчих новгородского архиепископа, отправленных в столицу, были Григорий Нерединский, Стефан Евдокимов, Федор

Дмитриев, Иван Фомин, Федор Яковлев, Афанасий Евстафьев, Федор Логинов; поддьяки Федор Михайлов, Герасим Стефанов, Никита Ресцо Дмитрий Спиридонов, Василий Михайлов, Анания Евстигнеев, Елиза Иванов, Василий Григорьев, Иван Иванов, Мина Сергеев, Федор Петров. После смерти Феофана Прокоповича ученики его семинарии определяются в Александро-Невскую семинарию, а хор переходит к следующим новгородским архиепископам.

Расцвет деятельности этого важнейшего петербургского певческого хора наступает при митрополите Петербургском и Новгородском Гаврииле в начале 70-х гг. Он продолжает формироваться тем же способом, что и при его предшественниках: сюда отбираются лучшие певчие из юго-западных областей страны — Украины и Белоруссии. Кроме того, певчие привозятся из Новгорода. В 1768 г. для поиска самых лучших певчих для архиерейского хора отправляется из Петербурга в Новгород ризничий Новгородского архиерейского дома иеромонах Макарий.³⁵ В 1771 г. указом императрицы в Новгородской епархии из священнослужительских церковнослужительских детей «как растущих при отцах так и обучавшихся в семинариях» набирается для архиерейского хора 20 человек, числе них из Новгородской семинарии в Петербург в певчие взяты Борис Иванов, Сергей Михеев, Иван Никифоров и сын Стефана Никитина.³⁶ 1794 г. указом Синода для пения в хоре архиерейского дома отправляются дети священника Ревельского батальона Александро-Невской церкви Сергея и Василий Мироновы, которые «к нотному пению имеют природную склонность» и «свободным голосом петь могут». ³⁷ В этом же году для архиерейского хора набираются певчие в Белгородской епархии. В Петербург отсюда были отправлены дети священников из города Валек Матвея Леонтьевич и Петр Скляревский 7 и 8 лет, а также певчие епископа Белгородского и Курского Василий Потапов и Григорий Сукачев.³⁸

Синодальный хор, бывший наследником патриаршего хора, в противоположность главному архиерейскому хору Петербурга был ориентирован на московскую традицию.

Патриарший певческий хор, существовавший с конца XVI в. при патриаршем престоле в Москве, был наиболее значительным явлением традиционной русской церковно-певческой культуры. К началу XVIII в. этот хор состоял из 44 человек, включая четырех иподиаконов.³⁹ В 1700 г. после кончины патриарха Адриана и упразднения патриаршества патриарший певческий хор перешел в ведение Монастырского приказа, но фактически стал частью хора государственных певчих дьяков.

С начала строительства новой столицы патриаршие певчие начинали посыпаться для служения в петербургских соборах вместе с государственными певчими. В 1711 г. в Петербург было послано 25 патриарших певчих, 1713 г. — 15 певчих.⁴⁰ В 1719 г. на банкете в Александро-Невском монастыре на праздник Александра Невского присутствовали певчие государевы и патриаршие — 30 человек.⁴¹ В 1720 г. 32 патриарших певчих бы-

вызваны из Москвы в Петербург для пения в соборе в праздник Рождества. В 1721 г. реформируется церковное управление и образуется Синод. Патриарший певческий хор также попадает в поток переустройства и ломки.

10 марта 1721 г. Петру I поступает запрос: «Певчие, которые были патриаршими, впредь именоваться ли патриаршими?», на что последовало монаршее решение: «Именоваться кажется пристойнее певчие соборной церкви, а употреблять куда хотят, понеже, кроме великих праздников, мне нужды в них нет».⁴² Был составлен реестр прежним патриаршим певчим. Из них 12 человек остались в Москве, а остальным было повелено прибыть в Петербург.⁴³ В 1722 г. соборные певчие начинают именоваться синодальными певчими и входят в ведение Синода. Однако в действительности они находились в придворном подчинении. Их деятельностью руководил уставщик придворного певческого хора.

В 1722 г. Петр I издает указ, в котором говорится: «В певчие соборной церкви, которые называются синодальными, никого отныне без получения от Синода указа и апробации не принимать, но по учиненной в Синоде апробации требующих в оный чин определения отсыпать для надлежащего в действительном петии знания свидетельства к уставщику Его Императорского Величества певчих Василию Евдокимову и определять оных, которые тем уставщиком апробированы и письменно засвидетельствованы будут».⁴⁴

Для обязательных поездок «на чреду служения» в Петербург устанавливается определенная очередность. Ежегодно из Москвы в Петербург направляется группа синодальных певчих. Некоторые бывшие патриаршие певчие перешли на постоянную службу в придворный певческий хор.

Певчий соборной церкви Иван Протопопов в 1723 г. выходит в подьячие, а затем, в 1725 г., становится уставщиком придворного хора.⁴⁵ В 20-х гг. из синодального хора к петербургскому царскому двору в певчие определяются Лука Родионов, Логгин Алексеев, Михаил Алексеев, Михаил Осипов, Конон Карпов, Галактион Иванов, Иван Борисов, Емельян Шушерин, Иван Еремеев, Никита Рязанец. Несмотря на то что служили они при дворе, жалование им выплачивалось из синодального дома. После смерти Петра I большинство из них возвратились в синодальный хор.⁴⁶

В 1725 г. после смерти Петра I указанием императрицы уставщику Ивану Протопопову велено оставить в Петербурге восемь синодальных певчих, а остальных отпустить в Москву.⁴⁷ В Петербурге остались иподиаконы Андрей Никитин, Иван Фролов, Федор Никифоров, Сидор Ильин, певчие Алексей Игнатьев, Иван Иванов, Стефан Симонов и поддьяк Иван Иванов.

В конце 20-х гг. сохраняется зависимость синодального хора от придворного управления. В 1725 г. выходит распоряжение Синода, в котором указано, чтобы поступающие в синодальный дом певчие и поддьяки, «кто

из других чинов или из певчих и подъяческих детей», в своем искусстве достоинство предварительно свидетельствовались «надворным» усташником Иваном Протопоповым для того, что «кто явится того звания достоин, то взыщется на нем, уставщике». ⁴⁹ В 1728 г. «в певчие соборные церкви, которые называются синодальными», по-прежнему определялись выбирать певчих и переводить их из станицы в станицу придворного уставщику Ивану Протопопову. ⁵⁰

Продолжают приезжать на «чреду служения» в Петербурге певчие из Москвы и в 30-х гг. В 1728 г. из московского синодального дома в Петербург отправляются на «чреду служения» 37 иподиаконов, певчих и подъячих. ⁵¹ В 1732 г. в Петербург отправляются четыре иподиакона, двадцати пять певчих и четыре станицы подъячих. ⁵²

В 30-х гг. число синодальных певчих, находящихся на «чреде служения» в Петербурге, становится более определенным: 11 певчих и иподиаконов. ⁵³ Иногда в связи с особыми событиями количество синодальных певчих увеличивалось сверх положенных 12 человек. На церемонии пребывания архиепископа Новгородского Феофана в 1736 г. было 22 синодальных певчих. ⁵⁴ В 1738 г. в Петербурге находилось 36 синодальных певчих. ⁵⁵

Таким образом, на протяжении первых десятилетий XVIII в. из Москвы в Петербург, из старой столицы в новую, постоянно приезжали для служения члены одной из самых консервативных певческих структур — синодального певческого хора, преемника хора патриаршего. Синодальные певчие, временно попадая в Петербург, оказывались в непосредственном подчинении придворному порядку и включались в сферу придворной деятельности.

В 50-х гг. пути придворного хора и хора синодального расходятся. Синодальные певчие обретают самостоятельность в старой столице — Москве. В 1756 г. Синод определяет, что на смену синодальных певчих Москвы в Петербург впредь до особого указа никого не посыпать, так как у синодальных членов имеются свои архиерейские певчие, а в Петропавловском соборе — свои певчие и дьячки. ⁵⁶

Однако когда в том же году освящается церковь Харитона Исповедника при Синоде, сюда для служения направляются из Москвы иподиакон Иван Никитин, двое певчих и четыре поддьячих. Служба в синодальной церкви была достаточно изолированной от городской жизнедеятельности. В церкви Харитона Исповедника службы продолжались до 1769 г.

В 1767 г. Синод переводится в Москву, а в Петербурге учреждается Синодальная контора. ⁵⁸ С этого времени синодальный певческий хор постоянно находится в Москве. Изредка из Москвы в Петербург передавались отдельные певчие.

Так, в 1779 г. из московского «синодального дома музыки» в петербургский Преображенский собор направляется «синодальной певческой музыки диакон» Алексей Архангельский. ⁵⁹

Синодальный хор являлся наиболее традиционно ориентированной силой, действовавшей в пределах петербургской церковной культуры. В нем не было той мобильности певческого состава, которую мы видим в других петербургских хорах, поэтому церковно-певческое предание сохранилось здесь в гораздо большей целостности и самобытности. Синодальный певческий хор оставался в XVIII в. наиболее стабильной структурой, связанной с великорусской православной традицией. Однако стабильность этой структуры была весьма относительна. После упразднения патриаршества хор патриарших певчих фактически перешел в ведение придворного управления и был втянут в орбиту секулярных преобразований.

Во второй половине века с переводом Синода в Москву синодальный хор постепенно вновь набирает силу, оппозиционную петербургскому динанизму. Здесь усиливается линия великорусской певческой традиции в противовес украинской линии, преобладавшей в Петербурге. Это противостояние двух течений внутри российской церковной культуры — линии петербургской, тяготеющей к западной секуляризованной культуре, и охранительной линии московской, тяготеющей к великорусской традиционной культуре, — отразилось в той драме, которая разыгралась в связи с началом печатания певческих книг.

Действующими лицами этой драмы выступили с одной стороны придворный певчий украинец Гавриил Головня, а с другой — группа синодальных певчих и иподиаконов, среди которой главенствовали великороссы — Петр Андреев, Иван Тимофеев, Сергей Попов, Сергей Любимов, Иван Никитин.

Противоборство двух стилей пения — традиционного монодического и многоголосного (партического) — вызвало необходимость сохранения и укрепления позиций древнего певческого стиля. В начале 60-х гг. возникла идея печатания певческих рукописей.

Гавриил Головня берет на себя решение певческой стороны вопроса, техническую же сторону должен был решить протоколист типографии Московской синодальной конторы Степан Бышковский. Для печатания Головней были составлены и написаны два Ирмология: один в 1752 г. (хранится в: ЦНБ АН Украины, ф. Духовной академии (Петров), д. 351), другой в 1762 г. (хранится в: ОР РНБ, ОЛДП, F-11). На Ирмологии киевского собрания надпись: «Ирмологий, или чинное пение по знаменному киевскому и наречию великороссийскому, написано в царствующем граде Санкт-Петербурге придворным певчим Гаврилом Головнею в лето от Р.Х. 1752». Оба Ирмология отличаются великолепным письмом и украшением.

В 1767 г. Ирмологий Гавриила Головни был представлен в Синод с прошением о разрешении его печатания. Синод передает книгу для «освидетельствования» синодальным иподиаконам. Ирмологий, отражающий новый петербургский певческий стиль украинской ориентации, встречает здесь резкий отпор.

Иподиаконы Петр Андреев и Сергей Максимов по рассмотрении Ирмологии Гавриила Головни направляют в Синод рапорт, в котором говорится, что печатать его нельзя ни в коем случае, поскольку «во-первых противу печатного Ирмология в речах прибавка и убавка и по удареніи против ноты знаменного роспева несогласно, во-вторых, в том Ирмологіи и стихах некоторых находятся неисправности, и оной Ирмологий расшими киевским и знаменным и наречием малороссийским».⁶⁰

Ирмологий возвращается для доработки Гавриилу Головне.

Митрополит Великоновгородский приказывает исправлять книгу сотрудничестве с его певчими (т.е. певчими архиерейского хора Александровско-Невского монастыря). В 1768 г. Головня два раза обращается в Синод с прошением о печатании Ирмологии сначала на казенный счет, а по отказа на собственный счет в типографии при Петербургской академии. Однако из-за активного сопротивления синодальных певчих Ирмологий Гавриила Головни так и не был напечатан.

В 1769 г. дело печатания певческих книг берут в свои руки синодальные певчие и подиаконы. Усилиями Петра Андреева, Ивана Тимофеева, Симеона Попова, Сергея Любимова и Ивана Никитина создается новый Ирмологий, который и был напечатан в 1770 г. в Москве в Синодальной типографии.⁶¹ Этот Ирмологий положил начало практике пения по печатанным певческим книгам.

Таковы события драматической борьбы между двумя главными силами, участвовавшими в становлении церковно-музыкальной культуры Петербурга. Однако противостояние московской и петербургской линий певческой традиции к концу XVIII в. оказывается в значительной мере сметено мощным потоком секуляризации. В 1779 г. синодальный певческий хор называется уже «синодальной певческой музыкой», что говорит о значительной модуляции, произошедшей и в этой сфере церковной культуры.⁶²

В 1714 и 1716 гг. Петр I издал указы, повелевающие при архиерейских домах и монастырях для образования священнослужительских детей приготовления их к духовному званию заводить цифирные школы.⁶³ Духовный регламент, вышедший в 1721 г., указывает: «...вельми ко исполнению церкви полезно есть сие, чтоб всяк епископ имел в доме или в доме своем школу для детей священнических или и прочих в надежде священства определенных». Образ учения и содержания учеников должен был соответствовать предписаниям Духовного регламента.⁶⁴ Перестройка способа обучения (раньше дети священнослужителей учились «при отцах своих», помогая им при богослужении) и в результате всей системы передачи традиции оказала огромное влияние на церковную культуру.

В петербургских семинариях, организованных по протестантскому разцу, искусство священнослужения становится наряду со светскими дисциплинами одной из равноценных наук. «Чтение и пение», важнейш-

Элемент традиционной богослужебной культуры, обретает в новых условиях иной смысл — равноправной части системы образования, становится началом постижения «книжных учений» и «музыки голосной».

С особым энтузиазмом насаждал такую просветительскую систему Феофан Прокопович. В 1721 г. он устроил при своем доме на Карповке семинарию. Было собрано 20 человек «бедных сирот, также и солдатских детей». ⁶⁶ Архиепископ желал призвать сюда учителей «из академий иностранных», «изрядных и свидетельствованных», и «прозвать сей сад Петров». ⁶⁷ В «саду» этом должны были быть выращены люди нового склада, предназначенные сделаться закваской нового церковного общества. В 1728 г. в Карповской семинарии уже находились «книжных ради учений» 16 человек. Занимались пением, рисованием и — что совершенно не складывалось в старые представления — игрой на музыкальных инструментах.

Кроме того, ученики Карповской семинарии «клиросную в церкви в воскресные и праздничные дни и в служении архиерейском службу отправляют». ⁶⁸ Руководил певческой «наукой» великоновгородец иподиакон Иродион Тихонов.

То, что помимо традиционного «нотного учения» ученики Карповской семинарии занимались инструментальным музикованием, воспринималось современниками как неслыханное новшество. Оно вызывало активное недоброжелательство со стороны традиционно ориентированных церковников. На одно из их нападений Феофан Прокопович отвечает: «...что же надлежит до детей моих учащихся: учатся они и книжных разных учений, а при тех и рисовать, и музыке голосной, и некий музыке инструментальной, и хотел бы я, дабы они и всякия прочия искусства и мастерства получили для частного их впредь воспитания». ⁷⁰

По смерти Феофана Прокоповича его школа поступает в ведение Кабинета Ее Императорского Величества в качестве архиерейской семинарии. Именным указом императрицы 22 марта 1736 г. 21 воспитанник семинарии помещается в Невскую семинарию. Среди прочих учеников — Григорий Теплов и Иван Иванов. Они станут отнюдь не священнослужителями, а одними из первых русских профессиональных музыкантов. Этот результат — достижение новой системы учения. ⁷¹

Семинария при архиерейском доме архиепископа Новгородского в Александро-Невском монастыре открылась тоже в 1721 г. Идея «частного воспитания» насаждалась в Невской семинарии так же старательно, как и в Карповской. На протяжении своего развития в XVIII в. (от славяно-русской школы в начале века до Духовной академии к его концу) эта школа воспринимала все больше элементов светского образования.

Число учеников Невской семинарии быстро росло. Сюда определяли детей священнослужителей, заставляя их покинуть родительский дом. В 1721 г. в школе было 25 человек, а в 1724-м — уже 54. Среди учителей Иродион Тихонов, Иван Соснин, Афанасий Скядя. Адам Селлый, лютера-

нин, принявший в Петербурге православие, управляет школой и латыни. В 30-х гг. учителями были Андрей Зертис-Каменский, Григорий Кременецкий. В 40—50-е гг. учительством в семинарии занимались иеромонахи и иеродиаконы Александро-Невского монастыря Федор Шековников, Никодим Печенков, Порфирий Поморский, Сильвестр Страгородский.⁷² Во второй половине 40-х гг. в семинарии уже более 100 человек, и ее начальство хлопочет о доведении числа учеников «по широтности епархии» до 500.⁷³

Во второй половине века при семинарии Александро-Невского монастыря появляется новая должность (известная раньше в Петербурге лишь в качестве должности придворного певческого хора) — должность регента. Ее введение отражает изменения, которые произошли в организации церковного богослужения, — литургическое пение становится теперь «певческой музыкой», требующей для своего исполнения особых навыков. Функция регента — практическое руководство «певческой музыкой», организация специального обучения певчих и хранение певческих книг.

Первым известным нам регентом архиерейского хора в Александро-Невском монастыре был приглашенный из Киева в 1759 г. «для учителяства певчего» Григорий Синявский.

В этом году был с ним заключен договор, по которому «быть ему к Александро-Невскому монастырю при певческой музыке в должности регента с выписанного числа год, и имеющиеся ныне при семинарии семинаристов певческой музыке ему исправлять и вновь потребное число из монастырских служительских детей набирать и обучать совершенкоих и содержать в добром смирении и страхе, чтобы та музыка совершенно была исправлена и имеющиеся ныне в наличии певческие книги ему, Синявскому, пересмотреть и содержать оные в собственном смотрении и целости».⁷⁴

Ученики семинарии стали особым образом обучаться под руководством регента и его помощников — «партиеского пения певчих». Известны имена некоторых из первых таких учителей. В начале 60-х гг. были Федор Сидоров и Никита Волков.

Помимо «певческой музыки» в семинарии учили поэтике, грамматике, аналогии, латыни.⁷⁵ Постепенно складывалась система учебных классов с определенным курсом наук. В конце века в Духовной академии (тогда 1797 г. стала называться семинария Александро-Невского монастыря) было семь классов. В 1-м и 2-м классе изучается нотное пение, затем становится практическим курсом. Современник пишет: «...всех школ, классов, ученики во вторник, четверг и субботу ходят к литургии, а с 4 часов пополудни обучаются нотному пению».⁷⁶ Семинаристы составляют хор при архимандрите. В одном из документов XVIII в. говорится, «из тех школ семинаристы и певческую и подъяческую должностную» правляют, а других у преосвященного певчих и подъяконых нет.⁷⁷ Дицией, заимствованной из Киево-Могилянской академии,

совмещение певческой должности, должности регента и певческого учителя.⁷⁸

«Голос» одного из семинаристов сохранил нам один из архивных документов. Написанный по всем правилам риторики, но и с тенью некоторого маления и юродства в интонации, он дает нам возможность почувствовать стиль семинарской жизни XVIII в.

В 1747 г. семинарист Евфимий Ильяшев обращается к начальству со слезным прошением: «По слышании Вашего преосвященства Александро-Невской семинарии студенты, которые несколько времени при священнослужении Вашего высочества потрудились, одни по Вашей архиепископской милости во священники, иные во диаконы произведены, иные впредь тем обнадежены. 2) А я, нижайший, двунадесятый год обретаюся при Александро-Невской семинарии, в которой кроме школьного учения певческую должность со всякою охотою средь все вышепоказанные лета при Вашем преосвященстве и при антицессорах Ваших спрашивал непрерывно; да еще и прочих средь прешедшие два года обучал нелено-стно. 3) И за оные труды, кроме мундира, пищи, не получал лишенного награждения, так как и прочие сверстники мои, которые в том же звании находятся. 4) И чего ныне в великой скудости находящиеся, так что не поимо излишне и священнослужению Вашего преосвященства одевать себя не мог, но и в келии моей с нуждою пребываю. 5) Но понеже иного прибежища себе не имею, откуда бы мог крайние моей нужды исправлять, да и брать там, где не позволяет, не надлежит того. 6) Того ради к стопам милостивейшего моего архиепископа припадая, слезно прошу, да с благоговии, Ваше преосвященство, за бывши мои недостойные труды пожаловать по своему благоусмотрению и о том милостивейшее учинить решение».⁷⁹ Столь замечательно написанное послание, конечно же, достигает цели. Вскоре на нем появляется резолюция: «Выдать десять рублей». Через год семинарист Евфимий Ильяшев принимает постриг с именем Епифаний и становится уставщиком Александро-Невского монастыря.⁸⁰

Как и в семинарии Феофана Прокоповича, в семинарии Александро-Невского монастыря «такожде по силе Духовного регламента ко увеселению учащихся обучаются некоторые из семинаристов наемным мастером на музыкальных инструментах».⁸¹

«Увеселительный», «потешный» характер имеет и пение семинаристов при церемониале встречи императрицы Елизаветы после коронации: «все они в белом одеянии, имея на голове белые венки и лавровые венцы, а в руках ветви», стоят у церкви Богородицы Казанской, исполняя похвальную песнь.⁸² Увеселения ради в конце века студенты академии занимаются «итальянской нотой» — учатся итальянскому пению. Все эти новшества противоречат тому духу строгости и серьезности, который насаждался в учении по-старому, «при отцах своих», целью которого было освоение искусства священнослужения.

Появление нового церковного института — семинарий при архиерейских домах — способствовало обмирщанию церковной культуры. О были одним из путей, по которому в среду церковнослужителей пронесли тенденции артистизма, того, что митрополит Евгений Болховитин один из консервативно настроенных иерархов, определяет как «злоупотребления в церкви»: «шумный и соблазнительный вопль поющих, театральные выражения голоса, истребление благоговения и страха Божия обращение всего пения в одну забаву». ⁸³ Путь от «музыки голосно начатый в семинариях начала века, до «певческой музыки», захвативший к 70-м гг. даже синодальный хор, — это путь трансформации церковных традиций. Певческая деятельность при архиерейских домах и семинариях приобретала новые черты, расширяя границы литургической «ритуальности» и обретая самоценность музыкального искусства.

Глава VIII

КЛИРОСНОЕ ПЕНИЕ В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Организация в новой столице монастыря, освященного в память святого князя-воина Александра Невского, было актом большой значимости в культуре и идеологии не только Петербурга, но всей страны. Культ святого, канонизированного в 1547 г., в XVIII в. обретает черты культа государственного. Поворотным пунктом в его истории было перенесение 1724 г. в соответствии с волей императора мощей святого князя из Владимира в Александро-Невский монастырь. В имперской идеологии имя Александра Невского символизирует законность прав на отвоеванные шведов Ижорские земли (являвшиеся прежде частью Новгородских земель), входит в сакральный ряд «небесных» покровителей Петербурга и ассоциируется с именем основателя империи — Петра I. Новый монастырь становится средоточием этого государственно-церковного культа.¹

Монастырь — одна из узловых точек городской пространственной структуры. Семантическую связь двух основных ритуальных центров столицы — дворца и монастыря — закрепляет Невская перспектива, которая вляется путем движения важнейшего городского шествия — крестного хода в день памяти святого князя Александра Невского и одновременно Линштадтского мира. Значимость монастыря, основанного в самом начале городского строительства, в 1710 г., выражалась многими средствами. Наиболее мощные колокольные звонь Петербурга были помещены на монастырской колокольне, самое великолепное церковное пение было организовано также именно в этом монастыре.

Александро-Невский монастырь становится ключевой точкой государственно-церковной структуры не только петербургского социума, но всей империи. Его место в семиотическом пространстве — у самой верхины иерархической власти.

Монастырь был резиденцией архиепископов, а потом петербургских митрополитов — церковных властей, приближенных к государственной

власти и разделявших интересы и идеи государей.² Он должен был стать центральным пунктом церковной реформации в России, генератором новой монастырской культуры.

С начала своего устройства Александро-Невский монастырь был задуман Петром I как школа обновленной российской иерархии. В него отбирались монахи из различных монастырей и готовились здесь к принятию архиерейских кафедр и архимандрий по всей стране. Система рекрутования и полуармейской дисциплины, введенная Петром I в новом монастыре, диктовалась новой идеологией — свято было служение царю, отечеству, и молитва была оправдана лишь та, которая была направлена в пользу государства.

В диспозиции важной битвы — завоевании ключевых церковных позиций по всей стране, Петр I делает ставку на области западнической ориентации — юго-запад империи. Отсюда на протяжении всей первой половины века черпаются главные силы петербургского монастыря. Европейские, в первую очередь киевские, монастыри послужили также образцом для определения форм жизнеустройства Александро-Невского монастыря.

Особые условия создания и функционирования определили как специфику стиля богослужебного пения, так и всей системы организации певческой деятельности в петербургском монастыре. Он утверждался как придворный монастырь, куда регулярно к праздникам «пришествующий» государь со своими певчими, царский двор и иностранные гости. Великолепие и пышность, необходимые при таких «знатных» служениях, становятся спецификой монастырского богослужения. Для служений связанных с культом Александра Невского, сочиняются праздничные многоголосные концерты, требующие для своего исполнения особого мастерства. Традиции клиросного пения монастырей Украины и Белоруссии и певческий стиль придворного хора, вовравший влияния светской западноевропейской вокальной культуры, соединяются в богослужебном пении Александро-Невского монастыря.

Монастырь, не выполняющий функции охранительную и стабилизирующую, а, напротив, активно вбирающий мирской стиль жизни и новый светский «артистизм», — таков облик Александро-Невского монастыря XVIII в.

Важнейшей частью деятельности первых невских архимандритов было формирование такой монашеской среды, которая бы способствовала осуществлению реформаторских задач новой государственно-церковной политики. Интенсивность обновления всех традиционных направлений монастырской жизнедеятельности в Александро-Невском монастыре, в том числе и певческой стороны богослужения, во многом была связана с особенностями формирования невской монашеской общины в начальном периоде ее существования.

Спецификой жизнеустройства петербургского монастыря первой половины века была исключительная нестабильность быта и неукорененность монастырской братии. Состав невской братии постоянно бновлялся. Большинство из вновь присыпаемых в Александро-Невский монастырь монашествующих ежегодно отправлялось на начальствующие должности в другие монастыри. Обязанностью и высокой привилегией ленов невской братии было служение на кораблях российского флота, морские походы в качестве корабельных священников ежегодно отправлялись многие невские иеромонахи. Монастырю постоянно требовалось пополнение.

Со времен Петра I клиросному пению в Александро-Невском монастыре уделялось особое внимание. При отборе новых монашествующих в Петербург помимо прочих качеств всегда учитывались и певческие данные избранных. Среди присыпаемых в Петербург клирошан было много выдающихся фигур, получивших ранее известность в своих монастырях и отом прославивших свое имя в новой столице.

В одном из первых доношений Феодосий Яновский пишет: «С прошлого 1714 года по именным императорского величества указам забраны в Александро-Невский монастырь из разных архиерейских домов и монастырей знатные и добродетельные иеромонахи и иеродиаконы, из которых отом, а именно 63 человека, в разные времена произведены в архиереи, рхимандриты и прочие начальства, а другие определены к проповеди... иные отправлялись каждое лето во флот священных ради потреб». ³ Для пополнения невской братии в мае 1716 г. прибывают из Киева игумен Пифаний и иеромонах Герасим с диаконом, из Троице-Сергиевой лавры иеромонах Викентий, из Чудова монастыря иеромонах Никон и иеродиакон Иона, а в апреле 1716 г. — киевский наместник Галенковский, а с ним 6 монахов.⁴

Иеромонах Викентий Ченцов, прибывший из Троице-Сергиевой лавры,танет в Александро-Невском монастыре уставщиком.⁵

В 1717 г. братия Александро-Невского монастыря состоит из 105 человек. В этом же году из Москвы прибывает еще 18 человек. Среди них несколько клирошан: иеромонахи Герасим Заводовский, Антон Рудой, Лука Тимоновский, иеродиаконы Иона, Каллист, Антоний Черной и Зиновий Казачок.⁶

Иеромонах Лука (или Лаврентий) Тимоновский, постриженный в Бояненском монастыре, станет в Александро-Невском монастыре головщиком и уставщиком. Иеродиакон Зиновий Казачок прославится как «творец пения». Самое яркое будущее в монастыре и при царском дворе предстоит Герасиму Заводовскому. Он прославится в качестве головщика уставщика, создателя множества партических композиций и «герасимовского» распева обихода.

В 1718 г. киевскому губернатору Д.М. Голицыну из Александро-Невского монастыря направляется доношение: «...по письму от высококня-

жой светлости до Вашего высокоблагородия надлежит выслать к на-
Александро-Невский монастырь из киевских монастырей крылоша-
именно басов 5 и теноров 9».⁷

В 1720 г. состоялся обильный приезд «голосистых» монахов.⁸ По та-
бованию архимандрита Феодосия «по наряду от светлейшего князя» пр-
сланы «для пения к прежним в прибавок на клиросы» из киев-
ских монастырей: из Выдубецкого — тенористый монах Иосиф Заблоцкий;
Николаевского — тенорист диакон Макарий; из Михайловского — те-
нист диакон Клементий; из Брацкого — тенорист монах Геласий;
Черниговского Троицкого — уставщик басистый иеромонах Петр;
Печерского монастыря — басистый иеромонах Ираклий, тенористые
аконы Иона и Мелетий; из Софийского монастыря — иеромонах Гаври-
л Княженко, басистый монах Исаи, тенористый иеродиакон Гервасий,
тенорист диакон Иоанникий; из Елецкого монастыря — тенористый мон-
ах Гавриил и тенористый диакон Анфим; из архиерейского дома — басис-
тый диакон Зосима и Варнава. Головщик Герасим Заводовский «освидете-
ствовал» певчих и тех, кто оказался недостоин петь в «знатнейше-
монастыре, отправил восвояси. Отпущены были тенористы Макарий,
Геласий и Анфим. Один из прибывших, иеромонах Петр, в Петербу-
з заболел и тоже был отправлен назад.⁹

Среди новых клирошан наиболее интересная фигура — иеромо-
нах Ираклий Печерский. Он определяется в Александро-Невском монасты-
ре головщиком. Кроме того, иеромонах Ираклий знает особое искусство
участвует в строительстве монастыря как «художник каменного стро-
ения».¹⁰ Монах Иосиф Заблоцкий из Выдубецкого монастыря, который
млада во учении был в Киеве и Могилеве, будет «пострижен в мантию»
в Александро-Невском монастыре с именем Иануарий и в 1728 г. ста-
вить послушание монастырского библиотекаря.¹¹

В 1721 г. архимандрит Феодосий вновь обращается в Киевскую епа-
хию: «В прошлом 1720 году по повелению царского величества из ки-
евских и других монастырей в Невский монастырь для пения на крылоша-
взято иеромонахов и монахов шестнадцать человек. Из того числа по-
детельствовав головщик пять человек за негодностью отпущены в
монастыри, из которых взяты, и на место оных и в прибавок надлежит взя-
тии других, а кто именно, из которых надлежит выслать, при сем доноше-
ние прилагаем реестр».

В реестре значатся: «тенористые: Києво-Печерского монастыря ие-
диакон Ипатий, иеродиакон Иевникиан, архиерейского Софийского монасты-
ря иеродиакон Фиофилакт Губовский, Новгород-Северского монастыря ие-
диакон Иосиф Кучар, Переяславского монастыря монах Иосиф, ко-
торый в мире служил у Строганова; басистые: Києво-Печерского монастыря Гедеон Лясковский, который раньше был уставщиком Выдубецкого
монастыря, Гостынско-Прилуцкого монастыря иеромонах Иеремия, Го-
тавского монастыря иеродиакон Иосиф».¹²

В 1722 г. в Александро-Невский монастырь направляются несколько монахов из великорусских монастырей. В реестре иеромонахов и монахов, «которых надлежит взять в Александро-Невский монастырь» для клиросного пения, значатся: «Тферский епархии в Калязине монастыре правого крылоса голо[в]щик иеромонах Аврамий, левого крылоса головщик иеромонах Александр Рогов, того крылоса голо[в]щик иеродиакон Макарий... Тихфинского монастыря уставщик иеромонах Савва... в Киево-Печерском монастыре... монах Георгий Решик (такого художества, яко же и Макарий), в Богоявленском монастыре, что в Москве за Потешным рядом, иеродиакон Платон (голос зычной)». ¹³

К 1722 г. в Александро-Невском монастыре образуется отличный певческий хор. Клиросное послушание исполняют уставщики Лука Тимоновский и Дионисий Чудовский, головщики Герасим Заводовский и Петр Котляревский, иеромонахи Ираклий Печерский, который «чреду держит и в клиросе стоит», иеродиаконы-клирошане правого клироса Зиновий Богоявленский (он же Казачок), Антоний Черной, Гервасий Софийский, Зосима Архиерейский, Климентий Михайловский, Иона и Товий Донские, Ипатий Печерский, иеродиаконы-клирошане левого клироса Варнава Архиерейский, Иоанникий Черниговский, Павел Богоявленский, Иона и Мелетий Печерские, Евникиан, Исаия и Феодосий Софийские, монахи-клирошане Гавриил Елецкий, Иоасаф Заблоцкий, пономарь Досифей Киевский. ¹⁴

В певческом хоре преобладают тенористы: на левом клиросе поют два басиста и шесть тенористов, на правом — то же соотношение голосов. Все уставщики и головщики — басисты. Среди клирошан Феодосий Софийский, он же Лисинский. Его деятельность в монастыре будет весьма заметна и продолжительна. Он станет здесь уставщиком и «первенствующим» иеродиаконом. Иеромонах Петр Котляревский, головщик и уставщик Александро-Невского монастыря, — фигура, которая привлекает внимание авантюристностью своей биографии. Он прошел пешком всю Европу, служил на кораблях российского флота, закончил свою деятельность архимандритом Московского Сретенского монастыря.

В 1725 г. к прежним клирошанам добавляются новые имена: иеродиакон Антоний Помаранский из Киевского Кириллова монастыря и иеродиакон Александр Заузольский, который «пишет скорописью, уставом и нотное». ¹⁵ Должность уставщика в 1725 г. выполняет иеромонах Спиридон. Деятельность его в Александро-Невском монастыре будет недолгой. В 1727 г. он становится архимандритом Златоустовского монастыря в Москве.

В 1725 г. выходит императорский указ: «В Троицком Александро-Невском монастыре крылошан, токмо в пении учрежденных, никуды в другие монастыри не отпускать, но быть им в Александро-Невском монастыре для церковного в пении украшения неотлучно». ¹⁶ Однако клирошане по-прежнему наравне со всеми продолжают отправляться во флот и

другие службы. Клирос постоянно лишался голосов и требовал прибавления.

В 1727 г. архимандрит Петр Смелич составляет реестр новых монашествующих, необходимых монастырю: «Из Киево-Печерского монастыря иеродиаконов Иерофея (Савича) и Иоиля (Савацкого), монаха Исафа иеромонаха Досифея (Лишевского), из Свинского — уставщика иеромонаха Галактиона и иеродиакона Иннокентия (Голубца), из Глуховска Петропавловского — иеромонахов Варнавы и Иннокентия, из Москвы Донского монастыря — иеромонаха Иакова Коробца (или Коропца), Богоявленского — иеромонаха Варфоломея Мгарского и иеродиакона Иерофея Оглоблия». Малороссийская коллегия постановила всех их в слать в Петербург.¹⁷ Среди прибывших в 1727 г. в Александро-Невский монастырь новых клирошан были Иаков Коропец, Варфоломей Остапеков (Богоявленский) и Афанасий Рождественский.

В 1732 г. невский архимандрит вновь обращается с просьбой о присыпке новых братьев: «для необходимого в оном монастыре церковного служения, а паче в пении о умалении братии нужде».¹⁸ Большинство монашествующих, прибывших в Александро-Невский монастырь 30-х гг., отправились в Петербург из юго-западных монастырей.

В начале 30-х гг. в Александро-Невский монастырь призывают Смоленского Троицкого монастыря иеромонах Пимин Родкевич (1732 г.) и иеромонах Иоанникий Можайский (в 1735 г.). По запросу 1732 из Домницкого монастыря Чернигова в Александро-Невский монастырь высыпается клиросный монах Варлаам Чечел, а из Черниговского Николаевского Каташинского монастыря — иеромонах Герасим.

Из Киево-Печерской лавры отправлены в 30-е гг. в Петербург иеромонахи Мелхиседек, иеродиаконы Леонтий и Гимнасий.

В 1739 г. из Белгородской епархии высыпается в Александро-Невский монастырь иеродиакон Арсений Бархинский, а из Смоленска — иеродиакон Феофилакт Краснопольский.

Среди прибывших в Александро-Невский монастырь в 30-е гг. клирошан выделяется фигура иеромонаха Арсения Бархинского. Арсений Бархинский, бывший уставщиком Курского Белгородского Знаменского монастыря и регентом Белгородского архиерейского дома, станет в Александро-Невском монастыре головщиком, а вскоре будет определен архимандритом.

В те же годы много клирошан отправилось в Петербург из московских монастырей: из Богоявленского монастыря иеродиакон Трифилий Дровский (был также в Симоновом монастыре) и Трифилий Богоявленский, из Данилова монастыря иеромонах Варсонофий Даниловский, Знаменского иеродиакон Даниил, из Донского иеродиакона Антония Викентий и Иассон по прозвищу Щербак, из Златоустовского иеромонаха Никандра и Филарета. Большинство московских клирошан украинцы, определенные в свое время в московские монастыри.

Среди ярких фигур, служивших на невском клиросе в 30-е гг., Леонтий Ливчинский. Он провел бурную жизнь: из киевских архиерейских певчих попал к императорскому двору, бежал, служил в униатском монастыре Вильны в качестве регента, затем вернулся в Петербург и принял монашество.

В 1744 г. из монастыря в Синод поступает доношение: «По указу Св. Пр. Синода в разных годах и из разных великорусских и малороссийских монастырей посланы были в Александро-Невский монастырь для отправления службы Божией и посылки во флот и прочих монастырских служб иеромонахи, иеродиаконы и монахи, а ныне иеромонахов, иеродиаконов и монахов в монастыре имеется малое число, но и те по указу Ея Императорского Величества посылаются во флот и обываются при Кронштадте и других гаванях года по три и больше, а другие в приписные ко Александро-Невскому монастырю для священнослужения и других тех служб идут, а иные все дряхлы и немощны, некоторые померли, и за тем в Александро-Невском монастыре в священнослужении, а паче всего в пении на клиросе, состоится малая нужда».¹⁹

В связи с этим обращением решено было выслать из Киевской, Белгородской и Черниговской епархий 14 клиришан, дав им на подъем и путевое довольствие по 30 руб.

В 1744—1745 гг. в Александро-Невский монастырь из Киевской епархии отправляется много клиришан: из Киево-Печерской лавры иеромонах Вениамин Басистый и Каллистрат Кармазинский, из Выдубецкого монастыря иеромонах Антоний Величковский и Варсонофий Кривоглазый, из Пустынно-Николаевского монастыря иеродиакон Феодосий Светлый, из Глуховского Петропавловского монастыря иеромонах Иаков Волошский.

Из черниговских монастырей в эти годы в Петербург были отправлены несколько клиришан: «уроженец польской нации» Иоанникий Мощанский и иеродиакон Иродион в 1742 г., в 1744 г. иеромонахи Варнава Корогодский, Иоан Малиевич, Лаврентий Богдановский, иеродиакон Евфимий Терновский и монах Пармен Лобацкий.

Из Мгарско-Лубенского монастыря в 1742 г. в Александро-Невский монастырь был направлен Иринарх Яковлев, а из Густынского-Прилуцкого Троицкого монастыря иеромонах Корнилий Тончевский.

Среди клиришан, отправленных в Петербург в 40-х гг., обращает на себя внимание имя иеродиакона Феодосия Светлого. Он известен как «творец» одного из партесных концертов, написанных в 1745 г. в Петербурге.²⁰ Клиросный иеромонах Антоний Величковский, один из членов невской братии 40-х гг., станет в 1755 г. игуменом Петропавловского монастыря.

В 1751 г. в Александро-Невском монастыре девять клиришан: иеромонах Филимон Яворовский (уставщик), Каллистрат Кармазинский, Иоанникий Мощанский, иеродиакон Епифаний Ильяшев (уставщик), Дионисий Шмягельский, Мартин, Гедеон Кириловгурский, Зиновий Ро-

мановский и Александр Павловский. Клирос полностью обновился, богослужение клирошан появилось в монастыре в 1748—1749 гг.²¹

В 50-х гг. в способе формирования клиросного хора монастыря нарушается новая тенденция: он пополняется за счет выпускников Невской семинарии. В составе хора — уставщик Епифаний Ильяшев, который около десяти лет учился в семинарии, обучал пению прочих семинаристов и сам пел в архиерейском хоре до пострижения в монастырь. Во второй половине века такой способ пополнения клироса становится определяющим.

В начале 50-х гг. состоялся последний большой набор монашествующих для Петербурга на Украине. В июле 1751 г. в Синод из монастыря поступает доношение: «В прошлых годах высланы были из разных епархий и ставропигальных монастырей в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь для отправления в том монастыре знатных, яко наместнического, духовнического, экономского, казначейского, ризнического и прочих послушаний, а паче крылошского пения и посыльки флот. Иеромонахов, иеродиаконов и монахов против прежнего состояния недостаток, потому что из оного монастыря оные по благословению Божия святейшества произведены в игумены в другие епархии и архимандрит, а другие разосланы во флот... а некоторые померли, находящиеся в оном монастыре в послушаниях, те же дряхлы и немощны и могут за дряхлостью своею отправлять послушание и паче крылошское послушания». Поскольку же монастырь состоит при монаршей резиденции, «во время случающегося в монастыре высочайшего Ея Имп. Величества и Их Имп. Высочества с знатными различными придворными персонами присутствия за мало имением крылошан в пении бывает неизбежное зазрение». За сим следует просьба выслать 30 человек для отправления в Александро-Невском монастыре священнослужения и клиросного послушания «людей добрых и честных» из Киевской, Черниговской, Переяславской, Новгородской епархий и Киево-Печерской лавры.²²

В этом прошении обращает на себя внимание аргументация: засияованность в блеске богослужений во время посещений монастыря выдающимися персонами.

В декабре 1752 г. по определению синодального члена Сильвестра архиепископа Санкт-Петербургского и Шлютебургского, архимандрита Александро-Невской лавры, «для обстоящей в Александро-Невской лавре в священнослужении, а паче в клиросном и других послушаниях нужде выслать монашествующих добрых и честных как в случаи знатнейших послушаниях и духовенстве годиться могли». ²³ Выслано «иеромонахов из Киевской [епархии] трех, из Черниговской трех, из Бородянской четырех, из Киево-Печерской лавры двух, да иеродиаконов монахов 8 человек честных и доброжелательных и ко определению в знатнейшие послушания достойных, а в клиросном пении искусных и в голосе достаточных... 20 человек». ²⁴

В списке монастырской братии 1759 г. 47 человек.²⁵

В 1764 г. происходит соединение штатов Александро-Невского монастыря и архиерейского дома. Это было большим ударом по самобытности клиросного пения в монастыре. Певческий хор архиепископа становится основным участником монастырских богослужений. Значение клиросного монашеского пения уменьшается.

Делается попытка закрепить монашествующих за монастырем и ограничить приток украинцев в столицу. В 1765 г. издается императорский указ: «Из малороссийских епархий из монашествующих в Великороссию без указа Св. Синода и без крайней надобности и нужды никого не высылать».²⁶

Однако в 1772 г. архиепископ Гавриил Петров, архимандрит Александро-Невского монастыря, решает восстановить традицию киевского пения и обращается в Синод: «В прошлых годах в здешний Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь для священнослужения, а паче крылосного пения и послыки во флот иеромонахи, иеродиаконы высылаемы были из разных епархий, а ныне в оном монастыре состоит недостаток, потому что из иеромонахов иные разосланы во флот, иные померли, иные за дряхлостью лет отпущены на обещание. Из находящихся в оном монастыре к крылосному пению способных имеется мало. Того ради Св. Пр. Синоду с сим представляя прошу выслать из киевских, белгородских епархий, из Печерской лавры иеродиаконов и монахов 10 человек для крылосного пения способных в означенный Александро-Невский монастырь».²⁷

В 1773 г. избранные на Украине клирошаны были отправлены в Петербург. Среди них были Златоверхо-Михайловского монастыря монах Досифей, Кириллова монастыря иеродиакон Сильвестр, Черниговской епархии иеродиакон Епифаний и монах Иакинф, Киево-Печерской лавры иеродиакон Афанасий и Амвросий, иеромонах Гимнасий и монах Владимир, Белгородской епархии Свинско-Успенского монастыря иеродиакон Исарагд и Миропольского монастыря монах Неофит.²⁸

В 1776 г. из Черниговской епархии в Александро-Невский монастырь были присланы еще два монаха.²⁹ Сведений о присылке в Петербург монашествующих клирошан других монастырей в дальнейшем нет. Вероятно, состав клироса становится стабильным и формируется в Петербурге.

Итак, география важнейших путей, связавших в Петербурге воедино иногообразие удаленных певческих центров, вырисовывается на протяжении века достаточно четко. Самые активные связи были у Петербурга юго-западом империи: Киевом, Черниговом, Смоленском, Полтавой, Белгородом, а кроме того, с Москвой. Среди множества московских монастырей оказались непосредственно связанными с Петербургом только те, где также издавна культивировалось «киевское пение»: Донской Богородицкий, Богоявленский и Чудов монастыри.

Московское «киевское пение» значительно оскудело в первые десятилетия XVIII в. «за взятием многих монахов в Невский монастырь о чём сообщает Синоду в 1730 г. донской настоятель.³⁰ К началу 40-х петербургский монастырский певческий хор становится образцом для монастырей московских. В 1742 г. указ Синода повелевает организовать «киевское пение» Троице-Сергиевой лавры «наподобие невского».³¹

Важное значение для образования монастырского петербургского пения имели его тесные связи с киевскими монастырями. Среди них особенно тесно были связаны с Петербургом Киево-Печерская лавра и Братский Богоявленский монастырь. Киевский Софийский, Выдубицкий Михаиловский, Межигорский и Златоверхо-Михайловский Варваринский монастыри, имевшие свои устоявшиеся веками школы пения, также оказали влияние на становление певческой школы Петербурга.

Украинские клирошане отправлялись в Петербург и из черниговских монастырей — Домницкого, Троицкого Ильинского Болдинского, Рильского Пустынно-Николаевского, Каташинского Николаевского.

Александро-Невский монастырь активно сообщался с полтавскими монастырями — Воздвиженским, Мгарско-Лубенским Преображенским Густынско-Прилуцким Троицким, с белгородскими — Стогорским, пенским, Николаевским и Свято-Успенским, а также со смоленскими — Авраамиевым и Троицким монастырями.

Гораздо меньшее влияние на образование клиросного пения Александро-Невского монастыря имели великорусские монастыри.

Известны только отдельные клирошане, посланные в Петербург Спасо-Троицкого Александро-Свирского, Спасского Ярославского и Ахангельского Великоустюжского монастырей.

В начале 20-х гг. в Александро-Невском монастыре побывали несколько головщиков и уставщик из Калязинского и Тихвинского монастырей.

Большинство невских монашествующих были украинцами. Среди родных городов — Изюм, Стародуб, Козелец, Королевец, Прилука, Барки, Гадяч, Нежин, Березов, Любня, Харьков, Белгород, Полтава, Немиров, Киев. Родиной нескольких невских иеромонахов были «польские города» Орша и Калашковец (территория нынешней Белоруссии). Реестры XVIII в. отмечают среди клирошан Александро-Невского монастыря несколько «уроженцев польской нации», выделяя их из общего списка. Это Евникиан Подненко, Иоанникий Мошанский, Корнилий Тончевский Феофилакт Краснопольский и происходившие «из польских шляхтичей» Гервасий Лясковский, Иоасаф Заблоцкий и Иоасаф Шестаковский. Фаиф Зaborовский, монастырский казначей, происходил из «шляхетской города польского Львова».³² Шляхтичем польского города Warsaw был клирошанин Исайя Трушевский.³³ «Из купечества княжества Литовского» города Слуцка происходил иеромонах Филарет Рабушкевич.³⁴ Иеромонах Антоний был родом из Помаранска Волошской области.

Великороссов среди невских клирошан было несравненно меньше. Они были привезены в Петербург из Курска, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода, Суздаля, Вологды, Ельца, Ярославля, Осташкова.

Уникальная фигура в среде александро-невского монашества — монах Никодим Целий, происходивший из Голштинии из города Тондерне. Отец его был в том городе мещанином и аптекарем. «В лютеранском законе он, Никодим, был бургарт Адам, и при отце своем також и в иностранных краях изучен высоких наук... В Россию прибыл в 1732 году в мае месяце и обучал разных знатных господских детей до высоких наук, и в 1744 году октября 30 дня в Александро-Невском монастыре по благословению преосвященного Никодима епископа восприял по желанию своему веру греческого исповедания, и наречено ему имя Николай. И в нынешнем „745” году марта 27 дня пострижен в оном монастыре преосвященным Феодосием архиепископом Санкт-Петербургским и архимандритом оного монастыря. Оной монах Никодим Целий в Александро-Невском монастыре умре того же „745” году декабря 7 дня».³⁵

Один из клирошан, Матфей Грек, происходил из купечества Турецкой области близ Афонские горы острова Зовомогофас». ³⁶ Он был пострижен в Петропавловском монастыре на Афонской горе и служил до 1723 г. в Александро-Невском монастыре различим.

Большинство невских клирошан были «сынами церковников», т.е. вышли из церковнослужительской среды — из протопопов, священников, икономарей, диаконов, некоторые — из купечества и мещан. Происхождение многих клирошан отмечено как «коазацкой сын», однако в украинских полках именно так записывали детей церковнослужителей. Отцом клирошанина Даниила Знаменского был «московский житель, органный мастер», «иноzemец» Ефим Аверкиев — это исключение.

Жалованье невских монашествующих было аналогично тому, что получали церковнослужители петербургских церквей из среды белого духовенства. В 1759 г. оно было от 7 руб. 50 коп. в год клиросному иеродиакону (о 14 руб. 68 коп. уставщику).

В 1764 г. был определен новый порядок: архиерейский и монастырский штаты были слиты. Певческий хор при монастыре должен был состоять из двух иподиаконов (каждому полагалось по 50 руб.), одного уставщика (50 руб.), восьми певчих первой станицы (каждому по 30 руб.) восьми певчих второй станицы (по 24 руб.) и восьми певчих третьей станицы (по 5 руб.). Такая организация соответствовала придворному певческому ору.

Посланным в петербургский монастырь определялся срок службы здесь в пять лет. Но нередко срок этот значительно увеличивался, нередко южане-иеромонахи не выдерживали северного сурового климата и мирили в Петербурге.

Так, басистый клирошанин Варнава Архиерейский провел в столице до озвращения в отчество 23 года, а иеромонах Иаков Коропец так и не

вернулся в свой монастырь — скончался в Петербурге, прослужив Александро-Невском монастыре 10 лет.

По истечении определенного им срока служения монашествующие возвращались в те монастыри, откуда были «рекрутированы», или же получали назначения на высшие церковные должности в другие монастыри. Так, Варнава Архиерейский после многотрудной и многолетней службы в Петербурге был назначен в 1742 г. архимандритом Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря. Уставщик Александро-Невского монастыря Моисей Николаевский после многих лет пребывания в столице назначается в 1727 г. архимандритом Брянского Петропавловского монастыря. Архимандритами становятся и другие клирики — Герасим Заводовский, Гервасий Корда, Антоний Величко-ский, Петр Котляревский.

Несмотря на возможность продвижения вверх по церковной иерархической лестнице, которую давало пребывание в Петербурге, вблизи царского престола, ехали сюда на сырье туманные невские берега, в чужду и неизвестную городскую среду из своих южных раздольй украинцы белорусы весьма неохотно. По приезде они нередко пускались в бега, в осилив тяжести быта петербургского монастыря и гнета военизированного режима новой имперской власти.

Среди монастырских документов сохранилось описание тщательно расследованной властями истории авантюры, поимки, последующего жестокого наказания и последующего «раскаяния» беглого невского клирика шанина Каллиста. Эта история напоминает фрагмент плутовского романа. Материалы судебного разбирательства по поводу этого события дают нам яркую картину монастырского быта и нравов.

Центральный момент развития драматического сюжета, попытки самчинного высовождения монаха из границ своей среды — «свержение монашеского платья» и перемена имени. Монашеская одежда была обычным знаком, символизирующим принадлежность монашескому чину. Текстах XVIII в. часто встречается оборот: «пострижен в рясу» или «пострижен в мантию», определяющий положение человека в монашеской общине. Одеяние в особую одежду было частью обряда монашеского посвящения и перехода на новый уровень иерархической системы. Кроме того, монашеский постриг предполагал принятие нового имени. Платье и имя — важные ритуальные символы, определяющие переход в новый статус. Это были важные элементы церковной традиции.

Финал и развязка драмы — жестокое наказание, штраф и привлечение членов монашеской братии ко взаимной поруке. Система штрафов становится главным регулятором порядка в новой военизированной государственной системе. Как мы уже видели, штрафу подвергались синодальные певчие за неявку к богослужению, штрафуется иеромонах за своееволию, штрафуется, как мы увидим дальше, и архимандрит за неявку к призванию.

ному гулянию. Бюрократическая система штрафного наказания проникает и в быт нового монастыря. Второй момент — взаимная порука и ответственность: за провинность одного отвечать должны все члены монашеской общинны. Таковы законы государственной машины, частью которой в XVIII в. становится и церковь.

Итак, главный герой драматического повествования — иеродиакон-клирошанин Каллист. Прибыв в Петербург из Московского Богоявлensкого монастыря в 1717 г., он не выдержал в Петербурге и двух лет. В 1719 г. бежал и был схвачен, покаялся, подписал обязательство будущего своего законопослушания, но тем не менее мысли об освобождении не оставил, через год снова бежал, и уже успешно.

В начале мая, с наступлением теплой погоды, Каллист решается на авантюру. Из монастыря сообщают в Синод: «Сего месяца к 19 числу в нощи из Александро-Невского монастыря крилошанин иеродиакон Каллист, покрав у своей братии некоторые келейные вещи и деньги, бежал. А в примете оной иеродиакон ростом средней, сутуловат, млад, лице не полно, продолговато, курносоват, в верхних зубах щербина, губы велики, глаза черные, власы малочерноусы и малокудреваты, языком пришепеливает, родом черкешенин».³⁸

Вскоре беглец был пойман. Подробности произшедшего известны из документа следствия. «б июня в 9 Троецкого Александро-Невского монастыря перед господином Феодосием архимандритом бывшей иеродиакон Каллист, что ныне разстрига Карп, с карабля „Нептуна“ взят и допрашиван.

А в допросе сказал: сего-де года в мае месяце, а в котором числе не упомнит, вышел он, Каллист, из Невского монастыря в шестом часу пополудни, и никто из монастырских монахов и белцов про побег ево не ведали; а из Невского монастыря вышед, пошел он, Каллист, к монастырскому скотному двору, и встретились с ним на пути на фантане, что у скотного двора, монастырские кузнецы Данила да Иван Савельевы, которым он сказал, что идет в Ямскую гулять; и от того пошел в Санкт-Петербург Семеновского полку габаистом к Семену Павловскому, к Семену же Грязному, и был у них часа с четыре, и, будучи, монашеское платье сверг с себя с совета и с ведома их, и купя на рынке близ Гостиного двора с Семеном Грязным кафтан зеленои Семеновского полку да камзол штоловой, ветхие, на свои деньги, а монашескую одежду оставил на квартире Семена Павловского, которое и доныне у него, Семена; а на Котлин остров съехал он, Каллист, от них, Павловского и Грязного, на почтовом буере и пристал на острове к шинку и выпил на алтын вина да крушку пива, а где тот дом — не знает; и виделся с котлиноостровскими соборными церковниками с Михайлом Потаповым, с Алексеем Герасимовым, и начевал у них по ночи, и сказывался им Семеновского полку габаистом, а про монашество сказывал, что-де за винность свою рострижен; и жил Новгородского полку у габаистов Аврама Денисова с товарищи с неделью и

сказывался им семеновским габаистом, а не монахом. И сего месяца пе-
ваго дня съехал на карабелном боте на карабль „Нептунус”, и на
карабле просил поручтика господина Лобанова, чтоб он ево принял,
хлопцы, и сказывался певчим блаженныя памяти благородной государ-
ни царевны Наталии Алексеевны, и с того числа по приему ево, Лобано-
жил на карабле при нем сего ж июня по 4-е число; а четвертаго числа
господин Феодосий архимандрит взял ево с того карабля на квартиру
свою; а как бы с ним, господином Лобановым, доехал до Ревеля и, от-
часть от него, намерение было ити на Украину в монастыри и жи-
вать монахом».³⁹

Расправа с нарушителем монастырского устава была жестокой. Архи-
мандрит Феодосий решает: «...бывшего иеродиакона Каллиста, что нынче
розстрига, за побег ево и что самоволно сверг с себя монашеское пла-
заковать в кандалы и отдать в работу к каменному делу для носки кирпичей
и извести. А на пропитание давать ему на день по шести денег из монастырских
доходов. А денной и ночной караул, чтоб розстрига не ушёл из
иметь за ним от лейб-гвардии каправу с салдаты и в том им подписатьца».

Строительные работы в Петербурге — это длительная история не-
сильного, каторжного труда. Новая столица стала как бы воронкой, в
глотившей огромное количество жизней ради быстроты своего роста.
Мор, болезни и безумие были следствием тяжести строительных работ,
возведению новых крепостей, дворцов и церквей. Наказание за самово-
звание невского монаха — каторжный труд.

В июне 1719 г. несчастный клирошанин начинает выполнять приго-
ренные ему тяжелые строительные работы. Наконец в марте 1720 г. пишет
«поручное» письмо с обещанием: «...жить мне, Калисту, во оном монастыре
благочинно и трезвенно и никакова бесчинства не чинить, и без по-
ления того монастыря господина Феодосия архимандрита никуда не
отходить. И у кого по повелению ево господина Феодосия архимандрита
буду под началом жить, и тому буду во всяком послушании неотменно.
Порукою в том обещании служили подписи других невских клирошанин.
Под письмом иеромонах Герасим, Лука, Матфей, Петр, иеродиакон Зин-
ний и Павел «руку приложил».⁴¹

Однако архимандриту монастыря этого поручительства оказалось
достаточно, и он приказывает: «...иеродиакона Каллиста, которой за по-
мощь и за самоизволное свержение монашеского одеяния был в работе, бы-
ть ему, Калисту, по-прежнему в крылосе, и жить благочинно и трезвенно
во всяком монастырском послушании, и никаких подозрительных дел
творить, и из монастыря не исходить; и о том взять у него за руками в
братии запись, дабы они ево, Каллиста, в том надзирали, а монастырским
служителям указать указ с приложением руки, ежели ево, Каллиста,
усмотрят кто вне монастыря, и ево, имая, приводит в монастырь, за что
Калист, истязан будет жестоко; а ежели за ним, Каллистом, монахов или из служите-

усмотря ево, Каллиста, вне монастыря, не приведет и в том будет изображен, и таковый будет штрафован по количеству ранга от меньшаго в братстве даже и до самаго наместника, а от служителей даже и до судии».⁴²

Каллист пишет обязательство и по этому приказу, однако поручителей по столь жестокой системе взаимной ответственности уже не нашлось. Преступному клирошанину приходится выполнять тяжелые работы по-прежнему. Бедняга не выдерживает, и в июне 1720 г. совершает новое преступление.

В канцелярию Александро-Невского монастыря поступает донос, что расстрига Каллист в колодничей, напившись пьян, бранился и «кричал за собой слово и дело государево». Допрошены были свидетели. Они показали, что расстрига был милостью колодничего отпущен к вечерней службе в церковь, а оттуда пошел в хлебную. После того ушел из монастыря и отправился в дом гребца Павла Алферова. Купив там у жены гребца вина на 10 денег, все выпил и стал пьян. Вернулся в колодничью, взял кружку с квасом, пил квас и кричал «Виват!», за что и был сурово наказан: посажен «на чеп» и бит палкой. Развязка всей этой истории наступила только осенью 1720 г. Расстрига Каллист вместе с другими колодниками был отослан к строительным делам и бежал, когда надсмотривавший за ним солдат отлучился.⁴³ Таков финал путешествия украинского монаха в Петербург.

«Слово и дело государево», послужившие обвинением на новом этапе следствия по делу Каллиста, — это обвинение в противодействии государственной власти и заговоре против государя. Обвинение по «слову и делу государеву», самое тяжкое обвинение того времени, весьма часто возникало в связи с бытовыми конфликтами. Система фискалъства и доносов распространялась и в монашеской среде. Один из примеров — следствие по делу иеродиакона Ионы в 1728 г.. Иеродиакон обвинен в «предерзостных речах» и в том, что он заявил «слово и дело государево».

Конфликт между уставщиком Виктором и клиросным иеродиаконом Ионой произошел во время богослужения. Допрошены в ходе следствия все свидетели. Был допрошен и головщик Петр Котляревский. «А в допросе иеромонах Петр Котляревский по иеромонашеству исповедование не токмо правилного, но и гражданского суда по опасению сказал: прешедшего марта 26 числа у повечерия в церкви Благовещения Пречистыя Богородицы был и стоял по обычаяу своему для пения на правом клиросе. В то же время были в той же церкви уставщик иеромонах Виктор и служивший в чреде иеромонах Афанасий Рождественский, и стояли уставщик пред левым клиросом, а служащий иеромонах на той же стороне близ святых образов. А псалмы читал иеромонах Афанасий Богоявленский, а на левом клиросе стоял иеродиакон Иона, при том же левом клиросе был и канархист монах Ианнуарий, который по прочтении псалмов читал канон среди церкви, а прочих, кто еще из братии были, того он,

Котляревский, не упомнит. И в то время ни от кого никакого шума, Котляревский, не слыхал, тако во время пения ево, Петрова, четвертой песни ирмоса увидел он, Котляревский, что уставщик Виктор у иеродиакона Ионы, стоявшего близ ево, незнамо какую разогнутую книгу открыл и при том происходили между ими, уставщиком и Ионой, неведомо как по признанию яко бы супротивные, речи, а какие именно, того он, Котляревский, не слышал, потому что чтение оного канона и пение ево, Петрово всех ирмосов на оном правом клиросе происходило, с посвящением, и был день попразднественный, а оный Иона на левом клиросе стоявшем с упомянутым уставщиком нечто размовлявший в то время и пение левом клиросе оставил. А оного уставщика какими бранными и поносительными словами бранил или нет и между тою бранью какие непристойные слова от него, Ионы, произошли, того он, Котляревский, в дальности их, на правом клиросе тогда бывший и непрестанно ирмосы певши истинно не слышал и от уставщика на него, Иону, брань не слыхал, и он, Котляревский, в то время кроме пения церковного и понужден канархистру, дабы указывать ирмосы неукоснительно, никакого шуму чинил. И о всем вышеписанном сказал он сущую правду без всякой утайки а ежели во лже обличен будет, то повинен правильному истязанию гражданскому жестокому суду».⁴⁴

Бытовой конфликт, возникший между членами монашеской братии приобретает политическую окраску, поскольку иеродиакон Иона ответил на суде по доносу уставщика по делу о «слове и деле государева». Такова специфика того времени, связанная с надломом в нравственной сфере. Как мы видим, иеромонах дает показания не только в строении «правильного», церковного суда, но и суда гражданского, «жестокого». Государственные структуры вторгаются в быт и порядок церковного общества.

Внутренний порядок и устройство монастыря регулировались уставом написанным Феофаном Прокоповичем в соответствии установлениям хорового регламента и по образцу уставов украинских монастырей. Центральным элементом монастырского жизнеустройства было ежедневное богослужение, участие в котором было обязательно для всех членов братии. Клиросное пение было его неотъемлемой частью.

Богослужения совершались в Александро-Невском монастыре в трех церквях: церкви Благовещения (освящена в 1713 г., новая — в 1725 г.) церкви св. Лазаря (освящена в 1717 г.) и церкви св. Александра Невского (в 1717 г.). В 1767 г. была освящена церковь Всех Святых. Это были церкви, вмещавшие небольшое количество людей. В 1774 г. был заложен и через 12 лет освящен новый соборный храм Святой Троицы, который уже поражал своим великолепием и величиной.⁴⁵ Соответственно развивалось и пение в этих церквях — от клиросного пения начала в которых участвовали самое большое 16 певчих, к многочислен-

хоровому пению 70-х гг., в котором объединялись для пения ученики семинарии, певчие архиерея и иеромонахи.

Богослужебное пение было необходимой частью деятельности всех монашествующих Александро-Невского монастыря начала века. Некоторые из монашествующих обладали особыми умениями в этом роде деятельности и потому определялись к пению на клиросе постоянно. Назначение к какому-либо роду монастырской деятельности называлось в монастыре «послушанием». В «крылошном» послушании Александро-Невского монастыря в разные времена числилось от 6 до 16 иеромонахов, иеродиаконов и монахов. Самый полный певческий состав, отмеченный в документах в 1722 г., два уставщика, головщик, два иеромонаха, которые «чреду держат и в крылосе стоят», восемь иеродиаконов на правом и на левом клиросе, два монаха в «клиросном послушании». ⁴⁶ Характерной особенностью «киевского пения», культивированного в монастыре, было преобладание в хоре теноров.

Руководителем монастырского богослужения был уставщик. Уставническая должность имела широкий круг обязанностей. В его ведении находилось как соблюдение устава богослужения, так и качество пения. От него требовалось особое совершенство в певческом мастерстве, и часто он был также «творцом» пения. Поскольку церковное пение традиционно понималось как богослужение, охватывающее всю целостность личностной организации, постольку для исполнения уставнической должности считалось необходимым и особое нравственное достоинство, обеспечивающее уставщику доверие всей монашеской братии.

Уставщик входил в духовный собор монастыря, члены которого «соборно» рассматривали монастырские дела и подписывали вынесенные решения.

Местоположение подписи уставщика под документами среди других членов духовного собора говорит о его статусе в монастырской иерархии. До середины 30-х гг. порядок подписей был таков: наместник, уставщик, ризничий, духовник. Поскольку уставщик ставит свою подпись непосредственно за наместником, можно сделать вывод, что «знатность» уставнической должности в это время весьма велика. С середины 30-х гг. порядок подписей меняется: наместник, казначей, ризничий, уставщик, духовник. Впоследствии порядок подписей снова меняется: наместник, духовник, эконом, ризничий и на последнем месте уставщик.

К концу века должность уставщика становится гораздо менее «знатной». Об этом можно судить и по размерам выдаваемого содержания. В юдомости 1787 г. определяется следующий порядок денежных выплат: наместник — 108 руб. в год, духовник — 51, эконом — 47, ризничий — 45, уставщик — 35, благочинный — 28 руб.⁴⁷

Должность уставщика начала века была выборной. В 1738 г. монашеская братия Александро-Невского монастыря выбрала иеромонаха Иакова Ростовского уставщиком на место иеромонаха Моисея не только

учитывая его певческое мастерство, но и «понеже он человек доброжелательный и оное послушание отправлять может». ⁴⁸

Как и остальные монастырские послушания, должность уставщика была постоянной и могла меняться. Так, иеромонах Боголеп Адам, бывший уставщиком Александро-Невского монастыря в 1716 г., ставший впоследствии епископом Устюжского монастыря.⁴⁹ Архимандритами различных монастырей стали другие клиросные иеромонахи и уставщики Александро-Невского монастыря: Дионисий Чудовский, Моисей Николаевский, Антоний Величковский, Петр Котляревский.⁵⁰ Герасим Заводской, «композитор пения», уставщик Александро-Невского монастыря, прославившийся своими многочисленными партиесными концертами авторским монодическим распевом, стал к концу жизни архимандритом Межигорского монастыря.⁵¹

Постепенное выделение «певческой музыки» в качестве самостоятельного элемента литургического действия выражалось в том, что так же, как в придворном церковном хоре, в хоре Александро-Невского монастыря в второй половине века появились две должности руководителей богослужебного пения — уставщик и регент, разделившие некогда единую функцию. Уставщик сохранил только ту часть своих традиционных обязанностей, которая относилась к соблюдению устава богослужения. Регент взял на себя обязанности организации певческой стороны службы.

Помимо уставнической, необходимыми должностями традиционного монастырского богослужения были канонарх и головщик. Они держали певческую книгу и читали текст во время службы. Основная их функция — возглашение начала пения. В одном случае это экфонетическое произнесение слова, в другом — певческое.

Должность канонарха в монастыре исполнял иеромонах или иеродиакон, обладавший «твёрдым» голосом. Его обязанность — возглашение текста песнопения, псалмодируя на одном тоне, чтобы вслед за ним остальные повторили текст певчески. Перед началом песнопения канонарх возглашал глас. Известны имена некоторых канонархов Александро-Невского монастыря: Сергей Тарасов, Феодосий Лисинский (1722 г.), Василий (1788 г.), Алексей Осипов, Григорий Матфьев (1793 г.), Федор Мадовницкий (1795 г.).

Головщик, так же как и канонарх, начинал пение, но в отличие от него не псалмодируя текст, а исполняя его певчески. Среди головщиков Александро-Невского монастыря были известны иеромонахи Герасим Заводский, Ираклий Печерский и Лука Тимоновский (1722 — 1725 гг.) и Ипполит Волянский (1759 г.).

Должности уставщика, головщика и канонарха — наследие традиционной монастырской культуры.

Главные события драмы русской Реформации — в столкновении среотипов канонической православной традиции и светской европейской культуры. На примере деятельности клироса Александро-Невского монастыря

настыря можно убедиться, что процесс восприятия новых секулярных ценностей в петербургский период протекал весьма сложно. Перелом, который произошел в начале 70-х гг., проявившийся в начале музыкального профессионализма, был подготовлен длительным периодом постепенной адаптации элементов светской культуры в системе православной традиции. На протяжении первой половины века в монастыре продолжали сохраняться многие стереотипы певческой деятельности, выработанные в течение долгих веков становления православного монашества.

Каковы же были психологические стимулы певческой деятельности в монастыре? Каковы были необходимые для нее умения, и как они приобретались? Каковы были ограничения круга обязанностей в этой сфере? Ответы на эти вопросы могли бы выявить то, как сами невские клирошане определяли свою позицию в ритуальном процессе, какова была их ориентация в современном им культурном пространстве.

Обратимся к монастырским документам XVIII в. В монастыре тщательно велись особые реестры, в которых регистрировались подробности, касающиеся не только происхождения и перемещения членов невской братии, но и фиксировались их умения и послушания. Какой же смысл вкладывали они в понятия «искусство» и «художество»? Какое место занимало певческое искусство в их деятельности?

В реестрах сказано: иеромонах Александр Синяговский «искусства, кроме чтения, пения и писания, не знает», иеромонах Мелхиседек «искусства, кроме чтения, писания и пения, не имеет», иеромонах Леонид Троицкий «из младенчества обучился русской грамоте, а другого искусства не имеет», иеромонах Гервасий Филиппов «искусства, кроме книжного чтения и пения, не имеет». ⁵² В приведенных примерах, как мы видим, понятие «искусство» включает в себя три момента: чтение, пение и писание.

Они могут замещать друг друга и объединяться в одно понятие. Иеромонах Митрофан «искусства и художества за собой, кроме славянороссийской грамоты, чтения и писания не имеет» (однако здесь же его послушание отмечено как «крылошкое»), Иосиф Загоровский «другого искусства, кроме крылоджского, никакого не имеет», иеродиакон Евникиан Падуненко «искусства, кроме церковного пения, не имеет», иеродиакон Варнава Архиерейский «искусства, кроме крылосского пения, не имеет». ⁵³ Казалось бы, вот они, наконец, настоящие певчие, но Варнава Архиерейский вовсе не совершенствуется в «крылошкой» деятельности всю жизнь, реализуя в этой сфере свое призвание, а в 1742 г. посвящается в архимандриты Черниговского Спасо-Преображенского монастыря. Та же карьера ожидает и многих других клирошан: Петра Котляревского, который становится игуменом Московского Сретенского монастыря, Герасима Заводовского, который определяется архимандритом Межигорского монастыря в Киеве.

В другом документе мы читаем: иеромонах Иоанникий Можайский «искусства никакого, кроме священнослужения, не имеет». ⁵⁴ Однако имен-

кроме чтения и пения, не имеет». ⁵⁷ Иеродиакон Арсений Бархинский родился в Изюме, отец его был церковнослужителем, «и по обучению грамоте, пению и писанию жил в том же городе Изюме при соборной церкви Преображения Господня дьячком». ⁵⁸

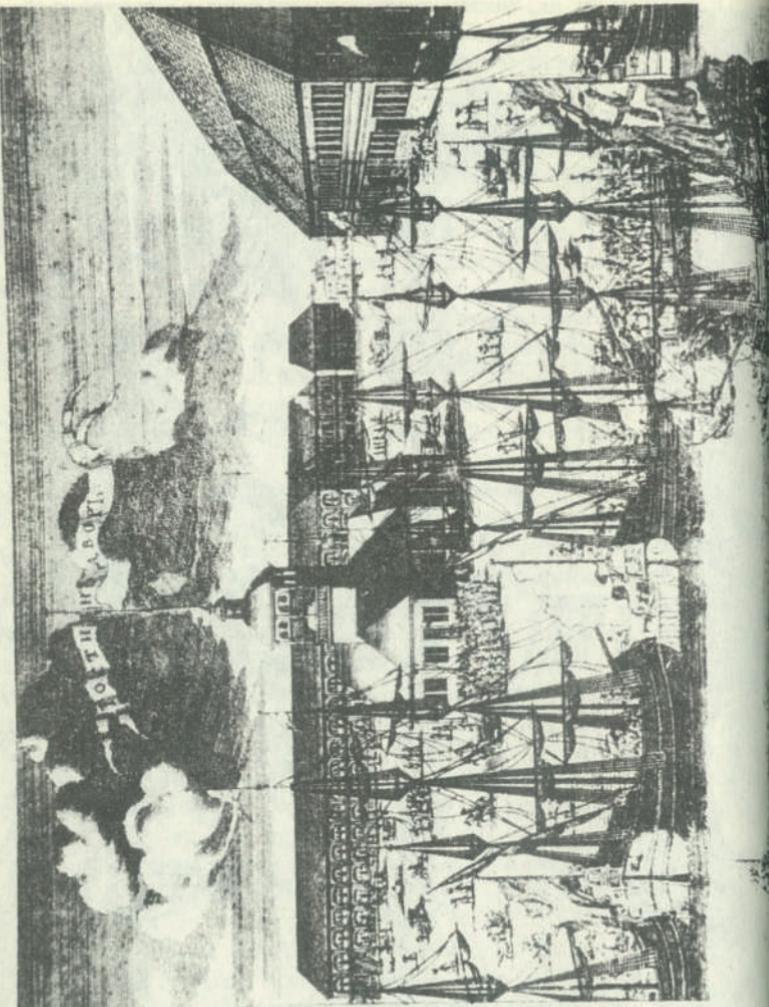
Обучение при церкви и чаще всего «при отце своем», поскольку большинство клирошан были детьми церковнослужителей, было традиционным способом приобретения навыков.

Характерным для организации монастырской жизнедеятельности было постоянное изменение круга обязанностей, смена монастырских «послушаний». Помимо «чреды служения» клирошане выполняли множество других дел, в том числе обязательно служили на флоте. Что же оставалось постоянным и неизменным для монашествующих клирошан, что было их главным «призванием» и что ограничивало сферу их обязанностей? Ответ остается один — монашество. Христианская аскеза, монашеский чин определяли их место в социокультурном пространстве, а литургическая деятельность была той основой, которая объединяла как клирошан, так и остальных членов монастырской братии. В понимании монашествующих она являлась узловой точкой ценностного поля культуры, и это соответствовало средневековой традиции.

Приведем в качестве примера еще одну «сказку» из монастырских документов. «Монах Марко по скаске ево рождение ево в Полше в городе Калашковце, а в котором году и месяце и числе за остатием в малолетстве от своих родителей сказать не упомнит. Отец ево был Иван, а чей сын за малолетством не помнит, а рождение отца ево вышеписанного города Калашковца уезду села Глинча, а какой чин имел не помнит, а в мире ево, Марка, звали Михайлом, искусства никакого и грамоте не умеет, пострижен в городе Воронеже в доме архиерейском преосвященным Пахомием митрополитом Воронежским, а в котором году и каких лет не помнит». И дальше: «Оной монах Марко февраля 5 дня 1735 года умре». ⁵⁹ Итак, мы видим в этом высказывании полное равнодушие ко всем пространственным и временным характеристикам. Чертами, определяющими положение этой личности в социальном пространстве являются только имя и религиозное призвание — монашество.

Таким образом, стиль жизни и деятельности невских монашествующих начала века были обусловлены прежде всего спецификой их религиозных представлений. Многие стереотипы деятельности, основанные на психологических стимулах, сложившихся в рамках средневекового менталитета, продолжали оставаться действенными и после начала церковной реформы. Они вступали в резкое противоречие с потребностями новой эпохи.

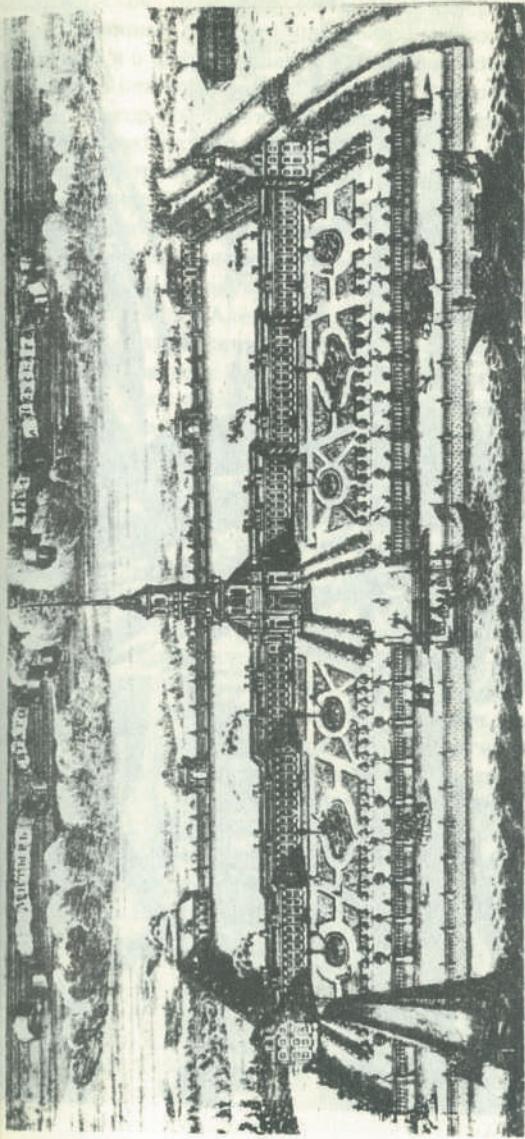
В мемуарах путешественников, посетивших Россию в начале века, отражено то непонимание, которое вызывал строй жизни и мышления, определившийся в рамках русской религиозной культуры. Дж. Перри пишет: «Можно сказать, что верх учености, требуемый... от обыкновенно-

из письма царя Петра I Александру Невскому в 1719 г., посланного
императрице Елизавете Петровне: «За государевых и Богородичных членов
«Волги» я дурманю 1723 г. помечено, что Петр I в марте 1723 г. по-
могал в перевозке к президенту Платону из Китае, в монастыре
вокруг начинка, и тело всеночную обедию в пропадах».

Мырь упомянутое следует тому, звучанию расказа звука из
старинных сказок. Истинам упомянуты неизвестному Годунову

го духовенства, или по крайней мере то, что для них необходимо, чтобы быть принятами епископом в священнический сан, заключается в следующем: они должны петь и читать внятно, по порядку, установленному церковной службы, не пользоваться дурною славою между соседями иметь хороший чистый голос и способность повторять „Господи, помилуй“ со всевозможнаю быстротою 10 и 15 раз сряду, не переводя дух, так как это делается обыкновенно в их церквях и при каждой их молитве. Другой иностранец, Г. Седерберг, сообщает, что в Москве насчитывае служителей «кроме монахов до 4000, которые ничего не умеют, как только просто петь, читать и писать». ⁶¹ Что же касается совершенства этого пения, то большинство иностранцев оценивает его самым жалким образом. Ф.Х. Вебер пишет: «Молитвенные часы совершают они как днем, и ночью и поют в два хора по русским нотам или напеву, но мелодии поются почти в один тон, и поэтому в них нет никакого искусства. Русы не допускают в церквях никакой инструментальной музыки и говорят, один только голос человека может восхвалять Бога». ⁶²

Петр I в своем рвении переустройства России и приведении ее в соответствие с западными образцами культуры активно берется и за монастырь. Устройство семинарий, в которых учение строится совершенно на иных основаниях, чем передача богослужебной традиции по-старому «при отцах», играет в этом начинании одну из важнейших ролей. (Одна из первых семинарий, как уже было сказано, была организована именно в Александро-Невском монастыре). В них закладываются начала профессионализма и специализации, значительно повлиявших на развитие культуры, в том числе и монастырской.

Другим моментом, способствовавшим интенсивной трансформации традиционных стереотипов певческой деятельности в петербургском монастыре, была его близость к придворной структуре. В конце века в Александро-Невском монастыре, так же как и при дворе, утверждалось понятие «церковная певческая музыка», которое находится вне традиционного религиозного мировоззрения.

С самого начала своего существования Александро-Невский монастырь был монастырем придворным, куда регулярно «пришествуют» судари для участия в церковных службах. При Петре I устанавливались постоянные связи между монастырским клиросом и придворным певческим хором. Государь в сопровождении своих певчих регулярно являлся в монастырь и сам нередко поет и читает при служении. ⁶³ Известно, что на праздновании дня Александра Невского в 1719 г. в службе участвовало помимо невских клирошан 30 государевых и патриарших певчих. «Походном журнале» 1723 г. отмечено, что Петр I 24 марта 1723 г. остановился в монастыре к празднику Благовещения на яхте, в монастыре волил ночевать и петь всенощную и обедню в праздник. ⁶⁴

Царь тщательно следит за тем, какие именно распевы звучат на монастырском клиросе. Именным указом он повелевает иеромонаху Гераси-

монастырскому головщику, списать у придворных певчих копии «переводов» знаменных распевов, распространенных при дворе. Сам же Петр заботится и о формировании состава клиросного хора. Он направляет в монастырь певчих, обративших на себя монаршее внимание. Так, клирошанин Виктор Ростовский был отправлен царем в Александро-Невский монастырь, после того как поразил его своим «громогласием». ⁶⁶

Государь требует безусловного подчинения своей власти во всем, а за непослушание наказывает священнослужителей как собственных придворных. Монашество привлекается к мирским развлечениям и придворному времяпрепровождению. В 1723 г. невский архимандрит был оштрафован за неявку к водной ассамблее на своей барже. Документ гласит: «Троицкого Александро-Невского монастыря господину наместнику иеромонаху Илариону того же монастыря казенного расходы. Доношение. Сего августа 1 дня 1723 года по имянному Его Императорского Величества указу писано собственной Его Величества рукою генерал-полицмейстер заплачено в главную полицмейстерскую канцелярию Александро-Невского монастыря из казенного расходу за небытие его преосвященства новгородского архиепископа домовой баржи во время водяной ассамблеи июля 30 дня штрафа пятьдесят рублей». ⁶⁷

Монастырь начинает подчиняться царскому двору и в богослужебной сфере. Царские указы регламентируют порядок церковных служб. Так, в 1731 г. в монастырь направлен Указ о совершении торжественных богослужений. «Велено в день коронации всемилостивейшей государыни Ея Императорского Величества Анны Иоанновны самодержицы всероссийской, то есть оного апреля 28 числа, в синодальном и во всех архиерейских домах и епаршеских монастырях и соборных и приходских церквях... отправлять всенощное бдение и после литургии молебное пение со звоном, которой звон по отпетии молебна продолжать во весь тот день неизменно... Об отправлении вышеписанного торжества с получения сего указа и впредь повсегодно по всем ведомства того Александро-Невского монастыря церквам чинить... И как о получении, так и о исполнении в Святейший Синод рапортовать неукостнительно». ⁶⁸ Уставщик монастыря иеромонах Виктор поставил под этим указом свою корявую роспись и рапортовал по-военному: «Исполнять буду».

Глава IX

ПЕВЧИЕ ДОМА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА / ПРИДВОРНАЯ ЦЕРКОВНАЯ МУЗЫКА: ОТ РИТУАЛА К ТЕАТРУ

Императорский дворец был главной узловой точкой петербургской семиотики. Столица и строилась как новая резиденция императорского двора. Если Петербург занимал положение «на краю» культурного пространства страны, то в пределах городского пространства императорского дворац занимал в свою очередь самое «пограничное» положение. Он был центром столицы и всей державы и одновременно противостоял ей. Ритуальное состояние «перехода» определяло динамизм процессов дворной культуры XVIII в. Отталкивание от прошлого, разрыв с ожиданием субъективно ощущался как переход к новой культуре, строительство ее по западной модели. Однако в действительности происходило утверждение «перевернутого» структурного плана старой культуры при сохранении константных моделей церковно-средневекового типа. Это своеобразие процесса секуляризации русской культуры, захватившего все топосы петербургского социума XVIII в., особенно выступало в придворной сфере. В рамках этой культурной парадигмы переход от стереотипов деятельности «певчих домов Его Величества» начала века к «церковной певческой музыке» конца века.

Петербург был местом консолидации многообразных культурных социальных сил всей страны, а точкой самого мощного притяжения в пределах столицы был императорский дворец. Это касалось и придворного певческого хора, в который направлялись лучшие певчие из различных областей страны (прежде всего с Украины), так и из петербургских церковнослужительских групп. Если в первой половине века церковное пение при дворе вбирало в себя различные местные диции и светский западноевропейский стиль пения, то к началу XIX в. стало мощным генератором новой церковно-певческой традиции: формируется ведущая певческая школа, начинается активное коми-

торское творчество, и, кроме того, императорский хор занимает главное административное положение в церковно-певческой сфере и получает права цензора. Все это происходит при непосредственном «высочайшем» внимании и руководстве.

Придворные церкви — Троицкий собор при Петре I, дворцовая церковь Сретения Господня при Екатерине I, к которой прибавляется малая дворцовая церковь Благовещения (освящена в 1735 г.) при Анне Иоанновне, церковь Рождества Христова (освящена в 1755 г.) и малая церковь Захария и Елизаветы во временном дворце при Елизавете Петровне, собор, освященный в 1762 г. во имя Воскресения Господня, к которому добавляются в 1763 г. церковь Спаса Нерукотворного Образа и в 1768 г. церковь Сретения Господня в Зимнем Дворце — это места придворных богослужений. Кроме этих церквей были еще церковь великомученицы Екатерины при деревянном Летнем доме Петра I, церковь Живоначальной Троицы в Летнем дворце Анны Иоанновны и церковь архистратига Михаила в Михайловском замке Павла I.¹

Сакральная часть дворцового пространства, церкви, соседствовала с придворным театром и воинскими службами. Театральная практика, воинский быт и церковный обряд были элементами придворного церемониала. Место и значимость этих элементов в ритуальном пространстве придворной культуры менялось. Церковный ритуал, театральное действие и воинский церемониал вступали в сложное взаимодействие. Придворная певческая деятельность, инициированная в начале века прежде всего богослужением, постепенно меняла свой облик и обретала иную семантику. Попытаемся определить основные контуры этого движения.

Причт придворных церквей состоял из крестового священника до начала царствования Елизаветы Петровны, при которой становится уже три священника, четыре протодиакона и диакон. С конца царствования Елизаветы Петровны при дворе помимо духовника уже четыре священника, протодиакон, два диакона и псаломщик. Впоследствии придворный штат включал в себя духовника, трех священников, протодиакона, трех диаконов, четырех псаломщиков и четырех дьячков.²

В списках придворных штатов XVIII в. после перечисления духовенства всегда следует список певческого хора. Он был частью церковной структуры придворного штата, но одновременно певческий хор при особе государя был его постоянным сопровождением, его свитой и участвовал не только в церковных богослужениях, но и во всех придворных церемониях.

Придворный церемониал был тесно связан с церковным обрядом, а хоровое пение было неотъемлемым элементом придворной культуры начала XVIII в. В эпоху Петра I службы, особенно в праздничные дни, занимали от 5 до 7 часов, а любое дело начиналось с общего молитвенного пения. Во всех походах и предприятиях, в дни торжеств и будни Петра I

сопровождали его певчие дьяки. «Певчие дома Его Величества» — именуются в документах начала века государевы певчие.³

В 1711 г. в придворном штате было 15 певчих, в 1716 г. — 22 человека. Известно, что на похоронах царевича Алексея Петровича 30 июня 1711 присутствовали 34 государевых певчих,⁴ а на празднование дня Александра Невского в Александро-Невский монастырь в 1719 г. прибыли певчих.⁵

Петр I не видел особого различия между своим придворным штатом, церковнослужительским штатом архиерейских домов. В период правления Петра I к службе при дворе направлялись многие лучшие певчие патриаршего хора и архиерейских домов. Практика временного определения ко двору архиерейских певчих прекращается со смертью Петра I.

Руководителями государевых певчих при Петре I были Степан Иванович Беляев, Василий Евдокимов Дьяконов и Иван Михайлович Протопопов. Среди певчих, прославившихся в царствование Петра I, Пётр Андреев, Емельян Шушерин, Иван Попов Ставропольский, Алексей Протопопов, Андрей Нижегородец. Федор Журавский (Журавлев), уставщик придворного хора времен царствования Анны Иоанновны, также начав свою певческую деятельность при дворе Петра I.

Еще при жизни Петра I у царицы Екатерины Алексеевны был свой певческий хор из 44 человек. На церемонии похорон царя в 1725 г. покой вместе 30 «певчих Его Императорского Величества» и 40 «певчих Государыни Императрицы».⁶ После восшествия на престол Екатерина Алексеевна часть своих певчих сократила, объединив оставшихся с бывшим хором государя.

Среди певчих, уволенных из хора императрицы, был Леонтий Ливческий, прославившийся как своим певческим мастерством, так и авантюрной жизнью.

20 певчих умершего государя продолжили служить при дворе императрицы Екатерины Алексеевны. Среди них Иван Протопопов, его брат Алексей Протопопов, Андрей Нижегородец и уставщик Василий Евдокимов.⁷ В 1729 г. придворным уставщиком стал Андрей Нижегородец.

Императрица Анна Иоанновна сохранила то количество придворных певчих (около 30), которое сложилось при Петре I. В 1731 г. при дворе служили 28 певчих, два пономаря, уставщик, певчий иеромонах, в 1733 г. — 32 певчих и уставщик, в 1734 г. — 29 певчих и уставщик, в 1735 г. — 28 певчих.⁸ В 1731 г. уставщиком становится Федор Журавский. В начале 30-х гг. начинает свою придворную деятельность иеромонах Герасим Заводовский, уставщик и головщик Александро-Невского монастыря «композитор пения». Он определяется придворным духовником, одновременно исполняя должность «начальника певчих». Среди самых опытных певчих 30-х гг. Еким Миронов, Семен Прядка и Иван Исаев. В эти же годы в певческом хоре появляется Михайло Точанский (Лем). После 30-летней службы при дворе в 1764 г. он определен уставщиком. В 1738 г. начинает

Фундаментальная научная библиография по истории культуры, литературы и искусства

свою многолетнюю придворную службу певчий Гавриил Головня (Матвеев). Он станет известен в связи с составлением певческих книг, предназначенных для печатания, а также борьбой за их выбор для печатания с певчими синодальными.

В 30-е гг. цесаревна Елизавета Петровна имела собственный хор. Ко времени ее восшествия на престол этот хор состоял из семи больших, 14 малых певчих и уставщика. Выдающиеся фигуры хора цесаревны — уставщик Иван Петров, будущие уставщики «придворной капели» Федор Моисеев Божко, Петр Лазарев Чижевский и Кирила Степанов Рубановский.⁹

С начала царствования Елизаветы Петровны в 1741 г. в придворном певческом хоре соединяются 22 старых певчих, руководимых уставщиком Иларионом Тершковским, с собственными певчими царицы. Федор Иванов (Кочановский) привозит с Украины еще 11 певчих.¹⁰

В эти годы появляется новое название придворного хора: «капелия придворных певчих», или «придворная капелия». ¹¹ Это слепок с названия вокально-инструментальных коллективов, служивших при европейских дворах. В это время количество придворных певчих начинает стремительно увеличиваться. Сфера деятельности придворного хора расширяется — он становится необходим в театральных постановках и камерном музиковании.

В 1743 г. в состав придворного хора входят 37 певчих, два уставщика и четыре псаломщика. Среди певчих выделяются отдельные фигуры. В 1744 г. два тенориста (Петр Лазарев Чижевский и Кирилл Степанович Рубановский) и один басист (Федор Иванов Кочановский) получают в певческом хоре особый статус и увеличенное жалованье.¹² В 1748 г. при дворе уже служат кроме четырех уставщиков 57 певчих.¹³ Ставки уставщиков получают помимо действительно исполняющего уставническую должность Федора Моисеева Божко те же два тенориста и басист, которые были выделены среди прочих певчих и в прошлые годы.

Не все певчие из общего их числа входили в придворный штат. В придворном церковном служении числилось только 26 больших и малых певчих: восемь басистов и пять тенористов, остальные певчие были «сверхштата».

При певчих служили уставщик Федор Моисеев Божко и иеромонах Иосаф. Помимо Федора Моисеева Божко уставщиками придворного хора 40-е гг. были Илья Томилин и вызванный из Киево-Печерского монастыря Иларион Тершковский.¹⁴

Придворный басист и уставщик Лаврентий Хоцятовский, служивший при дворе императрицы Елизаветы Петровны в 40—50-х гг., впоследствии станет известен как архимандрит Троице-Сергиевой лавры. Среди певчих, прибывших в Петербург ко двору из Малороссии в 40-е гг., замечательны две фигуры, славу получившие на совсем ином поприще, — искатель Иван Голеневский и философ Григорий Саввич Сковорода.

Во второй половине века количество придворных певчих продолжало увеличиваться. В 1758 г. уставщиком становится Марк Полторацкий, обращаясь к императрице с доношением о потребностях придворного хора: «При дворе Вашего Императорского Величества как для исправления должности придворной церкви большой и малой, так и для коми Вашего Императорского Величества и Их Императорского Высочества для исправления должности театральной необходимо иметь певчих больших и малых, из которых число двенадцать басов и двенадцать теноров малолетних тринадцать альтов и тринадцать дискантов, всего пятьдесят ¹⁵ человек».

При дворе по-прежнему обретается много внештатных певчих. Уставщик Марк Полторацкий направляет в 1764 г. в Кабинет Ее Императорской Величества доношение, в котором напоминает: несмотря на то что в ноябре 1762 г. им было предложено ограничить число придворных певчих 50, на его «всеподданейший доклад резолюции не последовало. Почек и находится ныне при дворе уставщик 1, больших 40, малых 31. Все уставщиком и большими и меньшими 72». ¹⁶

В документах 70-х гг. закрепляется новое, уже вполне европейское название — «певческая капелла». ¹⁷ Певческий состав в эти годы соответствует предложению Марка Полторацкого. В 1778 г. службу в придворном хоре несут 10 басов, 15 теноров и 25 малолетних певчих. Среди старейших певчих Гаврило Головня, Наум Ладунка и Яков Тимченко. Благодаря своим прошлым заслугам они определяются в звание уставщика. К этому времени уставническая должность становится придворным чином, присваиваемым особое жалование и привилегии. ¹⁸

По штату 1796 г. в придворном церковном служении участвуют духоборы, четыре священника, три диакона, уставщик, 24 певчих, восемь пажомщиков и два пономаря. ¹⁹ В этом году управляющим придворного хора был назначен Дмитрий Бортнянский. ²⁰ Придворный певческий хор называется теперь «придворная церковная музыка», «придворная певческая музыка», «вокальная музыка».

«Певчие дома Его Величества» до начала 20-х гг. жили на Посадской улице на Санкт-Петербургском острове (рядом на том же острове имелась дом соборные певчие и священство Петропавловского собора). Так Малую Неву «сторговал хоромы» у дворцового подьячего Луки Минзе за 200 руб. в 1719 г. певчий дьяк Иван Протопопов. Желание его было «жить возле моей братии». Дом этот находился недалеко от Петропавловского и Троицкого соборов, где «братия» большей частью и служил. Петр I, отличавшийся большим «демократизмом», явился в новопостроенный дом «во благородное увеселение» своего уставщика. Свидетель пишет: «1720-го, апреля 24-й день... в царствующем С.-Петербурге в новопостроенном доме Царского Величества певчего дьячка господина Ивана Михайловича Протопопова, который дом построил он сам».

особым к нему Его Царского Величества жалованьем, от некоторого числа деньгами... в оный дом вышеписанного числа благоволил милостиво прибыть оного господина во благородное увеселение, а того дому его якобы во осмотрение Его Царское Пресветлое Величество. При Его же Величестве были певчие Его Величества».²²

На Посадской улице на Санкт-Петербургском острове покупают в эти годы дома и другие певчие. Илья Дмитриев в 1719 г. просит продать ему дом, раньше принадлежавший купцу Василию Екимовскому,²³ Василий Никитин просит продать ему дом, принадлежавший купцу Сергею Гордееву.²⁴

В 30-х гг. певчие начинают селиться в новом городском центре на другой стороне Невы — там, где стала строить дома придворная знать. Так, регент придворных певчих Иван Петров в 1735 г. живет на Адмиралтейском острове, «прошед Греческую улицу».²⁵

В 1741 г. придворные певчие все вместе селятся в Старом Зимнем дворце. Два покоя заняли большие холостые певчие, два — малые, а женатые певчие Яким Миронов и Андрей Терентьев заняли по отдельному покою. Здесь певчие живут до 1749 г.²⁶ В 1750 г. для жительства придворных певчих освобождается и ремонтируется дом графа Головина.²⁷ В 1758 г. певчие переводятся из бывших домов Крюйса и Олсуфьева в наниятый для них каменный дом П.Ф. Нащокина близ Адмиралтейского канала.²⁸

В 1763 г. придворные певчие живут на Большой Морской улице на Адмиралтейской стороне, «на реке Мойке, близ нового моста» в наемном доме у лейб-гвардии Преображенского полка князя Федора Барятинского в 28 покоях.²⁹

Не только жительство, но и одежда певчих — знак их общественного статуса. Придворные певчие в первой половине века носили в быту мирские одежды, а при служении — церковные. В каждодневном быту певчие одевали кафтан и штаны зеленого сукна, полукафтанье «из китайки казенной», кафтан был шит мелким зеленым шнурком, пуговицы были шелковые.³⁰

Для церковного служения певчие надевали традиционные певческие одежды — певческие рясы. Так, известно, что на праздник Рождества Христова певчие надевали вишневую рясу, красную суконную песцовую рясу, певческую красную песцовую шубу.³¹

Для городских церковных церемоний в конце 20-х гг. придворные певчие надевают уже «мирскую» одежду. Так, при церемонии похорон великой княгини Натальи Алексеевны в 1729 г. императорские певчие были одеты в черные платья и епанчи.³²

В 50-х гг. одежда певчих меняется окончательно. Светские придворные наряды они надевают и во время церковной службы. Так, для пения на праздничном пасхальном богослужении им шьют: большим — немецкие мундиры, малым — немецкие платья.³³

При Петре I сохранялась станичная организация хора государева певчих дьяков, аналогичная строению патриаршего певческого хора. Оно сложилась в рамках патриархально-средневекового быта и соответствовала как специфике традиционной певческой деятельности, так и особенностям певческого стиля ранних форм партесного многоголосия. Структура хора была связана с требованием поддержания преемственности внутри хора.

Певческая иерархия основывалась на старшинстве и опыте. Деление по свойствам голосового тембра не имело значения, поскольку приоритетным было не певческое искусство как таковое, но служение как функциональная задача. Певчие разных станиц отличались по возрасту мастерству и опыту. Соответственно тому определялись им годовые певческие оклады.

В 1720 г. певчие первой станицы получали годовые оклады по 80, 70, 60 руб., певчие средней станицы — по 45, 40 и 37 руб., а певчие последней станицы — по 30 руб.³⁴

Руководителем пения был уставщик. Уставщик начала века — лучший церковный певчий, организатор всей деятельности хора. В его обязанностей входило знание церковного певческого предания, учение нотного пения, скорописного, уставного и нотного письма. Обязанностью уставщика была забота о хранении и переписке певческих рукописей. Уставщик должен был сам свидетельствовать и принимать состав хора новых певчих, следить за добросовестностью их службы поведения.³⁵

Соответственно своему статусу уставщики получали и большее жалованье. Так, у уставщика Василия Евдокимова было наибольшее жалованье — 100 руб. «Надворный» уставщик Иван Протопопов получает певческий оклад 80 руб.³⁶

Кроме собственных певчих при особе государя находились и певчие взятые из архиерейских домов. Им давалось меньшее жалованье — по 1 руб. и хлеба по 6 четвертей. Некоторые из них получали жалованье в своих архиерейских домах, а на время деятельности при дворе кормовые деньги. Так, «зятым вновь Илье Дмитриеву со товарищи 15 человекам архиерейских окладов давались, пока они здесь живут, кормовые по денег на день». ³⁷ В 1723 г. певчим, взятым ко двору из архиерейских домов выплачивались кормовые деньги по гривне в день.³⁸

Певчие патриаршие и архиерейские, служившие при царском дворе длительное время, получали оклады: Конон Карпов и Семен Андреев по 6 руб. 8 алтын и 2 деньги, Михайло Осипов 3 руб. 25 алтын, Иван Борисов 2 руб. 5 алтын, Федор Абрамов из Крутицкого архиерейского дома 3 руб. 16 алтын и 4 деньги, Василий Артемьев из того же дома 2 руб. 16 алтын, Иван Лисин из Сузdalского дома 3 руб., Логгин Алексеев из Тверского дома 4 руб. 16 алтын и 4 деньги. Давались им еще крупа, соль, горох, мясо, а в праздники дополнительно по 10 руб.³⁹

В правление Анны Иоанновны жалованье певчих сохраняется то же, что было при Петре: три разряда — 80—70, 60—50 и 30—25 руб. Меньше всех ценится труд пономарей — 15 руб.

В начале века при дворе еще сохранялись некоторые должности, связанные с традиционной иерархической структурой. В 30-х гг. здесь служили два «дворцовых крестовых певчих дьяка» Лукьян Новоселицкий и Степан Ярошевич.⁴⁰ Крестовые дьяки — это псаломщики придворных храмов, лучшие по голосу певчие дьяки. Должность эта была распространена в XVII в. В списках придворных служителей позднее 30-х гг. она уже не встречается.

В начале 40-х гг. изменяется название хора, меняется и его структура. Система жалованья тоже становится иной.

Под влиянием практики и вокального стиля европейского светского искусства с начала 40-х гг. начинает формироваться иная система организации хора.

Певческая деятельность становится автономной, ориентация на западноевропейский вокальный стиль более ощутимой. Новый идеал хорового звучания требует определенности тембрового размежевания хоровых партий, а в связи с этим и оптимальной формы членения певческого хора для удобства репетиционной работы. Обучение новых певчих происходит в специальной школе. Станичная организация хора, певческая иерархия, основанная на старшинстве и опыте, теряет свое значение. Группа певчих больших (постоянно действующий состав) и малых (состав постоянно меняется) образует теперь основную структуру. Большие певчие разделяются в соответствии со свойствами певческих голосов на тенористов и басистов, малые — на диксантристов и альтистов.

Деление хора на больших и малых певчих и оппозиционное деление внутри этих групп на басистов — тенористов и на альтистов — диксантристов соответствовало как новой практике певческого обучения, так и особенностям стиля многоголосия «певческой музыки». Принципиальное изменение строения придворного певческого хора в 40-е гг. свидетельствует о значительных сдвигах всей системы его функционирования. Он перенимает структуру хора, соответствующую западноевропейскому образцу, согласно нормам светского вокального искусства. Все певчие начинают получать равное жалованье — 100 руб. в год. Псаломщики получают по 50 руб., а малые певчие — по 25 руб.

В этот период при придворном певческом хоре находились два уставщика. Один — «певчей иеромонах», другой — «мирской». В 30-е гг. это были иеромонахи Герасим Заводовский и Федор Журавский, в 40-е — иеромонах Иоасаф и уставщик Федор Моисеев Божко.⁴¹ В конце 40-х гг. «мирской» уставщик начинает получать огромное жалованье — 250 руб. Иеромонах же получает 150 руб.⁴²

В 50-х гг. большие певчие по-прежнему получали оклад 100 руб. В хоре были также один бас и один тенор с особым окладом 230 руб., один тенор

с окладом 240 руб., один тенор с окладом 60 руб. и 11 малолетних певчих получающих по 25 руб. Уставщик и певчий иеромонах получали 250 руб. Кроме них в церковном служении заняты четыре псаломщика четыре дьячка с жалованьем по 50 руб., три диакона с жалованьем 100 руб., один протодиакон с жалованьем 150 руб. и четыре священника.

Певческий хор и церковнослужительский штат при дворе в этот период не были замкнутыми структурами: придворные псаломщики «жаловались» в певчие, занимались певческим учительством — учили малолетних грамоте и нотному пению;⁴⁴ священниками и духовниками были некоторое время придворные уставщики Герасим Заводовский Иван Петров.

Звание уставщика в конце века приобретает символические функции оно становится придворным чином, дарующим особый статус и придворные привилегии. Начиная с 60-х гг. чин уставщика даруется при выходе отставку самым заслуженным певчим. Обязанности традиционной уставнической должности делятся между новыми должностями управляющей хором и регента.

Оклад главного придворного уставщика, в действительности управляющего хором, становится огромным. В 1761 г. Марк Полторацкий получает жалованье 1000 руб. Тогда же малым певчим было заплачено по 100 руб. Столь резкое увеличение весомости певческой должности в придворной иерархии было, вероятно, связано с участием певчих в оперных постановках, которые щедро оплачивались.

Придворные певчие и придворный церковнослужительский штат были самой высокооплачиваемой группой в церковнослужительском слое Петербургского общества. Помимо высокого денежного жалованья они получали особые награды, чины и привилегии.

В 40-х гг. ликвидируется станичная организация хора, в структурных рамках которой певчие могли продвигаться вверх, меняя свой статус жалованье. Однако у них появляется возможность «выслужиться» в системе придворных чинов и символических отличий, даровавшихся императорской волей. Подобно тому как должность уставщика превращается при дворе в придворный чин, даруемый высочайшим повелением, 40-е гг. величеством императрицы в качестве награды за певческие отличия даруется и священнический чин.

Указом императрицы Елизаветы Петровны придворный певчий Гавриил Головня назначается в 1744 г. священником Глуховской церкви. Он повелевает певчemu быть священником «впредь, когда от двора отпущен будет, а до той поры, когда рукоположен будет, нанять к той церкви викария».⁴⁵ Головня при этом продолжает служить певчим при дворе еще 34 года и выходит в отставку с еще одним символическим отличием — «чином» уставщика.

В 80—90-е гг. придворные певчие даруются светскими и придворными чинами. Яков Тимченко после многолетней певческой службы при дворе

получает в 1782 г. чин мундшенка, а в 1796 г. чин камер-фурьера и звание уставщика.⁴⁶ В коллежские асессоры «пожалованы» придворный учитель пения и певчий Макаров и певчий Григорий Немеровский (в 1799 г.).⁴⁷ Титулярным советником становится после 17 лет придворной службы певчий Федор Понырко.⁴⁸ Уставщик Наум Ладунка имел ранг капитана, а Марк Полторацкий именуется «командир полковник».

В 1745 г. «реент певчих» Елизаветы Петровны Иван Петров за долговременную службу при дворе жалуется императорской милостью в сотники Стародубского полка. Однако облагодетельствованный регент остается при дворе и в 1756 г. назначается еще и придворным священником.⁴⁹

В 1743 г. несколько отличившихся певчих (Григорий Любистков, Федор Божков, Федор Кочановский, Кирилл Рубановский и Петр Чижевский) были «пожалованы в дворянское достоинство». Императорская милость получила большую огласку. Указ был разослан по всем церковным инстанциям.

Причиной «всемилостивейшего пожалования» придворных певчих была «многолетняя и верная при дворе Ея Императорского Величества служба».⁵⁰ Помимо особой чести певчие дворяне получали и дополнительные денежные «порции». Так, в 1766 г. из вотчинной канцелярии было выплачено жалованье 57 придворным певчим. На 26 человек полагалась сумма 2135 руб. Среди прочих были особо выделены дворяне — «на порции» деньгами певчим-дворянам трем тенористам было выплачено 237 руб.⁵¹

Статус придворного певчего давал право на освобождение больших певчих от всех «всенародных повинностей», а родители малых певчих, высланных ко двору, освобождались от всех служб, постоеv и податей.⁵²

Певчие одариваются императорской волей за верную придворную службу всевозможными милостями и щедротами. Так, Федор Иванов Кочановский увольняется после 11-летней службы из придворного певческого хора в 1752 г. в ранге полковника и отправляется на Украину. Там ему дарованы село, хутор и пахотные земли и назначен годовой пенсион 1000 руб.⁵³

Наделение певчих придворного хора придворными чинами и светскими привилегиями — свидетельство секуляризации церковно-певческой сферы при дворе.

Состав придворного певческого хора формировался по-разному в различные периоды его становления. В «певчие дома Его Величества» Петра I большей частью отбирались лучшие певчие различных архиерейских домов. В 1710 г. из Новгородской епархии к петербургскому двору выссылаются семь тенористов и альтистов, а в 1713 г. оттуда же вызываются четыре тенориста, два басиста, два альтиста и два дискантиста.⁵⁴

Из патриарших певчих (позже певчих синодального дома) ко двору были отправлены Конон Карпов, Иван Кубасов, Никита Рязанцев, Лука

Родионов, Михаил Осипов, Алексей Алексеев, Иван Алексеев сын Попо (Ставропольский), Иван Борисов, Алексей Игнатьев, Александр Иванов Василий Иванов. Уставщик Иван Протопопов и его брат Алексей Протопопов также были взяты ко двору из патриаршего дома.

Из Крутицкого архиерейского дома ко двору Петра I определяются Федор Абрамов, Петр Андреев, Василий Артемьев, Иван Ефимов, Петр Максимов, Василий Петров; из Сузdalского дома — Иван Дмитриев Иван Иванов Лисин; из Нижегородского — Иван Еремеев, Галактион Иванов, Емельян Федоров; из Казанского — Никифор Максимов, Алексей Иванов; из Тверского — Логгин Алексеев.

После смерти императора архиерейские певчие были отправлены в архиерейские дома, откуда были взяты. Некоторые, однако, остались служить при дворе императрицы.⁵⁵

Екатерина I находит иной способ формирования состава своего певческого хора: в юго-западных областях империи — на Украине и в Белоруссии — отыскиваются наилучшие голоса и высылаются в Петербург. Поиски ведутся прежде всего в среде церковнослужителей — в духовных училищах, в домах священно- и церковнослужителей, в украинских поселках. По велению императрицы новых певчих начинают регулярно привозить в Петербург.

Эта практика сложилась еще до начала правления Екатерины I. Уже в 1714 г. для собственного хора она вызывает из Глухова пятерых певчих регентом. К 30-м гг. в Глухове складывается определенная система подготовки певчих специально для придворного хора. При глуховской церкви св. Анастасии в 1730 г. указом от 24 августа из Иностранной коллегии учреждается специальная школа для подготовки певчих ко двору.⁵⁶ В это время петербургские придворные певчие начинают регулярно совершать поездки по украинским областям для поиска самых лучших певчих. Малые певчие отправляются ими в глуховскую школу для обучения, а более умелые — прямо в Петербург.

В 1735 г. из глуховской школы в Петербург Яков Величковский привозит уже обученных малых певчих.⁵⁷

В 1738—1739 гг. в Ахтырском, Полтавском, Миргородском, Гадяцком, Стародубском, Лубецком украинских полках и в черниговской латинской школе петербургский регент Федор Яворовский и придворный бас Павел Федоров для пополнения петербургского хора ищут лучшие певческие голоса. В Петербург отправляются как учившиеся в Глухове, так и найденные прямо в полках 11 отличных певчих.⁵⁸

В поездку по Украине в 1742 г. отправляется из Петербурга придворный басист Гавриил Головня «для набрания из малороссийского народа певчих несколько человек к дополнению придворного печеского хора». Головня ведет поиски в Черниговском, Новгород-Северском, Стародубском, Лубенском, Почаевском, Нежинском, Переяславском и Харьковском полках. Он отправляет в Петербург девять альтистов (среди

Григорий Савельев сын Скворода) и восемь дикантистов (один из них потом прославится в столице — Степан Степанов сын Андриевский).⁶⁰

В 1742 г. «от дворца Ея Величества» послан на Украину певчий Семен Тихонов, которому велено, «где он знает и проведать может, набрать угодных Ея Императорскому Величеству певчих сколько каких потребно», а «для надлежащего в том ему споможения дать подвод и таких прогонных денег, оные по его требованию немедленно давать сколько надлежит по усмотрению без излишеств, однако ж чтоб в том никакого недостатку быть не имело». ⁶¹ В Глухове отбираются пять певчих и под конвоем капрала и солдата Киевского гарнизона на трех подводах с телегами и проводником выезжают в столицу.⁶²

В 1758 г. «для сыскания и набора как при монастыре, так и при доме архиерейском и в малороссийских полках» новых певчих выехал на Украину придворный певчий Степан Андриевский.⁶³ В результате его поездки в Петербург отправились двое певчих (Иван Середа и Иван Новомлинский), а 13 малолетних певчих — в Глухов для начального учения «нотному пению».⁶⁴

В 1763 г. поиском новых певчих в придворный хор занимается на Украине Роман Богданович.⁶⁵ В 1774 г. в Изюмское духовноеправление направляется указание, что «дому его преосвященства певческой капелли реент» Иосиф Серебряков должен «выбрать для отправки ко двору способных к пению его преосвященства певчих из священнослужительских детей и прочих церковников».⁶⁶

С начала 70-х гг. центром подготовки певчих для придворного хора становится харьковская латинская школа. В 1773 г. здесь открываются вокальные классы. Учителем «вокальной и инструментальной музыки» этой школы назначается в 1774 г. «придворный Ея Величества музыкант» с чином уставщика Максим Концевич. Обязанностью его становится всегда иметь наготове 12 человек, «так выученных, дабы всякий ученик мог способным быть к [пению] при высочайшем Ея Величества дворе, когда надобность в них имеется».⁶⁷ Поиском певчих для харьковских вокальных классов занимаются «как в харьковском, так и в состоящих в Малой России славяно-латинских училищах также и по уездам священнических и простых церковников детей нижнего звания».⁶⁸ В октябре 1775 г. в Петербург посылаются первые воспитанники харьковского училища, которых «велено отправить ко двору Ея Императорского Величества, четырем малым певчим сделать новое платье, а на место их набрать других».⁶⁹

В 1779 г. из белгородской духовной консистории выходит указ о поиске певчих. В нем предписано «набрать способных к тому и знающих совершенно добродути и различие голосов».⁷⁰ В том же году граф П.А.Румянцев-Задунайский подписывает ордер о наборе «надобных при вокальной музыке и при высочайшем дворе малолетних певчих — четырех дышкантистов и четырех альтов, кои бы не старше 7 или 8 лет и имели бы самые лучшие и чистые голоса».⁷¹

В 1791 г. проводится набор певчих в Харьковском наместничестве. «Учитель вокальной музыки» Максим Концевич отправляет ко двору человек, «на одеяние тех певчих, содержание, путевые издержки и прочее» полагается денег 500 руб.⁷² В городе Сумы Максим Концевич вырастает «способных к нотному пению» шесть человек «к здешним училищам и на случай требования к высочайшему двору».⁷³

В 1796 г. опять возникает необходимость пополнения придворного хора. Граф А. Безбородко пишет из Санкт-Петербурга в апреле этого года: «Как к высочайшему двору Ея Императорского Величества потребовалось малолетних певчих не свыше восьми лет, дышкантов четырех, альбо шесть самых лучших, всего десять человек, то Ея Императорское Величество высочайше мне указать соизволила дать знать Вашему превосходительству о выборе в вверенной вам Харьковской губернии отправлении их сюда на счет кабинета».⁷⁴

В 1797 г. украинскому губернатору Теплову от имени императора Павла I направляется высочайшее повеление, в котором говорится, что «для наполнения потребного числа в хоре придворных наших певчих место малолетних, с голосов спавших, повелеваем выбрать в губернию Вам вверенной, четырех дышкантов и четверых альтов и доставить из Санкт-Петербурга к управляющему тем хором статскому советнику Борнянскому, снабдив их на дорогу всем нужным и прогонными деньгами». Капельмейстер А. Ведель и смотритель харьковских казенных вокальных классов капитан Кирилл Захаров отбирают певчих в Ахтырском хоре. Кроме того, они решают воспользоваться и новым путем: «учинить в городе Ахтыре публикацию, не окажется ли кого из вольножелающих определиться в придворные певчие».⁷⁵ Таковых нашлось восемь человек. В 1799 г. были выбраны и отправлены в Петербург из числа воспитанников Харьковской академии еще восемь человек: четыре диксантана и столько же альтов.⁷⁶

Итак, основным способом пополнения певческого состава придворного хора была установившаяся еще в 30-х гг. и продолжавшаяся до конца века практика рекрутования певчих в украинских областях. Певчие отыскивались и насильно, вне зависимости от их собственного желания, отправлялись в Петербург.

Срок службы при дворе был различен. Большинство малых певчих привезенных семи- и восьмилетними из Украины, пели в придворном хоре до мутации, а потом отправлялись восвояси в родительские дома и определялись в Петербурге на какое-либо иное поприще. Некоторые малых певчих оставались в придворном хоре и после мутации, переходили в группу больших певчих. Большие певчие нередко служили при дворе до глубокой старости. Так, Наум Ладунка и Гавриил Головня пробыли в придворной службе 30 лет.

Обычно служба в столице продолжалась столько времени, сколько потребно было двору. Такая практика соответствовала системе безуслов-

ного всеобщего подчинения государственной власти. Нередко следствием государственного давления был бунт. Так, певчий Иван Соколовский добивается возвращения в «отечество», за что получает наказание от уставщика Марка Полторацкого. Певчий посажен за самоволие и за «предерзости» на хлеб и воду, однако продолжает бунтовать и кричать, что если не будет отпущен, то все равно бежит. Певчий угрожает: «Сделаюсь разбойником, как Пугачев, и поеду в чужие края и там назовусь Павлом Петровичем». В конце концов Марк Полторацкий был вынужден отправить Ивана Соколовского к отцу на Украину.⁷⁸

В другом случае певчий пытается добиться освобождения из придворной неволи бюрократическим путем. Так, пишет множество прошений и долго не получает отставку от опостылевшей придворной певческой должности писатель Иван Голеневский. Только в самом конце века система подневольного рекрутования певчих заменяется вольнонаемным набором. Желающие отыскиваются с помощью устных уведомлений и объявлений в газетах.

К концу века постепенно формируется и линия семейной преемственности придворных певчих. Певчие отдают своих детей в певческое ученичество при хоре, они выходят в малые, а потом и в большие певчие. Так, сын певчего Ивана Головачевского Дмитрий был помещен в 1779 г. в качестве малолетнего певчего в придворный хор, а в 1791 г. вышел в большие певчие.⁷⁹ В малые певчие в 1785 г. был определен Иван Дунаевский, брат больших певчих Федора и Павла Дунаевских.⁸⁰ Целая группа детей придворных певчих была определена в придворный хор в 1796 г.: Федора Понырко сын Степан, Степана Степановского сын Владимир, Никиты Синельникова сын Александр, Ивана Середовского сын Петр, Филиппа Клименко родственник Михаило.⁸¹

Малые певчие обучались под руководством больших певчих и придворных псаломщиков. Одна из инструкций требует: «Сим большим, имеющим в своем смотрении малых певчих, також и притом, что исполнить надлежит, ниже сего следует. 1) Смотреть наикрепчайше, дабы тихо и смирно жили, никаких шалостей не делали. Без ведения и позволения своих командиров отнюдь никуда не шатались. Ежели куда отпустять надлежит, то время на часах определять, а когда оне назначенное время упустят, наказывать при всех ребятах, дабы и прочие страхи имели. 2) В часы пристойные с радением партесного пению определенные для учения (а именно Трофим Игнатьев, Михаило Акимов, Матфей Афанасьев да Трофим Степанов) обучали, а притом всех тех и манерно петь обучать надлежит, а кто... леностно обучаться будет, тем же определением наказывать розгою и за то большим не спорить. 3) Что надлежит до покупки — деньги выдавать с рассмотрением и, что именно здергит, записывать верно, самого ребенка для покупки не отпускать, но или самому большому поехать, или слугу накрепко приказать, что то верно исполнить. 4) Чистоту також смотреть надлежит, чтоб во дворец в платье чистом ходили и

головы чесаны были... 5) Во дворец всегда ходить всем, как большим, и малым, совокупно заблаговременно, а порознь как во дворец, так обратно ребят отнюдь не отпускать, дабы какова причина испоследова, ибо, ежели что сделается, в том больший за неприметр штрафов будет». ⁸² Что касается самой системы учения, в инструкции сказано: «Из ребят, кто партесное пение совершенно имеют, тех обучать чтению и к тому, чему способен будет... Учение иметь партесное большим с приложением, а наипаче новых обучать басов басам, теноров тенорам... Всобще большим разделиться на несколько хоров — басам, тенорам, двакантам и альтам равномерно, и по перемене голосов иметь коригации разных комнатах, в партесном пении в неделю всенепременно всякая три часа, а за охоту и больше позволяет». ⁸³ В 50-х гг. учителями певч был Андрей Барановский (впоследствии ставший священником) и певч ломщик Алексей Петров. ⁸⁴ Среди певческих учителей 90-х гг. — Григорий Захаров, Макаров. ⁸⁵

Обучение «манерно петь», т.е. пению «итальянскому», начало расп страняться при дворе с 40-х гг. Постановщик оперы Гассе «Милосердия Тита» при дворе в 1742 г. Я.Штелин отмечал, что придворные певч участвовавшие в постановке, «настолько овладели изящным вкусом итальянской музыке, что в исполнении арий мало чем уступали лучшим итальянским певцам». ⁸⁶ Из трех направлений певческого учения — «простой», «партиесной» и «итальянской» ноте — при дворе акцент делался на новые стили пения — партесный и итальянский.

Мастерство придворных певчих, соединяющее традиционную церковную и новую итальянскую манеру пения, вызывает восхищение многих особенно иностранцев. А.Шлецер в 1764 г. пишет: «В один большой праздник пришел я в придворную церковь к обедне с намерением послушать славной русской музыки, т.е. музыки вокальной, в которой никакой инструмент ниже органы не участвуют. Я имел столько чувства и столько познаний о музыке, что мог надлежащим образом наслаждаться ею, предаваясь слепому удивлению. Надобно представить себе целый состоящий из двенадцати басистов, тринадцати тенористов, тринадцати альтистов и пятнадцати дишкантистов, т.е. более пятидесяти человек певчих; столько же юных воспитанников и подрастающих учеников, престанно упражняющихся под руководством и надзором директора инспектора, бывших некогда придворными певчими... в воскресные дни присутствии императрицы пение их бывает сопровождаемо искусственными прикрасами; в высокие же праздники они полным хором нарочно сочиняемые Галуппием и украинцами... духовные концерты содержащие в себе псалмы, церковные песни и другие богослужебные тексты. Сии концерты, в которых огненная итальянская мелодия соединяется с нежною греческою, превосходит всякое описание. С нежными чистыми голосами (и ни одной девушки, ни одного кastrата!) мешаются самые густые: настои дрожат от пения басистов». ⁸⁷

Западноевропейский светский стиль пения, получивший при дворе значительное распространение, был поддержан и увеличением роли инструментализма в обучении певчих.

Характерной особенностью обучения в глуховской школе и харьковском училище было соединение певческого учения с инструментальным.

В указе об открытии глуховской школы говорилось, что необходимо выбирать, «чтоб самые лучшие голосы были, и велеть их оному регенту обучать киевского також и партеснаго пения, а притом, сыскав искусствых мастеров из иностранных и малороссийских, и велеть из оных же учеников обучать и струнной музыке, а именно на скрипице, на гуслях и на бандоре, дабы могли на оных инструментах с нот играть». ⁸⁸ Учитель харьковской школы Максим Концевич в конце 70-х. гг. уже именуется «учитель во-кальной и инструментальной музыки, придворный Ея Величества музы-⁸⁹ канту с чином придворного уставщика». Словосочетание «музыкант с чином уставщика» — пример противоречивого совмещения терминов старой и новой культуры.

Сочетание пения и «струнной музыки» в обучении певчих — новаторство, оказавшее большое влияние на трансформацию церковной традиции. Как мы уже видели, в петербургской культуре впервые стал насаждать такую систему обучения Феофан Прокопович в своей семинарии. Она была продолжена и развита при дворе. В 1740 г. была открыта по образцу школы глуховской школа для подготовки певцов и музыкантов при петербургском дворе. Здесь обучают как нотному пению, так и игре на музыкальных инструментах. Первыми ее учениками стали придворные певчие. Из среды придворных певчих и вышли первые русские музыканты-профессионалы. Новая система обучения оказала большое влияние на постепенную профессионализацию и специализацию церковной певческой деятельности в XVIII в.

Большинство певчих, определявшихся в петербургский придворный хор, принадлежали к сословию церковнослужителей. Однако двойственность положения придворного певческого хора как элемента церковной иерархической структуры, с одной стороны, и элемента придворного чинопорядка — с другой, проявилась в том, что многие певчие обретали в нем возможность высвобождения из границ своего сословия. По выходу из придворного хора певчие выбирали разные жизненные пути. Здесь можно проследить две тенденции: 1) продолжение связи с церковной иерархией; 2) высвобождение из рамок церковнослужительского сословия и выход в «светскую команду».

Певческий придворный хор по обычаям нередко пополнялся из придворных церковнослужителей. Так, например, придворные псаломщики Григорий Борщевский и Федор Яковлев в 1749 г. перешли в певческую должность. ⁹⁰ Многие придворные певчие продолжили свою деятельность после выхода из хора тоже по пути церковного служения. Например,

Козьма Кириллов в 1730 г. из придворных певчих поставляется диаконом Московского Успенского собора.⁹¹ В Киево-Печерский монастырь 1741 г. постригается придворный певчий Матвей Подольский.⁹² В том же году принимает постриг в Киево-Печерском монастыре уставщик придворного хора Федор Журавский.⁹³ В 1749 г. в Киево-Печерском монастыре постригается придворный басист Павел Селиверстов.⁹⁴ И придворного хора в 1761 г. поставляется в священники певчий Василий Альшанский.⁹⁵ Андрей Барановский, присланный в 1735 г. в придворный хор с Украины, становится сначала учителем придворных певчих, а затем в 1765 г., священником церкви Симеона и Анны на Фонтанке.⁹⁶ Петр Якубовский определяется из придворных певчих в священники Введенской церкви Семеновского полка.⁹⁷ Певчий Ефим Постовойтров посредством девяти лет служения при дворе определяется священником в город Ахтырку Белгородской епархии в 1759 г.⁹⁸ Диаконом в Исаакиевскую церковь был поставлен из придворных певчих певчий Семенов в 1720 г.,⁹⁹ певчий Игнат Павлов в Морскую полковую церковь в 1741 г.¹⁰⁰ Из придворного хора вышли некоторые архимандриты и архиереи: Кирилл Федоринский,¹⁰¹ Тимофей Щербацкий, Герасим Заводовский и Лаврентий Хоцятовский. Это традиционный путь социальной динамики, определяемый вертикалью церковно-иерархического устройства.

Однако при петербургском дворе для церковных певчих открывается новый путь — выход из церковнослужительского сословия и обращение к светской деятельности. Придворная певческая среда стала основным источником формирования новой для России XVIII в. артистической среды профессиональных музыкантов-исполнителей.

В 30-х гг. первые певчие попадают в учение к музыкантам-«иноземцам». В 1735 г. были уволены из певческого хора, «как спавшие с голоса» Василий Люстрицкий, Иван Шпунтовский и Иван Иванов. В 1744 г. они становятся учениками Ягана Гибнера и в качестве придворных музыкантов делают при дворе свою дальнейшую карьеру. В 1748 г. их жалование 100 руб., а в 1756 г. 200 руб. в год.¹⁰² В 1749 г. «спавшие с голоса» певчие Курочка и Иосифов отдаются в учение «на скрыницах» Доменико Даллио.¹⁰³ Учеником фаготиста становится в 1756 г. сын певчего Осипа Стефановского.¹⁰⁴ Певчие Данило Андреев Косенков и Степан Павел Делебовский отдаются в обучение музыкальной науке Гибнеру в 1753 г.¹⁰⁵ «Музыкальный ученик» Андрей Широконевич определен в 1762 г. певчими с окладом 120 руб.¹⁰⁶ В 1763 г. назначены в придворную службу «музыкантскими учениками» певчие придворного хора Петр Филиппович Гордей Кулак, Еремей Золотарев, Василий Пашкевич.¹⁰⁷

Перед певчими открывалось в Петербурге и много других возможностей. «Дому царского величества певчий» Василий Никитин, который служил при Петре I с 1718 г., в 1728 г. оставляет певческую должность и становится «учеником корабельным» при Адмиралтействе.¹⁰⁸ В обучении «живописной науке» живописцу Гроту отдается «спавший с голоса» певчий

чий Кирила Белявский.¹⁰⁹ «По спадению с голоса» придворные певчие направляются для учебы в Университет, Горное училище, в различные службы — военную, статскую и придворную.¹¹⁰ Так, например, служивший певчим при дворе с 1744 г. Лука Татищев в 1751 г. был отослан для наук в кадетский корпус, где изучил французский и немецкий языки, потом отправлен в Лондон для изучения английского языка. В дальнейшем он определяется служить в Военную коллегию.¹¹¹

Таким образом, придворный певческий хор был открыт социальной структурой, дававшей богатые возможности выхода в любые сферы деятельности — как артистическую, так военную и статскую.

Основной функцией придворного хора в начале века было служение в придворных церквях в присутствии государя. «Чтение Псалтыри, панихиды и литургии каждодневно» — так в 1726 г. определяет необходимые условия получения певческих окладов уставщик Иван Протопопов.¹¹²

Придворный быт Петровской эпохи был неразрывно связан с церковным обрядом. Богослужением и хоровым молитвенным пением начинался каждый день и каждое дело. «Певчие дома Его Величества» сопровождали персону государя почти постоянно. Помимо участия в многочасовых церковных службах они пели при совершении различных внецерковных богослужебных обрядов и придворных церемоний. Торжественные празднования викторий становятся в Петербурге самыми значительными событиями. Участие придворных певчих было в них необходимо — пелись пышные, специально сочиненные по случаю празднований партесные службы, требующие особого мастерства и виртуозности исполнения. Участие придворных певчих было необходимо и в праздновании тезоименитств, дней вступления на престол, дней рождений членов императорской фамилии. Помимо пения молебнов и особых служб в эти дни пелись и специально сочиненные к таким «высокоторжественным» дням концерты.

О концерте, исполнявшемся в 1735 г. в присутствии цесаревны Елизаветы Петровны в день ее тезоименитства собственными певчими под руководством регента Ивана Петрова, в документе того времени сказано: «На прошедшем тезоименитстве пели певчие концерт весьма хороший и речи его складные».¹¹³

На праздновании дня рождения принцессы Анны в 1732 г. по окончании богослужения в придворной церкви придворными певчими был исполнен гимн «Тебе Бога хвалим». Это же песнопение исполнялось хором придворных певчих в день празднования Нового года. Торжественное хоровое концертное пение «Тебе Бога хвалим» стало обязательным в придворных церемониалах бракосочетаний и коронаций.¹¹⁴

Одной из древних традиций, развивавшихся в Петербурге, было славление Рождества Христова. Святочное веселье издавна было особой сферой праздничной ритуальной системы.

Здесь происходило смешение и смещение границ «серьезного» религиозного ритуала и стихийного, деструктивного «смехового» действия. В петербургской культуре святочные обряды получают особое значение и смысл. Новая концепция «игры» и «веселья» была существенной частью утверждения секулярного мировоззрения. «Потешные» действия становятся одним из структурирующих элементов петербургской семиотики. «Петр I озабочен тем, чтобыстереть со святочных игрищ религиозную патину», — пишет А.М. Панченко.¹¹⁵

Певчие были непременным участниками рождественских «потешных» церемониалов. Камер-юнкер Ф.-В.Берхольц описывает в своем дневнике пение придворных певчих в этот день: «Так как в первый день Рождества Христова русские певчие Их Величеств имеют обыкновение ходить к вельможам с вокальною музыкой и поздравлением, то они тотчас после обеда явились к нашему двору в числе около сорока человек. Между ними были прекрасные голоса, в особенности великолепные басы, которые в России лучше и сильнее, чем где-нибудь, хотя манера их пения и не из лучших. У некоторых из их басистов голоса так же чисты и глубоки, как звуки органа, и они в Италии получали бы большие деньги».¹¹⁶

Во множестве мемуарных источников сохранилось описание обряда рождественского славления, которое кажется большинству иностранцы наблюдателей диким и безобразным обычаем. Датский посланник Юст Юль дает обычью рождественского славления такую характеристику «Обычай этот... выродился, подобно большей части божественных обычаяв и обрядов, его заменили суетное и кощунственное пение вперемежку с духовными и застольными песнями, кутеж, пьянство, перебранка и богохульство».

Другой мемуарист рассказывает «о б одном наполовину духовном обряде, постоянно соблюдавшемся Петром I-м, пока он жив был и когда только находился в России. Там есть такой старинный обычай, что священники меж Рождеством Христовым и праздником 3-х святых царей ходят по всем домам своих приходов и поют некоторые церковные песни о рождении Спасителя... Так как все это время считается церковным праздником и, стало быть, назначено для развлечения, то и у мирян вошло в обыкновение подражать этому обычью, когда они ходят в гости друг к другу во весь праздник, и при входе в дом приятелей тоже петь эти церковные песни».¹¹⁷

Юст Юль пишет, что в рождественских славлениях непременное участие принимал русский царь: «Обыкновенно от Рождества и до Крещения царь со знатнейшими своими сановниками, офицерами, боярами, дьяками, шутами, конюхами и слугами разъезжает по Москве и „славит“ у важнейших лиц, т. е. поет различные песни, сначала духовные, а потом шутовски и застольные. В компании насчитывается несколько сот человек».¹¹⁸

Другой мемуарист, Г.-Ф.Бассевич, утверждает, что «в прежние времена члены царской семьи не участвовали в них... император, напротив

любил еще и в молодости пользоваться этим случаем, чтоб удостоивать своего присутствия все знатные дома».¹²⁰

Театральное, карнавальное начало рождественских славлений подчеркивается в следующих фрагментах: «Во время Рождества нашего Спасителя устраивается пышная комедия. Знатные московиты по выбору царя облекаются в разные должности, заимствованные от церкви. Один изображает патриарха, другие — митрополитов, архимандритов, попов, дьяконов, иподиаконов и т.д. Какое кто получит имя по царскому усмотрению, тот необходимо должен облечься в соответствующее одеяние. Его Царское Величество изображал роль дьякона. Театральный патриарх со своими митрополитами и другими лицами, выделяясь посохом, митрой и другими отличиями присвоенного ему сана, разъезжает по городу Москве и Немецкой слободе на восьмидесяти санях в количестве двухсот человек. Все они заезжают к более богатым московитянам, немецким офицерам и купцам и поют хвалу родившемуся Богу, причем хозяева должны платить за эту музыку дорогой ценой»;¹²¹ «Иногда он [Петр. — И.Ч.] является в полном кардинальском костюме, в длинной мантии, и общество увеличивается всеми императорскими певчими, с которыми он почти везде сам поет славу Новому году».¹²² Один из русских мемуаристов, Н.И.Кашин, также пишет об участии придворных певчих в шутовском обряде: «И как всесущейший князь-папа приедет, вначале поп Битка дворцовый начинает и певчие государевы покут „Христос рождается” по обычаю... И потом папа с стола берет по пузырю в руку и, обмоча их в чаше в вине, бьет плешиных по головам, и весна ему закричит многолетие разными птичьими голосами».¹²³

И здесь, во время рождественских игрищ, можно было слышать пение церковного гимна «Тебе Бога хвалим», который, как мы уже знаем, звучал во время многих «серьезных» церемониалов. Об этом сообщает, например, Ф.Х.Вебер. Он так описывает рождественский обряд: «Двое русских идут с известным железным снарядом, похожим на литавры или бубны (колотушка, которую колотят по этому инструменту, для смягчения звука обтягивается сукном); затем следует царь со всем духовенством и великою свитою князей и бояр. Все это общество ездит в санях и посещает всех знатных придворных. Прибывши к кому-либо в дом, начинают пением русской молитвы „Тебе Бога хвалим”, потом пожелание счаствия с Новым годом и по окончании славления является хозяин... и приглашает гостей за стол».¹²⁴

От святочной игры — к игре театральной, от литургии — к театру: таково движение по пути секуляризации культуры, путь, который проходит и придворные певчие.

Во второй половине века придворные певчие становятся участниками новых придворных «увеселений» вместе с итальянскими певцами и музыкантами. Так, например, в начале 50-х гг. в день рождения императрицы Елизаветы Петровны хор придворных певчих выступает при дворе во

время ужина вместе с итальянской музыкой.¹²⁵ Исполнение итальянской музыки и выступление хора певчих происходит во дворце и во время обеда по случаю годовщины коронации в 1752 г.¹²⁶ Обычай обеденного музенирования при участии придворных певчих сохранялся до конца века. Так, по случаю празднования наступления Нового года в 1799 г. «во время стола играла вокальная и инструментальная музыка с хором придворных певчих».¹²⁷

Начиная с 70-х гг. придворный хор участвует и в открытых концертах. По сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей», за февраль—март 1779 г. были исполнены сочинения Грауна «Te Deum», Госсе «Salve regina», Перголези «Stabat Mater», Иомелли «Страсти Христовы».¹²⁸

Участие певчих в театральных постановках стало еще одним направлением деятельности придворного хора. В 1735 г. при дворе ставится «Действо об Иосифе». Для участия в этой постановке привлекаются певчие.¹²⁹ В дальнейшем участие певчих придворного хора в театральных постановках становится все более регулярным.

Придворный уставщик 50-х гг. Марк Полторацкий утверждает, что «исправление должностей театральных помимо должности церковной и пения в комнатах» является необходимой обязанностью придворных певчих.¹³⁰

Из большого числа певчих этого времени только часть привлекается к участию в постановках итальянской компании. Оклады таких певчих значительно увеличиваются. После причисления Марка Полторацкого к итальянской компании (указом от 25 марта 1752 г.) он начинает получать 500 руб. в год.¹³¹ Значительно увеличивается в связи с их театральной деятельностью жалование певчих Осипа Скоковского, Андрея Беляковского, Якова и Афанасия Тимченко.¹³²

Обучением придворных певчих итальянскому пению занимаются артисты итальянской компании. В 1753 г. придворных певчих Ивана Головачевского, Григория Белогороцкого, Василия Нелговского и Саввы Михеева итальянскому пению учит итальянец Вакарий.¹³³ Прочие отправляются для ученичества «в чужие края». Так было с певчим Василием Сорокой, «который поет по итальянски».¹³⁴

Придворные певчие участвуют в оперных постановках и хоровыми группами. Известны две постановки 1777 г. с участием придворных певчих: опера «Нитти» Паизиелло (16 певчих) и опера «Лузинда и Армидор» (12 певчих).¹³⁵ Придворные певчие участвуют и во французских постановках. Так, в одном из документов сообщается о том, что «за галерею парадных покоя... представлена малолетними придворными певчими оперета Ла Тронез на французском языке».¹³⁶

В указе Екатерины II «Об учреждении комитета для управления зрелищами и музыкой» 1783 г. подтверждается важность этой сферы деятельности для придворных певчих. Она наставляет: «для больших опер, а случае необходимости и для комических, также и для концертов пр

дворе певчих или хористов заимствовать из придворной церковной музыки». ¹³⁷

Практику использования церковных певчих для театральных постановок по указанию императора Павла I отвергает Д.С.Бортнянский.

В доношении 1803 г. управляющий хором сообщает, что со времени его управления певчие не употреблялись на публичных концертах и придворном театре, кроме одной французской оперы («Эфигений»), в связи с повелением императора не отпускать певчих для участия в театральных действиях. ¹³⁸

Как утверждает Е. С. Ходорковская, на русской императорской сцене опера-*seria* была «самым непосредственным образом соотнесена с празднованием так называемых „высокоторжественных дней”, к которым относились дни рождения, тезоименитства, годовщина коронации и годовщина восшествия на престол царствующего монарха. Эта очевидная взаимоувязанность с особой государя — характернейшая черта российской практики бытования *seria*». ¹³⁹

Ориентированность на личность монарха и особая маркированность хорового начала, бывшие специфическим признаком российских опер-*seria*, связаны, по наблюдению того же исследователя, с характерной для русского общества идеей сакрализации монарха. Участие придворных церковных певчих в оперных постановках играло особую роль в своеобразии функционирования оперы-*seria* в русской культуре XVIII в., выступившей «светским аналогом соответствующей праздничной литургии». ¹⁴⁰

Однако оперная деятельность церковных певчих способствовала и тому, что литургическое действие в восприятии его современниками теряло полноту своей сакральности, воспринимая черты иллюзорности, характерные для действия оперно-театрального. Певческий клирос и хоровое пение выделялись из пределов ритуального пространства церковной службы и обретали своеобразную автономность.

Новый стиль «церковной певческой музыки», сформировавшийся в условиях сильного итальянского влияния, инициированный началами светской «сенсорной» (по терминологии П.Сорокина) культуры, развивался именно на этой почве.

Один из иностранных наблюдателей, француз де Кюстин, отмечал характерную черту придворной петербургской культуры: «Русский двор напоминает театр». ¹⁴¹ Особое значение в нем принадлежит императору, который «всегда в своей роли, которую он исполняет как большой актер». ¹⁴² Ритуальный смысл одной из «ролей» основателя Петербурга выявляется в связи с его постоянным участием в церковном пении.

Как отмечают многие современники, император Петр I во время богослужения обычно пел на церковном клиросе вместе со своими певчими. В мемуарах XVIII в. сохранилось свидетельство одного из них о том, что «сей великий император, богочеc и хранитель уставов церковных и веры

содержатель твердый, всякое воскресенье и праздники неотменно приезжает к церкви Троицкой на Питербургском острову против Сената и по входе в церковь никогда в паруке не входит, сняв, отдает денщику и становится на правый клирос, и при нем его дворцовые певчие, и пение производит четвероголосное, партесу не жаловал, а во время обедни сам читал Апостол, голос сипловатый, не тонок и не громогласен». ¹⁴³

В других воспоминаниях сказано о Петре I, что «он обыкновенно становился перед алтарем с непокрытой головою в ряды певчих, даже часто, обладая сильным голосом и верным слухом, сам принимал на себя управление их хором». ¹⁴⁴ Другое свидетельство мы находим в записках датского посланника Юста Юля. Он описывает одну из служб, когда «царь стоял среди прочей паствы. Он громко пел наизусть, так же уверенно, как священники, монахи и псаломщики, имеющие перед собой книги, ибо часы и обедню царь знает как „Отче наш“». ¹⁴⁵ Он же описывает, как «в соборе он [Петр. — И.Ч.] стал по обыкновению среди певчих, в хоре которых звучно и отчетливо пел, однажды вышел с Апостолом к царским вратам и громко прочел для паствы из Послания Павла к римлянам, после чего снова присоединился к певчим, которые пели, сойдясь вместе посередине храма». ¹⁴⁶ И в другой день «царь стоял среди многочисленных певчих и пел с ними, точно сам был церковнослужителем». ¹⁴⁷

Камер-юнкер Ф.-В.Берхольц отмечает, что в 1724 г. в Петербурге на торжественном шествии перенесения мощей Александра Невского в монастырь «император находился между шедшими впереди певчими». ¹⁴⁸ Ф.Х.Вебер придает особое значение действиям царя в роли церковнослужителя и связывает ее с новым положением церкви. Он пишет: «При наступлении дня Нового года по новому календарю царь в 4 часа утра отправился в церковь, и так как день этот считается одним из самых больших праздников, то царь сам пел в церкви и читал пред алтарем Апостол, что обыкновенно делает теперь со времени упразднения патриаршества». ¹⁴⁹

Любовь императора к руководству церковным пением получает дополнительный «обертон» в общем контексте его деятельности.

Объявивший себя протодиаконом «Всесущего собора» и «Великобританского славного монастыря», учрежденных им в Петербурге, Петр I среди певчих, идущих на одной из церковных церемоний впереди шествия, и он же в шутовском кардинальском костюме в обществе своих певчих на праздновании Нового года — все это различные отражения своеобразного отношения императора к православной церковной традиции.

Особый акцент церковнопевческой деятельности императора дает титул «Отец Отечества», принятый им в 1721 г. Как показал Б.А. Успенский, на языке православного средневековья этот титул «мог быть применен только к архиепископу — архиерею, и прежде всего к патриарху... Поскольку... официальное принятие этого титула совпало с упразднением

патриаршества и последующим объявлением монарха „крайним судией” Духовной коллегии, постольку указанное наименование могло восприниматься в том смысле, что Петр *возглавил церковь и объявил себя патриархом*.¹⁵⁰ В этом контексте образ императора, берущего на себя управление богослужебным пением в церкви, становится не столь уж однозначен.

Начиная с Петровской эпохи церковнопевческая сфера деятельности при дворе все больше теряет свою автономность. Этот процесс достигает своего апогея при императоре Павле I. В конце века иерархия придворного штата, включающего и церковнослужителей, выстраивается по аналогии с армейской субординацией, а богослужения в придворных церквях рассматриваются как подчиненный элемент придворного театрализованного церемониала. «Творцом» и управителем церемониальных действий, совмещающим функции армейского командира и церковного уставщика, становится император.

Павел I тщательно следит за порядком совершения богослужений. Через камердинера и гоф-маршала он дает священству указания, как служить в придворной церкви и что петь. Так, в придворном журнале записано: «Октября 22. Их Императорское Величество со всею высочайшею фамилиею изволили быть у литургии в Казанской церкви, где служил преосвященный митрополит. Молебен после литургии по неведению священство пело без запевов. Почему следующего, 23-го числа Его Императорскому Величеству угодно было дать преосвященному митрополиту повеление: дабы впредь богослужение отправляемо было по уставу церковному без всякого упощения».¹⁵¹

21 ноября 1799 г.: «Его Императорское Величество указал через камердинера Ивана Алексеевича Долгополова певчим всегда петь киноник такой, какой в день случится».¹⁵² 29 ноября того же года: «Его Императорское Величество через гоф-маршала Алексея Львовича Нарышкина изволил указать на литургии одному чтению оставаться и прочитывать, а почему быть по-прежнему».¹⁵³

Самые торжественные церемониалы при дворе совершаются в дни кавалерских праздников. В них непременно участие всего придворного духовенства и певчих. Праздники эти отмечаются с гораздо большей пышностью, чем традиционные церковные, когда нередко служат только священник и диакон. В придворном журнале записано (4 октября 1797 г.): «Его Императорское Величество изволил указать через генерал-адъютанта Григория Григорьевича Кушелева, чтоб священнослужение божественных литургии было отправляемо в кавалерские праздники архиереями того ордена, в высокоторжественные и двунадесятые праздники придворным собором, в воскресные дни и церковные праздники одним священником со дьяконом».¹⁵⁴

В церемониалах кавалерских праздников происходит театрализация церковного обряда. Так, 29 ноября 1799 г. был один из орденских празд-

ников. «Кавалерский день державного ордена Иоанна Иерусалимского торжествуем был в городе Гатчине следующим образом. В половине 12-го часа Его Императорское Величество в провожании высочайшей фамилии изволил прибыть в придворную церковь в орденской мантии и в императорской российской короне. При входе встречен знатным духовенством со крестом, коему прикладывалась и Ея Величество... Запевы воспевало духовенство покрылосно». ¹⁵⁵

24 июня 1799 г. в городе Павловске совершался церемониал кавалерского дня ордена Иоанна Иерусалимского. «23 июня на канун праздника приказано в 12 часов пополудни производить трезвон для возвещения городу, которой продолжался целой час, как в придворной, так и в градской церкви. К вечеру в 6 часов собирались кавалеры в тронную комнату, с которыми Его Императорское Величество на троне принялвшему на золотом блюде факел от обер-гофмаршала, и по раздаче первым кавалерам остальных восьми факелов угодно было в 7 часов шествовать за врата для возжения девяти костров.

Факелы в тот день по литургии освящались водою святою с прочтением приличных по Требнику молитв. Кои оставались в церкви до самого собрания в тронную кавалеров. В самый праздник 24 дня в 10 часов утра паки приказано в обоих церквях трезвон произвести с пущечной пальбою и продолжать полчаса... Его Величество изволил прибыть на хоры к литургии в половине 12-го».

Была совершена торжественная литургия, молебен Иоанну Предтече, его «отправляли преосвященный казанский в полном облачении и ростовский в малом, которые употребили себя при входе в церковь церемониальном с прочими кавалерами».¹⁵⁶

К концу XVIII в. церемониальная деятельность в дни кавалерских праздников и особых придворных ритуалов, связанных с императорским культом, становится главной, а участие в церковных службах традиционного праздничного круга — побочной функцией придворных церковнослужителей и певчих.

Придворные празднования конца века вбирают в себя черты театрального действия, воинского церемониала, так же как и церковный элемент. Яркий пример такого смешения — церемониал празднования дня Преполовения в Павловске в 1799 г. Придворные священники и певчие наравне с армейскими чинами принимают участие в этом «параде», которым командует император. Император выступает здесь в символической роли уставщика, управляющего всем действием.

Празднование началось службой в павловской церкви. Затем шествие на Иордань, которая была устроена на склоне у Трельяжа. Вместе с церковными хоругвями и иконами вынесены воинские знамена и штандарты.

Порядок движения к Иордань от церкви был следующим: два придворных псаломщика с хоругвями, хор певчих с директором их статским советником Бортнянским, священство с Евангелием, иконами и крестами.

Затем идут император и наследники,unter-офицеры со знаменами и штандартами.

По пришествию на Иордань император «стоять изволил на самой высокой ступени схода»,¹⁵⁷ окруженный офицерами со знаменами и штандартами. Ниже — певчие и священство с крестами и хоругвями. После того как определяется эта «мизансцена», начинается обряд освящения воды. Священники возглашают слова молитвы и, когда певчие начинают торжественно петь «Тебе Бога хвалим, Твоя благодати исповедуем», кроются воинские знамена. После того шествие возвращается тем же строем в церковь.¹⁵⁸

Символическая композиция этой церемониальной картины — император на вершине ступенчатой пирамиды, окруженный воинской символикой, — повторяет композицию знаменитой гравюры Петровской эпохи «Петр I с изображением батальйонов» (П.Пикарт, 1717), которая в свою очередь является светским аналогом иконы Симона Ушакова «Древо Российского государства. Похвала Богоматери Владимирской», созданной в период становления абсолютизма в XVII в. Сакральный символ трансформируется в церемониальный знак.

Заключение

С начала петербургского периода церковь все сильнее подавлялась самодержавным государством. Оно внедрялось во все сферы деятельности, традиционно за ней закрепленные. Как пишет Г.Флоровский, в этот период «государство утверждает себя самое как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности или творчества... У церкви не остается и не оставляется самостоятельного и независимого круга дел, ибо государство все дела считает своими».¹ На материале нашего исследования мы убеждаемся в том, что и такие традиционно-самобытные сферы деятельности, как церковные звоны и богослужебное пение, постепенно подчинялись царскому указу, государственно-бюрократическому установлению. Частью государственно-сакрального церемониала имперской России становится православный ритуал.

В условиях переходной эпохи особенно интенсивно выявлялась множественность временных ритмов, которым подчиняется развитие на разных уровнях исторической реальности. Вытеснение старого быта и культуры в высших слоях общества, входивших в круг притяжения императорского дворца и живших в центральной части Петербурга, шло гораздо стремительнее, чем в слоях нижних — среди простых горожан, жителей петербургских окраин.

В пределах церковной культуры усиливался разрыв между иерархической церковью, быстро адаптировавшейся к новым условиям реформации, и народной религиозной средой, приверженной старой традиции, между слоями церковнослужителей, близких к архиерейскому и придворному служению, и приходским духовенством. Сила средневековых традиций и стереотипов деятельности в разных слоях общества оказывалась неодинакова, и потому современники, жители Петербурга XVIII в., — клирошанин Александро-Невского монастыря и архиерейский певчий, певчий придворный и певчий приходской церкви — были в действительности представителями разных исторических времен. Дистанция социального и экономического статуса отдельных групп церковнослужителей

постоянно увеличивалась. Интенсивность сопряжения понятий святости и государственности, христианской общности («*communitas*» в терминологической системе В. Тернера) и социальности по-разному отражалась в народном менталитете и официальной идеологии. Не случайно одним из наиболее известных петербургских сюжетов XVIII в., распространявшихся в народной среде, была история Ксении Григорьевой, жены придворного певчего, покинувшей придворное благополучное состояние и ставшей нищенкой, жившей при кладбищенской окраинной церкви. Народный культивированный культ святой нищенки, блаженной Ксении Петербургской, и официальный культивированный культ святого князя Александра Невского, прославление слабости и нищеты или силы и богатства — два полюса петербургской культуры.

Колокольные звонь, хоровое пение, церковное чтение и возглашения в традиционной православной культуре были интонационными элементами ритуальной речи, частью литургического действия. Выделение литургической деятельности как главной точки опоры всех остальных видов деятельности — важнейший принцип канонической православной культуры. Многогранность такой деятельности — ее характерная особенность. «Искусства», «художества» — компоненты этой многогранной деятельности, не имеющие ценности самостоятельной, но лишь в комплексе других деятельности. Этот важнейший стереотип православной традиции утрачивает свое значение в новой культуре. Процесс специализации и профессионализации певческой деятельности постепенно охватывает все церковные структуры Петербурга. Традиция колокольного звона также трансформируется.

Под влиянием светской культуры происходила «театрализация» церковной службы. Часть сакрального внутрихрамового пространства — клирос — постепенно как бы обособлялся в связи с привнесением сюда момента театральной сценичности, концентрирования. Происходило разделение участников службы на исполнителей «певческой музыки» и ее слушателей. Сакральное единство церковных зданий также дифференцировалось на часть светскую и часть церковную: православные звонь сочетались на петербургских соборах с курантами и концентрирующимися карильонами.

Эти процессы получили выражение в изменении названий певческих коллективов и появлении новых колокольных терминов. Так, «певчие дома Его Величества» начала века становятся в 40-х гг. «капелией придворных певчих», потом «певческой капеллой», а к началу 80-х гг. утверждается новое название — «придворная церковная музыка». ² В 80-е гг. синодальный певческий хор начинает называться «синодальная певческая музыка». ³ «Колокольный игратель», «колокольный игральный музыкант», «колокольной игральной композиции обер-мастер», «колокольная игральная музыка» ⁴ — такие понятия появляются в связи с колокольными звонами в Петербурге. Понятия новой культуры «церковная певческая

музыка» и «колокольная игральная музыка» символизировали слом традиции как в сфере певческой деятельности, так и в сфере православной колокольной практики. В Петербурге XVIII в. утверждалось противоречивое понятие: церковно-музыкальная культура.

Формирование нового музыкального мышления было стимулировано важнейшей чертой барочного мышления — ассоциативностью восприятия пространства—времени. Новая концепция пространства, выразившаяся в своеобразии городской композиции Петербурга, легла также и в основу нового метода творчества — вокальной хоровой композиции.

Идеология имперской столицы отразилась во множестве певческих служб и концертов, сочиненных ко дням тезоименитств, коронаций и викторий, прозвучавших во время тех грандиозных городских праздников, которые были описаны ранее. Многообразие музыкальной стилистики новых форм певческого ритуала отразило конфликтность и драматизм эпохи. (Эта область должна стать предметом дальнейшего исследования).

Напряженный дуализм сакрального и профанного элементов пронизывал петербургскую культуру на протяжении всего XVIII в. и определял ее своеобразие. Воинское, имперское начало совмещалось в ней с традиционным религиозным и образовывало сложное, внутренне конфликтное целое.

Тенденции зрелищности, театральности, связанные с утверждением элементов новой светской культуры, интенсивно дезинтегрировали литургическую целостность церковной традиции. Православные колокольные звонь включались в «потешное» действие совместно с фейерверками, пушками и строевым музицированием, светская «колокольная игральная музыка» занимала место на церковных зданиях, богослужебная певческая деятельность превращалась в деятельность артистическую, а певческое искусство — в «церковную музыку».

Однако элементы канонической культуры полностью не вытеснялись, а сохраняли свою действенность в новой культуре. Сопряжение сакрального и профанного придавало ей особую напряженность и динамизм.

Парадокс линии секуляризации русской культуры XVIII в. был связан с тем, что, с одной стороны, элементы литургического синтеза, трансформируясь в формы светского искусства, сохраняли имманентно присущую им сакральную функциональность, а с другой — формы литургического действия воспринимали качества светской культуры зрелищно-театрального типа. Петербургская городская культура — зерно, из которого вырастает новая российская культура, наследующая ее внутреннюю противоречивость и парадоксальность.

Приложение

ХРОНОТОП ЛИЧНОСТИ: ИМЕНА И ЖИЗНЕОПИСАНИЯ*

СЛУЖИТЕЛИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Алексеев Алексей (1725—1733). Синодальный поддьяк. В 1726 г. был взят в придворный хор. В 1733 г. возвратился в первую станицу синодального хора. РГИА, ф.796, оп.6, д.3; оп. 14, д.48.

Алексеев Андрей (1726). Синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.7, д.19.

Алексеев (Ставропольский) Иван (1720—1737). В 1720 г. из архиерейских певчих взят ко двору. В 1734 г. — среди синодальных певчих, поющих на церемонии освящения церкви Симеона и Анны. В 1738 г. — певчий второй станицы синодального хора. В собрании рукописей Оружейной палаты хранится певческая рукопись, написанная Иваном Алексеевым. На одном из партесных поголосников запись: «писал поддьяк Иван Алексеев сын Попов» (РГАДА, ф.396, оп.2, ч.7, д.3736). РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.18, д.57; оп.19, д.232; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.24.

Алексеев Иван (1767). Сын поддьяка синодального дома Федора Алексеева. Определен певчим в синодальный хор. РГИА, ф.796, оп.48, д.576.

Алексеев Логгин (1720—1726). В 1720 г. взят из Тверского архиерейского дома к царскому двору в певчие. В 1726 г. отправлен в Троице-Сергиев монастырь. РГИА, ф.796, оп.6, д.15, 351; оп.7, д.39; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.24.

Алексеев Федор (1767). Синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.48, д.576.

Алексеев Фома (1749). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.

Алексеев Яков (1744—1749). Придворный певчий. Тенор. РГИА, ф.466, оп.1, д.62; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.; ф.1109, оп.1, д.59, л.158.

* Сведения приводятся только по данным архивных документов XVIII в. В скобках отмечены упоминаемые в них годы служения в Петербурге.

Альшанский Василий (1761). Придворный певчий, произведен в священники в Ямбургский уезд. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.4839, л.19.

Анатольский Василий (1790—1794). В 1790 г. — придворный певчий. В 1794 г. — губернский секретарь. РГИА, ф.469, оп.4, д.1885; оп.14, д.24, л.62 об.—63.

Андреев Андрей (1737). Синодальный иподиакон. РГИА, ф.796, оп.18, д.330; оп.19, д.232.

Андреев Иван (1741—1743). Поддьяк Троице-Сергиева монастыря, определен дьячком церкви Симеона и Анны. В 1743 г. становится придворным певчим. Тенор. РГИА, ф.466, оп.1, д.62, л.1—2; д.81; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.2140, л.8.

Андреев Матвей (1731—1745). Священник придворной церкви. В 1731—1732 гг. жалованье 100 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.11; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Андреев Моисей (1745). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.8.

Андреев Никита (1732). Придворный певчий, принят на службу от белгородского архиерея с жалованьем 25 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.12, л.35; д.16, л.3.

Андреев Петр (1723—1768). Певчий Крутицкого архиерейского дома. В 1723 г. определен в придворные певчие, в 1725 г. отпущен обратно. В 50—60-х гг. — синодальный иподиакон. Неоднократно вместе с синодальными певчими приезжал из Москвы для исполнения «чреды служения» в петербургских соборах. В 1767 г. Петр Андреев принял участие в рассмотрении Ирмология Гавриила Головни, предназначенного для печатания. Петр Андреев находит в нем множество недостатков и в 1768 г. предлагает для печатания собственный Ирмологий знаменного распева, составленный им вместе с певчими Иваном Тимофеевым, Сергеем Поповым, Сергеем Любимовым и Иваном Никитиным. В 1769 г. они же составляют Обиход. Ирмологий и Обиход, предложенный иподиаконом Петром Андреевым, после рассмотрения и правок певчими Свято-Троицкой Сергиевой лавры и певчими тверского архиепископа Гавриила были напечатаны в Московской синодальной типографии. Это были первые печатные певческие книги. В рукописном собрании Оружейной палаты сохранились певческие рукописи, написанные Петром Андреевым во время придворной службы. На одном из партесных сборников этого собрания (РГАДА, ф.396, оп.2, ч.7, д.3761) надпись: «Сия книга нотная, стихи избранныя Его Императорского Величества казенная, и надписал сию книгу по приказу уставщика Ивана Протопопова певчей Петр Андреев». Один из поголосников партесной службы дня памяти Александра Невского (РГАДА, ф.396, оп.2, ч.7, д.3744) написан Петром Андреевым. РГИА, ф.466, оп.1, д.2, л.42; ф.796, оп.35, д.546; ф.1109, оп.1, д.166, л.16 об., 20; РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об. .

Андреевский Иван (1744—1749). Придворный певчий. Тенор. Разрешена свадьба. РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.40; ф.1109, оп.1, д.59, л.158.

Андреевский Степан Степанов (1742—1778). Взят из Киева в Петербург ко двору как малолетний «дышкантист» в 1742 г. В 1750 г. получает разрешение на строительство дома. В 1758 г. отправляется на Украину для набора певчих ко двору. ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.19254, л.136—137; ф.59, оп.1, д.3148; д.8001, л.57 об., 64, 65, 66, 79 об., 81, 83; д.8433, л.47 об.—48.

Андреевский Федор (1747—1790). Отобран в придворные певчие из студентов харьковского коллегиума в 1747 г. Служил при дворе до 1790 г. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14772; ЦГИА Украины, ф.1973, оп.1, д.49, л.1, 2 об.

Антонов Порфирий (1789). Дьякон церкви Введения Пресвятой Богородицы. Обучал учеников приходского училища нотному пению. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288, л.16.

Арсеньев Михаил (1767). Певчий домовой церкви князя М. Воронцова, определен в священники. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6649.

Артемьев Василий (1720). Певчий Крутицкого архиерейского дома, служил при дворе. РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.24.

Артемьев Марк (1742—1749). Отправлен как малолетний певчий в Петербург ко двору от киевского архимандрита Рафаила в 1742 г. РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.132 об.; ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.838.

Артемьев Семен (1734—1738). Синодальный поддъяк второй станицы. РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.18, д.57, 386; оп.19, д.232.

Артемьев Харлампий (1748). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.78, л.102.

Архангельский Александр (1779). Диакон «синодального дома музыки», находившегося в Москве. Переведен в Петербург для служения в Преображенском соборе. РГИА, ф.796, оп.60, д.110.

Афанасьев Василий (1754). Синодальный поддъяк, служил в церкви Харитона Исповедника при Синоде. РГИА, ф.834, оп.4, д.762, л.8 об.

Афанасьев Иван (1740). Певчий Коломенского архиерейского дома, определен в Троицкий собор псаломщиком. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.2070, л.13.

Афанасьев Матвей (1741—1749). Придворный певчий. РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.132 об.; ф.1109, оп.1, д.58, л.1.

Афанасьев Михаил (1794). Певчий Петропавловского собора. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16203.

Бакуревич Андрей (1784—1792). Придворный певчий. РГИА, ф.469, оп.4, д.1990, л.1.

Барановский Андрей Иванов (1735—1765). Прислан певчим в придворный хор в 1735 г., впоследствии становится при дворе певческим учителем. В 1765 г. определяется священником церкви Симеона и Анны. ЦГИА СПб., ф.2263, оп.1, д.31, л.40 об.

Батиевский Тимофей (1754). Придворный певчий. Выходит в отставку с чином уставщика. РГИА, ф.466, оп.1, д.143, л.14; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.3932, л.4.

Бахмачевский Семен (1731). Придворный певчий. Жалованье 70 руб. РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Беляев Сила (1720—1727). «Певчий Его Царского Величества». В 1727 г. имел жалованье 73 руб. РГАДА, ф.9, оп.3, д.5, л.21; оп.4, д.89, л.325.

Беляев Петр (1720). «Певчий Его Царского Величества». Жалованье 65 руб. РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.24; оп.4, д.89, л.325.

Беляев Фома (1789). Певчий Петропавловского собора. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14203.

Божко Федор Моисеев (1733—1790?). В 1733 г. — собственный певчий цесаревны Елизаветы Петровны. Жалованье 80 руб. В 1741 г. вместе с другими певчими собственного хора Елизаветы Петровны входит в состав придворного певческого хора. В 1743 г. пожалован в дворянское достоинство. Получает придворный чин тафельдекера. С 1743 г. — уставщик придворного хора с жалованьем 250 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.30; д.78, л.88; ф.469, оп.14, д.2, л.130 об.—131; ф.796, оп.24, д.180.

Бокушев (Богуш) Максим (1749—1766). В 1749 г. — придворный певчий. Бас. Жалованье 100 руб. Двор его в местечке Срибном освобожден от податей и повинностей. Выходит в отставку с чином уставщика. РГИА, ф.466, оп.1, д.143, л.14; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.; ЦГИА Украины, ф.763, оп.1, д.54.

Борисов Дмитрий (1734—1738). Синодальный поддъяк. В 1734 г. поет при освящении церкви Симеона и Анны. В 1735 г. переходит из шестой в четвертую станицу. РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.16, д.231; оп.19, д.232.

Борисов Иван (1716—1726). Взят из патриарших певчих ко двору. В 1726 г. возвращается в певчие синодального дома. РГИА, ф.796, оп.6, д.351; оп.7, д.85; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.20, 25.

Борщевский Григорий (1749). Придворный псаломщик, пожалован в певчие. Жалованье 50 руб. РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.130 об.—131.

Бурбас Григорий (1753). Певчий императорского хора, зачислен в духовную семинарию. ЦГИА Украины, ф.990, оп.1, д.204.

Ванековский Феодор (1738—1739). Родился в «польском городе» Немирове, по смерти отца пошел в Киев для школьного обучения в Киево-Печерский монастырь. Взят был оттуда в Глухов «для лучшей науки нотного пения» в 1735 г. и в 1738 г. был послан в Петербург «в дом Ее Величества» с прочими певчими. В 1739 г. был посвящен в диаконы в Морском полковом дворе. ЦГИА СПб., ф.2263, оп.1, д.39, л.57 об.

Варганский Галактион Иванов (1723—1730). Взят из Нижегородского архиерейского дома ко двору в певчие в 1723 г. В 1726 г. — «певчий Его Императорского Величества», жалованье получает из синодального до-

ма. РГИА, ф.796, оп.6, д.351; ф.1109, оп.1, д.59, л.157; РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об.

Варлаам (1719). Иеромонах. Уставщик Новгородского архиерейского дома. РГИА, ф.815, оп.2, д.157.

Васильев Андрей (1725—1738). Синодальный поддьяк, затем синодальный певчий. РГИА, ф.796, оп.6, д.3; оп.19, д.168, 232.

Васильев Василий (1771). Певчий Тверского архиерейского дома, становится диаконом церкви Рождества Богородицы. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.8161, л.12.

Васильев Иван (1736—1738). Синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.17, д.212; оп.19, д.212.

Васильев Николай (1749). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.

Васильев Семен (1719). «Певчий дьяк Его Величества». РГИА, ф.815, оп.2, д.175.

Васильев Степан (1748). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.78, л.102.

Васильев Федор (1733—1738). Синодальный певчий. Бас. Взят из Крутицкого архиерейского дома. РГИА, ф.796, оп.14, д.64; оп.15, д.44.

Васильев Яков (1749). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.

Величковский Прокопий (1777—1789). Придворный певчий. В 1777 г. выходит в отставку с чином уставщика, в 1789 г. из придворного ведомства выдается жалованье как уставщику. РГИА, ф.466, оп.1, д.143, л.14; ф.469, оп.4, д.1841.

Величковский Яков (1735). В 1735 г. прислан в Петербург ко двору в качестве инспектора малолетних певчих из Киева. РГИА, ф.1109, оп.1, д.59, л.159.

Вишняков Дмитрий (1749). Певчий домовой церкви графа А.П. Бестужева-Рюмина, определен дьячком в Петропавловский собор. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.3353, л.14.

Владимиров Федор (1744). Певчий Воронежского архиерейского дома в Санкт-Петербурге. Отпущен на родину в Острогожск. РГИА, ф.796, оп.25, д.210, л.1—18.

Волков Никита (1760). «Партисного пения певчий» хора Александро-Невского монастыря. Обучал певчих нотной грамоте. РГИА, ф.815, оп.5, д.85, л.13.

Волков Петр (1737). Синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.18, д.150.

Воробьев Дмитрий (1735—1738). Синодальный поддьяк второй, потом первой станицы. РГИА, ф.796, оп.16, д.69, 107; оп.19, д.232.

Гаврилов Астафий (1800). Определен в службу в лейб-гвардии конный полк в 1790 г. из рейтарских детей. Получил отставку в 1797 г. В 1800 г. — большой певчий при дворе. РГИА, ф.469, оп.14, д.24, л.60 об.—61.

Гаврилов Владимир (1737—1738). Синодальный поддьяк второй станицы. *РГИА, ф.796, оп.18, д.57; оп.19, д.232.*

Гаврилов Григорий (1757). Синодальный певчий, служит в церкви Харитона Исповедника. *РГИА, ф.834, оп.4, д.762, л.58 об.*

Гаврилов Семен (1737). Синодальный поддьяк второй станицы. *РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.18, д.564; оп.19, д.232.*

Гаевский Петр (1741). Придворный певчий. *РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.*

Герасимов Дмитрий (1738—1752). Синодальный певчий с 1738 г., в 1749 г. становится иподиаконом второй станицы, в 1752 г. определен священником церкви Николая Чудотворца. *РГИА, ф.796, оп.30, д.228; оп.33, д.101; ф.834, оп.4, д.754, л.5.*

Гоголь Яков (1748—1778). Придворный певчий. Тенор. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.*

Голеневский Иван (1745—1770). Придворный певчий. Тенор. Родился в 1723 г. в Киеве (?), умер после 1786 г. Происходил из «польского шляхетства». В отрочестве поступил в Киево-Могилянскую академию, где и проявился в качестве отличного певчего — тенора. В 1744 г. граф А.Г.Разумовский направил Голеневского в придворный хор. В Петербург он прибыл в апреле 1745 г. «В закоснении без всякого производства» с годовым жалованьем 70 руб. Голеневский служит при дворе в качестве певчего 26 лет. В январе 1764 г. он подает прошение на высочайшее имя о выходе из певчих и определении смотрителем при театре. В июле 1769 г. Голеневский вновь обращается к Екатерине II с просьбой об определении его директорским товарищем в Типографскую контору, секретарем в Медицинскую коллегию или почтмейстером в Московскую ямскую контору. В декабре 1769 г. он просит отставить его от певческой придворной должности с чином придворного мунтшенка, ссылаясь на долголетнюю службу и труды по сочинению од. Лишь в 1770 г. Голеневский наконец расстается с придворным хором и получает отставку с чином придворного уставщика и наградой в 300 руб. Голеневский известен как автор од, первая из них написана в 1745 г. Все они, за исключением одной, посвященной А.Г.Разумовскому (1751), посвящены царствующим особам: Елизавете Петровне (1751, 1754, 1762), Екатерине II (1762, 1772), вел.князю Павлу Петровичу (1765) и др. Голеневский печатается в «Ежемесячных сочинениях» и «Трутне», в 1777 г. издает «Собрание сочинений с переводами», а в 1779 г. сборник «Дар обществу». *РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.7; ф.468, оп.1, д.3885, л.209; РГАДА, ф.10, оп.1, д.467, л.40; д.550, л.141; д.584, л.321; ф.286, д.749, л.20.*

Головатенко Иван (1787). Придворный певчий. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.152.*

Головачевский Дмитрий (1779—1793). Сын бывшего при дворе большого певчего Головачевского. В службу при дворе определен малолет-

ним певчим в 1779 г., в 1791 г. пожалован в большие певчие. РГИА, ф.469, оп.4, д.24, л.61 об.—62; д.1994.

Головачевский Иван (1747—1778). Придворный певчий. Тенор. В 1749 г. имел отпуск на Украину. В 1753 г. обучался итальянскому пению. РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.22; РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.74, л.144 об.

Головня (Матвеев) Гавриил (1738—1778). Придворный певчий. Бас. Служит при дворе с 1738 г. В 1742 г. отправляется на Украину для набора новых певчих ко двору. В числе прочих малолетних певчих привозит в Петербург альта Григория Савельева Сковороду. В 1743 г. Гавриил Головня отпущен от двора в Глухов для женитьбы на дочери умершего священника Глуховской церкви св. Анастасии. В 1744 г. Гавриил Головня поставляется в священники Глуховской церкви. Грамота, выданная от имени императрицы Елизаветы Петровны, повелевает Головне «быть священником вместо умершего тестя впредь, когда от двора отпущен будет, а до той поры, когда рукоположен будет, нанять к той церкви викария». Остается в Петербурге в 1748 г., когда двор находился в Москве. В 1778 г. увольняется от придворной службы с чином уставщика. Головней были составлены и написаны два Ирмология, предназначенных для печатания: в 1752 г. (ЦНБ АН Украины, ф.Духовной академии (Петров), 351) и в 1762 г. (ОР РНБ, ОЛДП, F-511). На Ирмологии киевского собрания надпись: «Ирмологий, или Чинное пение по знаменному киевскому и наречию великороссскому, написано в царствующем граде Санкт-Петербурге придворным певчим Гавриилом Головнею в лето от Р.Х. 1752». В 1767 г. Ирмологий был представлен Головней в Синод, а оттуда передан для «освидетельствования» синодальным иподиаконам Петру Андрееву и Сергею Максимову, которые эту нотную рукопись отклонили. По просьбе Головни Ирмологий был возвращен ему для исправления. В 1768 г. Головня два раза обращался с прошением в Синод о печатании Ирмологии сначала на казенный счет, а после отказа — на собственный счет в типографии петербургской Академии. Однако Ирмологий Гавриила Головни так и не был напечатан, так как в 1769 г. это дело взяли в свои руки синодальные певчие и иподиаконы (Петр Андреев, Иван Тимофеев, Сергей Попов, Сергей Любимов, Иван Никитин). В 1770 г. в Москве были впервые напечатаны нотные книги Ирмологий и Обиход, составленные этими певчими. В этом же году Гавриил Головня выходит в Синод с новым предложением. В его доношении говорится, что, узнав о печатании нотных книг и «оному усердству в общую пользу», хочет представить «ко изъяснению тех нотного пения азбуку, дабы обучающемуся юношеству вразумительнее было узнавать тех нот имена, чрез что в голосе понятное основание происходит, тако же и прочих голосов положение и партесному пению начатки, то есть сольмизации». Азбуку Головни послали в Москву, но и она встретила резкое противодействие в среде синодальных певчих. Из Москвы в Синод было послано сообщение, что требуется азбука простого, а не партесного пения, и такую уже составили синодальные иподи-

аконы и певчие. В 1772 г. последовало окончательное решение: «Понеже вышеупоминаемые нотные азбуки обе российскому юношеству обучающемся нотного пения полезными могут быть, того ради приказали: обе оныя азбуки в Московской типографии в силу присланной из Св. Синода указа напечатать» Азбука одноголосного пения, составленная Гаврилой Головней, вошла в Сокращенный Обиход, напечатанный в 1777 г. РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 58, л. 122; д. 78, л. 102; ф. 469, оп. 14, д. 2, л. 131 об.; ф. 1109, оп. 1, д. 166, л. 14, 16 об.—17 об., 19, 21, 28, 31—32 об.; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 144 об., 147, 181; ЦГИА Украины, ф. 1219, оп. 2, д. 1702.

Голштинский Еким (1752—1782). Придворный певчий. Тенор. Служит с 1752 г., просит о награждении чином придворного уставщика. Умер в 1782 г. РГИА, ф. 469, оп. 4, д. 1774; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 144 об., 147.

Гончаренко Иван (1787). Принят в придворный хор из певчих Киево-Печерского монастыря. РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 152, 153.

Греков Алексей (1758). Синодальный поддьяк. РГИА, ф. 796, оп. 39, д. 223.

Григорьев Антон (1731). Придворный певчий. Жалованье 50 руб. РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 29, л. 18.

Григорьев Василий (1744). Синодальный поддьяк, определен в Сергиевскую церковь пономарем. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 2550, л. 36.

Григорьев Григорий (1751). Певчий при грузинском митрополите Романе. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 3686, л. 7.

Григорьев Дмитрий (1737). Певчий, вызван из дома ростовского архиепископа в Петербурге и определен в синодальный дом «к отправлению церковного пения в соборах». Бас. РГИА, ф. 796, оп. 18, д. 254.

Григорьев Матвей (1736). Придворный иподиакон. Отправлен в Голштинию с посольством. РГИА, ф. 796, оп. 17, д. 337.

Григорьев Самойла (1731). Придворный певчий. Жалованье 70 руб. РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 29, л. 18.

Григорьев Яков (1742). Придворный певчий. РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 58, л. 120.

Гусяковский Василий (1790). Придворный певчий, уволен в 1790 г. РГИА, ф. 469, оп. 4, д. 794.

Данилов Григорий (1741). Придворный певчий. РГИА, ф. 1109, оп. 1, д. 58, л. 1.

Демьянов Федор (1748). Придворный певчий. РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 114, л. 69 об.—70 об.

Денисьев Козьма (1741). Придворный певчий. РГИА, ф. 1109, оп. 1, д. 58, л. 1.

Дивов Яков (1795). Певчий консистории, определен диаконом в село Котлы Ямбутского уезда. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 17099.

Диев Федор (1746). Синодальный певчий, назначен синодальным иподиаконом. РГИА, ф. 796, оп. 27, д. 138.

Дмитриев Влас (1745). Певчий, прибывший к императорскому двору с Украины. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.68, л.8.

Дмитриев Иван (1720). Певчий судзальского архиерея, взят к императорскому двору. *РГАДА*, ф.9, оп.3, д.50, л.23, 137.

Дмитриев Петр (1738). Синодальный поддъяк шестой станицы. *РГИА*, ф.796, оп.18, д.57; оп.19, д.232.

Довгопольский Тимофей (1749). Придворный певчий, сын остеръского сотенного писаря. *ЦГИА Украины*, ф.59, оп.1, д.5282, л.1.

Дубель Петр (1787—1792). Принят в придворные певчие в 1787 г. Получил отставку с чином придворного уставщика в 1792 г. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.179, л.4 об.; *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.96, л.152.

Дунаевские Иван, Федор, Павел (1785—1794). Придворные певчие. *РГИА*, ф.469, оп.14, д.24, л.62 об.—63.

Дьяконский Федор (1726). Придворный певчий. Жалованье 45 руб. *РГАДА*, ф.9, оп.4, д.82, л.468.

Евдокимов Василий (1720—1727). Придворный уставщик. В 1727 г. жалованье 100 руб. *РГИА*, ф.796, оп.3, д.1258; *РГАДА*, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.89, л.325—326.

Евстафьев Яков (1748). Придворный певчий. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.

Евстратьев Карп (1731). Придворный певчий. Жалованье 60 руб. *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Егоров Аверкий (1794). Певчий Петропавловского собора. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.16203.

Емельянов Лукьян (1745). Певчий, прибывший ко двору с Украины. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.68, л.8.

Еремеев Иван (1723—1726). Певчий Нижегородского архиерейского дома, взят ко двору. *РГИА*, ф.796, оп.6, д.351; ф.796, оп.7, д.85; *РГАДА*, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об.

Ермолаев Герасим (1741—1742). Придворный певчий. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.58, л.120; ф.1109, оп.1, д.58, л.1.

Ерофеев Иван (1766). Архиерейский иподиакон, переведен дьячком в Петропавловский собор. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.6457.

Ерофеев Иван (1789). Дьячок церкви Успения Богородицы на Сенной. Обучал учеников приходского училища нотному пению. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.14288, л.167.

Ефимов Иван (1723—1725). Певчий Крутицкого архиерейского дома, взят ко двору. В 1725 г. отпущен обратно. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.2, л.42; *РГАДА*, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об.

Ефимов Феофилакт (1795). Певчий Петропавловского собора. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.17278.

Жуковский Иван Васильевич (1769). Придворный певчий. В 1769 г. вышел в отставку с чином уставщика. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.121, л.18.

Журавский Федор (Федор Абрамов **Журавль, Журавлев**) (1720?—1741). Взят из Кругицкого архиерейского дома ко двору в царствование Петра. С 1720 по 1725 г. служил певчим при царском дворе, затем возвратился в архиерейские певчие. В 1731 г. вновь оказывается при дворе уже в качестве придворного уставщика, жалованье получает 80 руб. В 1741 г. по старости пострижен в монашество в Киево-Печерскую лавру. В 1753 г. ему определена пенсия как бывшему певчemu Петра I. В собрании певческих рукописей Оружейной палаты хранится партесный сборник, на одном из поголосников которого есть надпись: «Писал певчей Федор Журавлев» (РГАДА, ф.396, оп.2, д.3742). РГИА, ф.466, оп.1, д.2, л.42; д.11; ф.796, оп.11, д.425; оп.13, д.184, 185; оп.22, д.157; оп.25, д.233; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18; ф.96, оп.3, д.50, л.24; ф.248, оп.58, д.2763, л.80—83.

Захаров Григорий (1799). Учитель придворных певчих. РГИА, ф.466, оп.1, д.197, л.3.

Захарьев Федор (1741). Придворный певчий. РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.

Зиновьев Григорий (1743). Придворный певчий. Тенор. Жалованье 100 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.62.

Зиновьев Иван (1738). Синодальный поддьяк второй станицы. РГИА, ф.796, оп.19, д.232.

Золотарев Еремей (1763). Придворный певчий, «пожалован в музыканты». Жалованье 100 руб. РГИА, ф.469, оп.14, д.6, л.304 об.—305.

Золотарев Иван (1786). Придворный певчий. РГИА, ф.469, оп.4, д.1780.

Иванов Александр (1713—1722). Сын певчего патриаршего хора, становится певчим того же хора в 1706 г. В 1713 г. взят в «певчие Его Величества». В 1728 г. просит об определении певчим в синодальный дом. РГИА, ф.796, оп.7, д.85; оп.9, д.518; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.89, л.326.

Иванов Алексей (1723—1737). Взят из Казанского архиерейского дома в придворные певчие в 1723 г. В 30-х гг. — синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.18, д.57; РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об.

Иванов Андрей (1743—1748). Придворный певчий, уставщик. Жалованье 50 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.62; д.144, л.69 об.—70.

Иванов Василий (1720—1737). В 1720 г. взят из патриарших певчих ко двору. В 1727 г. — придворный певчий с жалованьем 63 руб. В 1737 г. — «певчий при Высочайшем Доме». РГИА, ф.796, оп.18, д.560; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.23; оп.4, д.89, л.325.

Иванов Василий (1771). Певчий архиерейского дома, бывший дьячок Воскресенского Новодевичьего монастыря. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.8037.

Иванов Григорий (1737—1748). Синодальный певчий, взят в придворные певчие. *РГИА, ф.446, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.; ф.796, оп.18, д.330.*

Иванов Дмитрий (1738). Сын протоиакона Московского Успенского собора, дьячок при церкви апостола Матфея на Санкт-Петербургском острове, назначен синодальным певчим. *РГИА, ф.796, оп.19, д.407.*

Иванов (Лисин) Иван (1720—1731). Певчий Сузdalского архиерейского дома. В 1720 г. «певчий Его Царского Величества». В 1731 г. — придворный певчий. Жалованье 50 руб. В 1735 г. — придворный певчий. *РГИА, ф.466, оп.1, д.16, л.65; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21, 24; ф.14, оп.1, д.29, л.18.*

Иванов Иван (1744—1747). Ученик Ягана Гибнера. *РГИА, ф.466, оп.1, д.16.*

Иванов Карп (1738—1762). Синодальный певчий первой станицы. *РГИА, ф.796, оп.16, д.107; оп.18, д.57; оп.19, д.232; оп.43, д.389, л.4.*

Иванов Кирилл (1749). Придворный певчий. Бас. *РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.*

Иванов Константин (1748). Синодальный поддьяк третьей станицы. *РГИА, ф.796, оп.30, д.228.*

Иванов Михайла (1742—1749). Придворный певчий. Бас. С 1743 по 1749 г. получает жалованье 100 руб. *РГИА, ф.466, оп.1, д.58, л.120; д.62; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.*

Иванов Николай (1748). Придворный певчий. Служит в Петербурге, имеет собственный двор в Москве. *РГИА, ф.466, оп.1, д.78, л.102.*

Иванов Павел (1741). Придворный певчий. *РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.*

Иванов Петр (1738). Синодальный поддьяк пятой станицы. *РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.18, д.57; оп.19, д.232.*

Иванов Прокопий (1741). Придворный певчий. *РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.*

Иванов Семен (1738—1752). В 1738 г. — синодальный поддьяк шестой станицы, в 1748 г. — поддьяк второй станицы, в 1749 г. произведен в придворные певчие. Умер в 1752 г. *РГИА, ф.446, оп.1, д.87, л.113; ф.796, оп.19, д.232; оп.30, д.228.*

Иванов Сергей (1738—1762). Синодальный поддьяк второй станицы. *РГИА, ф.796, оп.19, д.232; оп.43, д.143.*

Иванов Степан (1749—1790). Сначала певчий придворный, затем певчий Рождественской церкви на Невском проспекте, оттуда определен дьячком в Вознесенскую церковь при Адмиралтейских слободах. *РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.*

Иванов Федор — см. Кочановский Федор Иванов

Игнатьев Алексей (1720—1730). Сначала придворный, затем синодальный певчий. Пострижен в монастырь. *РГИА, ф.796, оп.11, д.466; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.20.*

Иконников Никифор (1731—1742). Придворный певчий. Жалованье 25 руб. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.58, л.120; *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Иларион Тершковский (1741). Иеромонах Киево-Печерского монастыря. Выбран уставщиком придворного хора в 1741 г. *РГИА*, ф.796, оп.22, д.304.

Ильин Ефим (1786). Певчий Новгородского архиерейского дома. Переведен дьячком в Сухопутный кадетской корпус. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.13142.

Ильин Кирила (1748). Придворный певчий. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.78, л.102.

Ильин Матфей (1786). Певчий Петропавловского собора. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.13097.

Ильин Сидор (1735). Синодальный иподиакон. *ЦГИА СПб.*, ф.19, оп.1, д.1422, л.2.

Ильинский Степан (1740—1778). Певчий Вологодского архиерейского дома. Тенор. С 1748 г. — придворный певчий. *РГИА*, ф.834, оп.4, д.752, л.54; *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Иоасаф (1740—1746). Придворный «певчий иеромонах». Бас. 22 августа 1740 г. вытребован ко Двору из Белгородской епархии из Ахтырского монастыря, где был уставщиком. Жалованье 250 руб. Умер 15 июля 1746 г. *РГИА*, ф.466, оп.1, д.36, 62; д.68, л.11; д.71, л.46; ф.469, оп.14, д.2, л.131; ф.1109, оп.1, д.58, л.2.

Исаев (Искус) Иван (1731—1740). В 1731—1732 гг. — придворный певчий. Бас. Жалованье 80 руб. *РГИА*, ф.796, оп.13, д.81; *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Исаев Сергей (1736). Синодальный поддьяк. *РГИА*, ф.796, оп.17, д.53.

Казанец Алексей (1726). Придворный певчий, отправлен певчим в Казань. *РГИА*, ф.796, оп.7, д.85.

Казанец Гаврила (1720—1727). Придворный певчий. В 1726—1727 гг. жалованье 45 руб. *РГАДА*, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.82, л.468; д.89, л.325.

Казанец Федор Григорьев (20-е гг.). Певчий государев дьяк. *РГАДА*, ф.396, оп.2, д.3739.

Карамилев Филипп (1778). Придворный певчий. Тенор. *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Карасевич Симон (1770—1778). Придворный певчий. Тенор. *РГАДА*, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Карпенский Федор (1784—1793). Придворный певчий. *РГИА*, ф.469, оп.4, д.1990, л.1.

Карпов Григорий (1738). Синодальный поддьяк третьей станицы. *РГИА*, ф.796, оп.19, д.232.

Карпов Конон (1720—1738). Взят в придворные певчие из патриаршего или архиерейского дома. Возвращен в синодальные певчие в 1726 г. Выступает от лица прочих певчих с прошением о выдаче жалования (в 1720

г.). и о бытии Приказа церковных дел (в 1728, 1730 гг.). Умер в 1738 г. РГИА, ф.796, оп.6, д.351; оп.7, д.85; оп.9, д.135; оп.14, д.371; оп.19, д.67.

Карпов Кузьма (1730). Придворный певчий. РГИА, ф.1109, оп.1, д.59, л.157.

Кемский Иван (1792). Певчий Петропавловского собора. Становится дьячком того же собора. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.15287.

Кириллов Афанасий (1722). Архиерейский певчий. Обучал детей пению в Сампсониевском приходе. РГИА, ф.796, оп.3, д.926.

Кириллов Игнатий (1731). Придворный певчий. Жалованье 50 руб. РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Кириллов Козьма (1730). Придворный певчий, определен диаконом в Большой Успенский Московский собор. РГИА, ф.796, оп.11, д.291.

Кириллов Федор (1733). Певчий хора Елизаветы Петровны. Жалованье 70 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.30.

Клеветский Стефан (1771). Иподиакон Петропавловского собора. Определен дьячком в Воскресенский Новодевичий монастырь. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.7926.

Клементьев Семен (1731—1749). Придворный певчий. Тенор (бас ?). В 1731 г. жалованье 70 руб. В 1749 г.—100 руб. Выходит в отставку с чином уставщика. РГИА, ф.466, оп.1, д.62; д.143, л.14; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Ключарев Афанасий (1733—1738). Певчий. Бас. Взят в синодальный хор из Устюжского архиерейского дома. Уволен в Устюг в архиерейский дом в 1738 г. РГИА, ф.796, оп.14, д.64; оп.16, д.406; оп.19, д.162, 232, 284.

Козлов Михаил (1765). Нотный копиист. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.5911, л.3.

Козловский Иван (1786). Синодальный певчий, становится подканцеляристом в Синоде. РГИА, ф.796, оп.67, д.463.

Кондратьев Корней (1741). Придворный певчий. РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.

Константинов Филипп (1721). Певчий домовой церкви царицы Праксевы Федоровны, становится диаконом. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.95, л.2.

Коробский Андрей (1731—1741). Придворный певчий. В 1731 г. жалованье 30 руб. РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Коробский Петр (1774—1778). Придворный певчий. Тенор. РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Королькович Лукьян (1742). Придворный певчий, пожалован тафельдекером. РГИА, ф.466, оп.1, д.58, л.159.

Кочановский Федор Иванов (1721—1754). С 1721 г. служит в поддьяках синодального дома. С 1741 г.—придворный певчий. Бас. В 1741 г. отправляется в поездку на Украину за новыми певчими ко двору. В 1742 г. пожалован в дворянское достоинство. В 1743 г. получает жалованье 100 руб. В 1748 г. становится уставщиком. В 1749 г. жалованье увеличивается

до 230 руб. В 1752 г. «господин полковник» «бригадир» Кочановский требует его увольнения от службы. Отправляется в Прилуки. Пожалованы в украинском Гадяцком полку село Березовая Лука, хутор, пахотные земли и угодья и годовой пенсион 1000 руб. В Петербурге остается дом, в который пускает жильцов. Умер в 1754 г. Вероятно, именно ему принадлежал Ирмологий из собрания рукописей ЦНБ АН Украины (Ф. Духовной академии (Лебедев), 102). РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 58, л. 7; д. 62; д. 78, л. 88; ф. 469, оп. 14, д. 2, л. 131 об.; ф. 796, оп. 6, д. 3; оп. 17, д. 53; оп. 19, д. 232; оп. 24, д. 180; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 149, л. 2—14; ЦГИА Украины, ф. 59, д. 867, л. 6, 7, 9 об.

Крамаровский Аким Гордеев (1754—1778). Придворный певчий. РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 67, л. 16 об.; д. 96, л. 144 об.

Кривицкий Фома (1780—1797). Придворный певчий. РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 24, л. 62 об.—63.

Кубасов Иван (1720). Синодальный певчий, которому «быть повелено при Его Царском Величестве». РГАДА, ф. 9, оп. 3, д. 50, л. 20.

Кудлай Михаил (1738—1782). Придворный певчий. Тенор. Служил при дворе с 1738 г. Умер в 1782 г. РГИА, ф. 469, оп. 4, д. 1730; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 144 об.

Кудрявцев Петр (1771). Певчий Нижегородского архиерейского дома, определен в Воскресенский Новодевичий монастырь. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 8132, л. 9.

Кузмин Алексей (1789). Дьячок церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной. Обучал в приходском училище мальчиков нотному пению. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 14288, л. 17.

Кулбак Гордей (1763). Придворный певчий, «пожалован в музыканты». РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 6, л. 304 об.—305.

Кулишевский Дмитрий (1770). «Певчий-украинец российской соборной церкви». ЦГИА Украины, ф. 59, оп. 1, д. 6333, л. 15.

Кушнерев Михайла (1782—1792). Придворный певчий. РГИА, ф. 468, оп. 4, д. 1990, л. 1.

Ладунка Наум (1752—1782). Родился 4 декабря 1730 г. в Чернигове. В 1752 г. взят ко двору в певчие. Жалование 100 руб. В 1761 г. состоялась его свадьба с дочерью итальянского концертмейстера Мадониуса Елизаветой Леоновой. В 1777 г. — мундшенок и уставщик. В 1782 г. — придворный уставщик в ранге капитана. Скончался 21 июня 1782 г. «поутру в 10 часов». РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 100, л. 50; ф. 468, оп. 36, д. 38, л. 228; ф. 469, оп. 4, д. 1990, л. 2 об.; РГАДА, ф. 14, д. 96, л. 143, 144 об.

Лазарев Петр (173?—1748). В 30-е гг. — собственный певчий цесаревны Елизаветы. Тенор. Жалование 70 руб. В 1748 г. — уставщик, жалование 240 руб. РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 30; д. 78, л. 88; ф. 469, оп. 14, д. 2.

Лапинский Андрей (1794). Певчий хора митрополита Гавриила. Становится диаконом Ревельской Морской Симеоновской церкви. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 16372.

Лебедев Филипп (1784—1793). Придворный певчий. РГИА, ф.469, оп.4, д.1990, л.1.

Левицкий Николай (1770—1778). Придворный певчий. РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Левицкий Савва (1765). Придворный певчий. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.5913, л.б.

Леонтович Матвей (1794). Певчий, переведен в Петербургскую епархию из Белгородской. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16355, л.5.

Леонтьев Григорий (1770). «Певчий-украинец российской соборной церкви». ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.6333, л.15.

Леонтьев Михаил (1727—1749). Синодальный певчий. Бас. В 1749 г. — придворный диакон. РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.129 об.—130; ф.796, оп.8, д.267.

Леонтьев Осип (1749). В 1749 г. «пожалован в придворные певчие». РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.

Логинов Иван (1716). Певчий. РГИА, ф.815, оп.1, д.7, л.21—22.

Логинов Илья (1730). Придворный певчий. РГИА, ф.1109, оп.1, д.59, л.157.

Лозовицкий Алексей (1786). Иподиакон архиерейского дома. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.13369.

Лукин Федор (1749). Синодальный поддьяк, уволен «за несостоянием голоса». РГИА, ф.796, оп.30, д.229.

Лукьянин Лукьян (1790). Придворный певчий. РГИА, ф.469, оп.4, д.877.

Любистков Григорий (1743). Придворный певчий, пожалован в дворянское достоинство. РГИА, ф.796, оп.24, д.180.

Люстрицкий Василий (1735—1763). В 1735 г. уволен из придворного хора как «спавший с голоса». В 1744 г. — ученик Ягана Гибнера. В 1748 г. — музыкантский ученик. В 1752 г. — музыкант. В 1763 г. жалованье 200 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.16, л.65; д.76; ф.469, оп.14, д.2, л.85 об.—86; д.6, л.297 об.—298.

Макаров (1794—1799). Придворный учитель пения, пожалован в коллежские асессоры в 1799 г. РГИА, ф.469, оп.14, д.24, л.60 об.—61.

Макаров Николай (1796). Певчий Казанского собора, потом священник соборной церкви кн. Владимира. ЦГИА СПб., ф.1007, оп.1, д.40, л.4.

Макаровский Николай (1766). Певчий Петропавловского собора, потом иподиакон. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6457.

Максимов Иван (1720—1733). «Певчей Его Царского Величества» в 1720 г. Затем — псаломщик Троицкого собора. В 1733 г. — синодальный певчий. РГИА, ф.796, оп.14, д.22; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21.

Максимов Никифор (1723—1749). Певчий Казанского архиерейского дома, взят ко двору в 1723 г. В 1735 г. — синодальный поддьяк первой станицы. Умер в 1749 г. РГИА, ф.796, оп.16, д.107; оп.19, д.232; оп.30, д.228; РГАДА, ф.9, оп.4, д.65., л.233 об.

Максимов Петр (1723—1725). Певчий крутицкого архиерея, взят ко двору в 1723 г. В 1725 г. отпущен обратно. *РГИА, ф.466, оп.1, д.2, л.42; РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об.*

Максимович Андрей (1780). Певчий епископского хора Переяславской Бориспольской духовной консистории, отправлен в архиепископский хор в Петербург. *ЦГИА Украины, ф.990, оп.1, д.1451.*

Малой Алексей (1757). Синодальный поддьяк. Служил в церкви Харитона Исповедника. *РГИА, ф.834, оп.4, д.762, л.58 об.*

Матвеев Афанасий (1745—1748). В 1745 г. прибыл ко двору в певчие с Украины. Умер 3 декабря 1748 г. *РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.8; д.78, л.88.*

Матвеев Василий (1755—1795). В 1789 г. служил в церкви Симеона Странноприимца и Анны Пророчицы иподиаконом, обучал в приходском училище нотному пению. На сборнике рукописных трехголосных концертов собрания РНБ (ф.1260, Q-3) надпись: «Тверского кафедрального Преображенского собора ключаря Василия Матвеева писаны в Санкт-Петербурге в бытность его, ключаря, иподиаконом октября 1755 года». В том же рукописном собрании Ирмологий (ф.1260, Q-63) имеет запись (л.24): «Сей Ирмологий принесен Василием Матвеевым 1795». *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288, л.11.*

Матвеев Петр (1738—1762). Синодальный поддьяк, потом певчий второй станицы. Умер в 1762 г. *РГИА, ф.796, оп.17, д.124; оп.19, д.232; оп.43, д.149.*

Матвеев Федор (1720—1748). Придворный певчий, затем синодальный иподиакон. *РГИА, ф.796, оп.35, д.124; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.89, л.326.*

Матвеев Яков (1760). «Певческий учитель» придворных певчих в Петергофе. Определен в Петергофскую придворную церковь диаконом. Родом из Новгорода. Отец — певчий новгородского митрополита Димитрия. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14531, л.5.*

Матфиев Григорий (1793). Канонарх Александро-Невского монастыря, определен дьячком в церковь св. Пантелеймона. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.15723.*

Миронов Яков (Яким) (1731—1745). Придворный певчий. Бас. В 1731 г. жалованье 80 руб. В 1743 г. жалованье увеличивается до 100 руб. Умер 15 августа 1745 г. *РГИА, ф.466, оп.1, д.58, л.9, 120; д.62; д.68, л.88; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.*

Михайлов Алексей (1794). Певчий Петропавловского собора. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16036.*

Михайлов Максим (1744). Придворный певчий. Бас. *РГИА, ф.1109, оп.1, д.59, л.158.*

Михайлов Петр (1738). Синодальный поддьяк четвертой станицы. *РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.19, д.232.*

Михайлов Степан (1745). Придворный певчий. *РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.8.*

Михайловский Петр (1794). Певчий Петропавловского собора. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16203.

Модовницкий Федор (1795). Певчий архиепископа, определен в монастырь канонархом. РГИА, ф.815, оп.7, д.21.

Москвин Сергей (1765). Певчий консистории, переведен в диаконы церкви Симеона и Анны. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6221, л.6; ф.2263, оп.1, д.31, л.41.

Мултянский Василий (1731). Придворный певчий. Жалованье 50 руб. РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Мултянский Яков (1735—1749). Был студентом Киевско-Могилянской академии, архиерейским певчим в Киеве. В 1735 г. взят певчим в придворный хор. При дворе служил до 1741 г. В 1749 г. стал священником Петропавловской церкви в Петергофе. РГАДА, ф.18, оп.1, д.144, л.44 об.

Нарушевич Алексей (1770). «Певчий-украинец российской соборной церкви». ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.6333, л.15.

Наумов Роман (1745). Придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.8.

Нелюбов Лука (1723). Придворный певчий. РГАДА, ф.396, оп.2, д.3744.

Немировский Григорий (1754—1799). Придворный певчий. Тенор. Служил при дворе с 1754 г. В 1799 г. становится коллежским асессором. РГИА, ф.469, оп.14, д.24, л.60 об.—61; РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Неофит (1749). Иеродиакон. Служил в придворном певческом хоре. РГИА, ф.466, оп.1, д.144, л.69 об.—70 об.

Нижегородец Андрей (1720—1740). Служил певчим при царском дворе с 1720 г. В 1727 г. получает жалованье 80 руб. В 1729 г. становится придворным уставщиком. Умер в 1740 г. РГИА, ф.796, оп.9, д.274; оп.10, д.388; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.89, л.325; ф.248, оп.58, д.2489, л.155.

Нижегородец Яков (1720—1730). Придворный певчий. В 1727 г. жалованье 73 руб. РГИА, ф.1109, оп.1, д.59, л.157; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.24; оп.4, д.89, л.325.

Никитин Андрей (1726). Синодальный иподиакон. РГИА, ф.796, оп.6, д.245; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.1422, л.2.

Никитин Василий (1718—1755). С 1718 г. — «дому Царского Величества певчий» в Петербурге. В 1720 г. просит отдать ему описанный дом Сергея Гордеева (посадского человека) на Посадской улице. Жалованье по 40 руб. и хлеба по 18 четвертей получал до 1726 г. Уставщик Иван Протопопов от сего жалованья Василия Никитина «отрешил», так как тот был определен к Адмиралтейству корабельным учеником. В связи с этим «певческую должность не весьма исполняет», «Псалтыри не читал, к панихидам и литургии, кроме воскресных дней, не ходит». В 1755 г. — синодальный поддьяк. Переведен из второй в первую станицу. РГИА,

ф.796, оп.36, д.75; ф.815, оп.2, д.175; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.18; оп.4, д.82, л.351—352.

Никитин Ефим (1741—1743). Придворный певчий. *РГИА, ф.466, оп.1, д.58, л.120.*

Никитин Иван (1738—1769). Синодальный поддьяк, служит в церкви Харитона Исповедника. В 1769 г. участвует в составлении Обихода, пред назначенного для печати. *РГИА, ф.796, оп.19, д.232; оп.30, д.544; ф.834, оп.4, д.762, л.58 об.; ф.1109, оп.1, д.166, л.28.*

Никитин Константин (1738—1749). Синодальный поддьяк, определяется священником в Московскую епархию. *РГИА, ф.796, оп.19, д.232; оп.30, д.412.*

Никифоров Федор (1727—1738). «Певчий Ея Императорского Величества». Бас. Жалованье 92 руб. 75 коп. Затем — синодальный иподиакон. *РГИА, ф.796, оп.8, д.267; оп.19, д.232; ф.1109, оп.1, д.59, л.157; РГАДА, ф.248, оп.58, д.2489, л.155 об.*

Николаев Иван (1789). Дьячок церкви Симеона Странноприимца. Учил в приходском училище пению. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288, л.11.*

Новгородец Федор (1732). Синодальный певчий второй станицы, переведен в первую станицу «за петербургские поездки и труды». *РГИА, ф.796, оп.13, д.87.*

Новоселицкий Лукьян (1730). Дворцовый крестовый певчий дьяк. *РГИА, ф.796, оп.11, д.264.*

Осипов Алексей (1793). Канонарх Александро-Невского монастыря, определен дьячком в Успенскую церковь на Сенной. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.15825.*

Осипов Иван (1749). В 1749 г. произведен в придворные певчие. *РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.*

Осипов Михаил (1720—1726). В 1720 г. «быть повелено при Его Царском Величестве». Взят ко двору из синодальных певчих, жалованье получает из синодального дома. В 1728 г. — синодальный певчий первой станицы, просит о «бытии ему у ставленнических дел». *РГИА, ф.796, оп.6, д.351; оп.7, д.85; оп.9, д.633; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.20.*

Осипов Сергей (1780—1792). Воспитанник Академии художеств. Автор многоголосных певческих композиций: «Единородный Сыне», «Херувимская», концерт «Боже, внегда ходити тебе». *РГИА, ф.1119, оп.1, д.60.*

Павлов Антон (1748). Придворный певчий. *РГИА, ф.466, оп.1, д.78, л.102.*

Павлов Григорий (1736). Синодальный поддьяк второй станицы. *РГИА, ф.796, оп.17, д.212; оп.18, д.57; оп.19, д.232; оп.24, д.77.*

Павлов Иван (1743—1754). Придворный певчий. Тенор. В 1743 г. жалованье 100 руб. В 1745 г. был при императорском дворце старшим певчим. В 1749 г. жалованье его составляло 100 руб. В 1754 г. женился на княгине Прасковье Степановне Шахонской. Имел долг 1149 руб. 67 коп., который был оплачен из Кабинета. *РГИА, ф.466, оп.1, д.62; ф.469, оп.14, д.2, л.131*

об.; РГАДА, ф.14, оп.1, д.167, л.1, 166; ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.1267, л.3.

Павлов Игнатий (1741). Придворный певчий. Посвящен в диаконы и определен «к церкви св. Николая, что называется Морская полковая». РГИА, ф.796, оп.22, д.62.

Парфеньев Степан (1731). Придворный певчий. Жалованье 70 руб. РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Пашкевич Василий (1763). Придворный певчий, пожалован в музыканты. РГИА, ф.469, оп.14, д.6, л.304 об.—305.

Петров Алексей (1749). Придворный псаломщик. Обучал малолетних певчих. РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.130 об.—131.

Петров Антон (1741). Придворный певчий. РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.

Петров Василий (1720). Взят ко двору в певчие из Крутицкого архиерейского дома. РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.23.

Петров Егор (1787). Певчий Казанской церкви на Невском проспекте, определен дьячком в церковь Сопшествия Духа при Академии художеств. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.13639.

Петров (Поповский) Иван (1714—1756). Служил у гетмана Скоропадского, а потом при Екатерине I «певчей хоровой музыки головщиком». Затем «реентом певчих» цесаревны Елизаветы Петровны. В 1733 г. получает жалованье уставщика 100 руб. Живет в Петербурге на Адмиралтейском острове, «прошед Греческую улицу». Пишет «тетради и книги скорописные и уставные». В 1741 г. вместе с прочими певчими, служившими при цесаревне, входит в придворный певческий хор (в соединении с певчими императрицы Анны Иоанновны). За долговременную службу при дворе в 1745 г. «пожалован в Стародубский полк в сотники». В 1756 г. Иван Петров — придворный священник. Известна рукопись (нотный Ирмологий), написанная Иваном Петровым (Поповским) в Санкт-Петербурге в 1725 г. (ОР РНБ, ОСРК, ф.1-863). РГИА, ф.466, оп.1, д.30; д.58, л.120; ф.469, оп.14, д.5, л.19 об.—20; ф.1109, оп.1, д.59, л.158; РГАДА, ф.7, оп.1, д.416, л.7.

Петров Иван (1738). Синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.17, д.53; оп.19, д.232; оп.30, д.210.

Петров Никита (1738). Синодальный поддьяк шестой станицы. РГИА, ф.796, оп.19, д.232.

Петров Николай (1741). Придворный певчий. РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1.

Петров Осип (1759). Синодальный поддьяк, назначен певчим. РГИА, ф.796, оп.40, д.238.

Петров Петр (1795). Певчий Новгородского архиерейского дома. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16742.

Петров Федор (1738—1749). Привезен ко двору в придворные певчие с Украины в 1738 г. В 1748 г. — придворный певчий. *РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.; ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.6718, л.13 об.*

Подольский Матвей (1741). Придворный певчий. Постригся в Киево-Печерский монастырь. *РГИА, ф.796, оп.22, д.102.*

Половинка Михайло (1749—1778). Придворный певчий. Тенор. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.*

Полторацкий Василий (1793). Малолетний придворный певчий. *РГИА, ф.469, оп.4, д.1990, л.1.*

Полторацкий Марк Федоров (1745—1795). Родился 17 апреля 1729 г. на Украине. Происходил из мелкопоместных украинских дворян, учился в Киевской духовной академии. Был взят графом Разумовским в Петербург в придворный певческий хор. Прибывает в Петербург в 1745 г. Указом от 25 марта 1753 г. причислен к «итальянской компании», и его «повелено приводить с прочими итальянскими комнатными певчими и музыкантами». Полторацкомудается огромное (по сравнению с прочими певчими) жалованье — 500 руб. В 1758 г. Марк Полторацкий становится полковником и уставщиком придворного хора. В 1761 г. емудается необыкновенно большое для уставщика жалованье — 1000 руб. В 1791 г. Полторацкому жалуется еще одна царская милость — чин действительного статского советника. Годы управления Полторацким придворным певческим хором отмечены активным участием певчих в оперных постановках и значительным увеличением количества штатных певчих. 13 апреля 1795 г. после 50-летней службы при дворе Марк Полторацкий умирает. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. *РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.8; д.93, л.135—135 об.; д.106, л.48; ф.469, оп.4, д.1900, л.2 об.; РГАДА, ф.19, оп.1, д.182, ч.2, л.493.*

Понырко Федор (1780—1793). Придворный певчий, привезен в 1780 г. с Украины. В 1797 г. — титулярный советник. *РГИА, ф.469, оп.4, д.1796, 1990; ф.469, оп.14, д.24, л.62 об.—63.*

Попов Андрей (1752). Синодальный поддьяк пятой станицы. *РГИА, ф.796, оп.33, д.141.*

Попов Иван (1748—1752). Синодальный поддьяк третьей станицы. *РГИА, ф.796, оп.30, д.228; оп.33, д.141.*

Попов Федор (1727—1749). Поддьяк церкви Всех Святых при Новгородском архиерейском подворье. Определяется дьячком в Рождественскую церковь. В 1749 г. становится священником в Митаве. *РГИА, ф.796, оп.30, д.386; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.610, л.4.*

Постовойтов Ефим (1750—1759). Придворный певчий с 1750 г. В 1759 г. назначен священником церкви Покрова в город Ахтырка Белгородской епархии. *РГИА, ф.796, оп.40, д.94.*

Потапов Василий (1794). Архиерейский певчий, переведен из Белгородской епархии. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16355, л.5.*

Прийма Григорий (1787). В 1787 г. принят ко двору в придворные певчие. Бас. РГИА, ф.466, оп.1, д.168, л.9.

Прокопьев Иван (1737—1738). Синодальный поддьяк. РГИА, ф.796, оп.18, д.57, 386.

Протопопов Алексей (1719—1727). Брат придворного уставщика Ивана Протопопова. С малых лет, с 1700 г., находился на службе при Рязанском архиерейском доме в качестве певчего при митрополите Стефане. Был взят Петром I ко двору, сопровождал его в походах в числе других певчих. В 1719 г. — «певчий дьяк Его Величества». Пройдя с начала певческой службы все шесть станиц, положенных для синодальных поддьяков, получает звание певчего первой станицы. В 1724 г. Алексею Протопопову передается певческий оклад пожалованного в уставщики Ивана Протопопова. В том же году обращается с челобитной о пожаловании ему дома в Москве в приходе церкви Михаила Архангела. В 1726 г. получает при дворе жалованье 73 руб. В 1727 г. из Петербурга направляется в Москву. В 1726—1728 гг. был помимо придворной службы в диаконах Благовещенского собора в Москве. В 1738 г. назначается иподиаконом синодального дома. РГИА, ф.796, оп.8, д.107; оп.19, д.168, 232; ф.815, оп.2, д.37; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.20; оп.4, д.68; д.69, л.116, 482; д.82, л.468; д.89, л.325; ф.248, оп.58, д.2489, л.155 об.

Протопопов Иван (1712—1729). Взят из патриарших певчих в Петербург к царскому двору в 1712 г. В 1715 г. просит в приказе Церковных дел в Москве деньги на постройку дома в Петербурге. Из приказа ему даются 287 руб. 25 алтын 1 деньга. 6 ноября 1719 г. «певчий дьяк» Иван Протопопов просит разрешения купить дом дворцового подьячего Луки Минина за 200 руб. Дом находится «за Малою Невой» «возле моей братии». Успешно «сторговал хоромы» в том же году. Выходит из певческого хора в подьячие, затем в уставщики в 1724 г. В 1726 г. — «надворный уставщик». В должности уставщика занимается «освидетельствованием» и определением в состав придворного хора новых певчих. В 1727 г. емудается жалованье 80 руб. да хлеба 18 юфтей в год. Умер, вероятно, в 1729 г. Певческие книги, оставшиеся после Петра I, находились в доме Протопопова в Петербурге; в 1729 г. по челобитной нового уставщика Нижегородца они высланы в Москву. Сохранились партесные рукописи, писанные «надворным уставщиком» Иваном Протопоповым. Среди них: РГАДА, ф.396, оп.2, ч.7, д.3737, 3738, 3740, 3744, 3747, 3763, 3766. На этих рукописях имеются надписи, аналогичные следующей (д.3763): «Сии книги сочинены и написаны на славное пожелание и прилежную охоту Его Императорского Величества Петра Великого Августейшего самодержца Всероссийского тщанием и прилежнотщательным трудоположением уставщика Ивана Михайловича Протопопова». РГИА, ф.796, оп.4, д.511, 588; оп.6, д.15, 49; оп.9, д.274, 296; оп.10, д.388, 447; ф.815, оп.2, д.25; ф.1119, оп.1, д.66, л.58; РГАДА, ф.9, оп.3, д.25, л.369; д.44, л.205; оп.4, д.69, л.116; д.82, л.468; д.89, л.325.

Прядка Семен (1731—1732). Певчий «дому Ея Императорского Величества». Жалованье в 1731 г. 80 руб. *РГИА, ф.466, оп.1, д.11; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.*

Роговский Осип (1750—1778). Придворный певчий. Умер в 1782 г. *РГИА, ф.469, оп.4, д.1759; РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.*

Родионов Лука (1720—1726). Патриарший певчий, служил при царском дворе с 1720 г. Получал жалованье из синодального дома 2 руб. и хлеб. Служил певчим при дворе до 1726 г., когда отправился в Троице-Сергиев монастырь приказным. *РГИА, ф.796, оп.6, д.3, 351; оп.7, д.39; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.26.*

Ростовец Дмитрий (1738). Синодальный певчий второй станицы. *РГИА, ф.796, оп.19, д.232.*

Ростовец Иван (1730—1747). Придворный певчий. Взят из покоев Анны Иоанновны. Умер 27 апреля 1747 г. *РГАДА, ф.248, оп.58, д.2489, л.150, 151.*

Ростовец Лев (1720—1727). «Певчий Его Царского Величества» в 1720 г. В 1727 г. имел жалованье 20 руб. *РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.89, л.325.*

Ростовец Роман (1701). «Певчей Его Величества». Писец певческой книги. *РГАДА, ф.396, оп.2, д.3762.*

Рубановский Кирилл Степанов (1733—1748). Собственный певчий цесаревны Елизаветы Петровны в 1733 г. Тенор. Жалованье 60 или 55 руб. В 1743 г. пожалован в дворянское достоинство. В 1748 г. — придворный уставщик. Жалованье 230 руб. *РГИА, ф.466, оп.1, д.30; д.78, л.88; ф.796, оп.24, д.180.*

Рязанцев (Рязанец) Никита (1719—1732). В 1719 г. — «певчий дьяк Его Величества». В 1726 г. определен на место в духовное ведомство («бывший певчий»). Звание — синодальный певчий первой станицы. Умер в 1732 г. *РГИА, ф.796, оп.7, д.85; оп.13, д.87; ф.815, оп.2, д.175.*

Савицкий Иван Федоров (1744—1778). Привезен с Украины. Служил при дворе с 1744 г. Просил о награждении чином уставщика в 1778 г. *РГИА, ф.466, оп.1, д.68, л.8; д.81, л.48; РГАДА, ф.14, оп.1, д.167, л.166; д.96, л.144 об., 147.*

Савичевский Матвей (1750—1778). Придворный певчий. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.*

Самойлов Василий (1749). Придворный певчий. Тенор. Жалованье 60 руб. *РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.*

Свергунов Трофим (1798). Определен в придворные певчие в 1798 г. *РГИА, ф.469, оп.4, д.1441.*

Святский Анисим (1771). Певчий архиерейского хора, бывший дьячок церкви Благовещения на Васильевском острове. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.8027.*

Селиверстов Павел (1731—1749). Придворный певчий. Бас. Жалованье 70 руб. В 1743 г. жалованье увеличивается до 100 руб. В 1749 г.

определен из придворных певчих в соборные иеромонахи Киево-Печерской лавры. РГИА, ф.466, оп.1, д.58, л.120; д.62; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.; ф.796, оп.30, д.557; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Семенов (1718—1722). Придворный певчий с 1718 г. Определен диаконом Исаакиевской церкви в 1722 г. РГИА, ф.796, оп.3, д.900.

Семенов Алексей (1725—1754). Синодальный поддьяк, с 1738 г. певчий первой станицы. Умер в 1754 г. РГИА, ф.796, оп.6, д.3; оп.18, д.386; оп.35, д.124.

Семенов Иван (1786). Певчий Петропавловского собора. Определен в домашнюю церковь гр.Румянцевой дьячком. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.13309.

Семиздралов Пилип (1770). «Певчий-украинец российской соборной церкви». ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.6333, л.15.

Сергеев Григорий (1789). Дьячок церкви Благовещения на Васильевском острове. Обучал в народном училище пению. Пели «церковное, партесы и концерты». ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288, л.15.

Сергеев Никита (1738). Синодальный поддьяк четвертой станицы. РГИА, ф.796, оп.18, д.57, 386; оп.19, д.232.

Сибиряк Дмитрий (1727). «Певчей Его Царского Величества». Жалованье 73 руб. РГАДА, ф.9, оп.4, д.89, л.325.

Сидоров Алексей (1767). Певчий архиепископа. Определен в диаконы, затем в священники домовой церкви гр.Н.А.Румянцевой. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6741.

Сидоров Иван (1760). «Партесного пения певчий» архиерейского хора Александро-Невского монастыря, обучал там певчих нотному пению. РГИА, ф.815, оп.5, д.85, л.13.

Симонов Степан (1735). Синодальный певчий. РГИА, ф.796, оп.16, д.107.

Синявский Григорий (1758). Приглашен из Киева в Александро-Невский монастырь «для учительства певчего». РГИА, ф.815, оп.5, е.85.

Скворода Григорий Савельев (1742—1744). Украинский поэт и философ. Родился в 1722, умер в 1794 г. Отец — священник церкви села Чернуха Киевского наместничества Лубенского округа. Здесь Григорий Скворода пел с раннего детства на клиросе. В 1742 г. был взят певчим Гаврилой Головней в числе прочих певчих ко двору в Петербург. Служба в придворном хоре была недолгой. В 1744 г. альт Григорий Скворода был награжден 25 руб. и отпущен на родину. По свидетельству исследователя церковного пения А.Преображенского, «есть указания на то, что Скворода учил церковным напевам Головню» и что Сквороде «молва приписывает введение в круг придворного пения Херувимской на „Радуйся“». РГИА, ф.466, оп.1, д.30, л.37; д.58, л.122а; ф.1109, оп.1, д.44; ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.19254, л.136—137.

Славницкий Василий (1766). Певчий, переведен дьячком в церковь Морского кадетского корпуса. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6575.

Смертин Петр (1725). Певчий Устюжского архиерейского дома в Петербурге. В собрании рукописей РНБ хранится нотный Обиход (ф.1260, Q-75) с распевом «Чашу спасения приими», с надписью «греческа приклад Смертина» (л.64 об.). *РГАДА, ф.1206, оп.2, д.644.*

Смордовский Яким (1767). Придворный певчий. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6794.*

Соболев Ануфрий (1786). Канонарх Александро-Невского монастыря. Определен дьячком в село Парголово. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.13302.*

Соколовский Иван (1777). Привезен с Украины в придворный хор. По доношению Марка Полторацкого, «посажен был за предерзости его на хлеб и воду... Оной Соколовский предерзостно говорил слова такие: „Если-де меня вышлют без апшита, то я зделаюсь разбойником, как Пугачев, и поеду в чужие края и тамо назовусь Павлом Петровичем”». Отправлен на родину к отцу. *РГАДА, ф.7, оп.1, д.2473.*

Сорока Василий (1753). «Вновь прибывший из чужих красв певчий малоросс», «певчей, который поет по италиянски, малоросс». *РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.52, 64.*

Стариков Игнатий (1731). Придворный певчий. Жалованье 30 руб. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.*

Степанов Павел (1749). Придворный певчий. *РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.*

Степановский Осип (1749—1778). Придворный певчий. Тенор. *РГИА, ф.469, оп.14, д.5, л.188 об.—189; РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.*

Степановский Степан (1780). Сын священника города Переяславля. Отправлен в придворный хор. *ЦГИА Украины, ф.990, оп.1, д.1452.*

Стешин Николай (1763). Певчий Казанского архиерейского дома, переведен в Петропавловский собор. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.5442, л.7.*

Стожка Степан (1784—1793). Придворный певчий. *РГИА, ф.469, оп.4, д.1990, л.1.*

Столяревский Петр (1794). Церковный певчий, переведен в Петербург из Белгородской епархии. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16355, л.5.*

Стоцкий Герасим (1787—1794). Придворный певчий, привезен с Украины в 1787 г. В 1794 г. — титулярный советник. *РГИА, ф.469, оп.14, д.24, л.62 об.—63.*

Сукачев Григорий (1794). Архиерейский певчий, переведен в Петербург из Белгородской епархии. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16355, л.5.*

Тарасеев Яков (1731). Придворный певчий. Жалованье 60 руб. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.*

Тимофеев Александр (1786). Певчий Петропавловского собора. *ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.13356.*

Тимченко Андрей (1772—1778). Придворный певчий. *РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.*

Тимченко Афанасий Андреевич (1769). В 1769 г. уволен из придворного хора с чином придворного уставщика. *РГИА, ф.466, оп.1, д.121, л.13.*

Тимченко Яков (1754—1799). Певчий придворного хора с 1754 г. Жалованье 60 руб. В 1762 г. получил прибавку к жалованью в 40 руб. за участие в итальянской компании. В 1782 г. пожалован из больших певчих в уставщики с чином мундшенка. В 1796 г. пожалован чином камер-фурьера. В 1799 г. — придворный уставщик. РГИА, ф.466, оп.1, д.197, л.21; ф.469, оп.4, д.1744; оп.14, д.24, л.60 об.—61; РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Тихонов Иродион (1722—1729). Иподиакон певческого хора архиепископа Феофана Прокоповича. Инспектировал петербургских учителей нотного пения в 1722 г. РГИА, ф.796, оп.3, д.926; оп.15, д.44, л.8; ф.815, оп.4, д.5.

Тихонов Семен (1741—1749). Придворный певчий. Тенор. В 1749 г. жалованье 100 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.58, л.120; д.63, л.36; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.

Томилин Илья (1740). Уставщик придворного хора. Жалованье 250 руб. РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.1 об.; РГАДА, ф.248, оп.58, д.2489, л.155.

Точанский (Лем) Михаил (Михайло) (1731—1764). Служил в придворном хоре с 1731 г. Бас. Жалованье 60 руб. В 1749 г. жалованье увеличено до 100 руб. В 1764 г. становится уставщиком. РГИА, ф.466, оп.1, д.30, л.88; ф.469, оп.14, д.2, л.131 об.; ф.1109, оп.1, д.59, л.158 об.; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Трипольский Петр (1740—1778). Придворный певчий. Тенор. РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.

Третьяковский Василий (1789). Дьячок Андреевской церкви. Обучал в приходе нотному пению. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288, л.14.

Трофимов Никита (1792). Иподиакон Петербургского архиерейского дома. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.15540.

Ульянов Василий (1720). «Певчей Его Царского Величества». РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.24.

Устинов Иосиф (1723). Придворный певчий. Родом из города Ромны. Мать освобождена от налогов и податей. РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.395.

Федоров Емельян (1723). Певчий Нижегородского архиерейского дома. Взят в певчие ко двору. РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.233 об.

Федоров Иван (1735). Синодальный поддъяк. РГИА, ф.796, оп.15, д.44, л.7 об.; оп.16, д.28.

Федоров Михаил (1757). Синодальный поддъяк, служил при церкви Харитона Исповедника. РГИА, ф.834, оп.4, д.762, л.58 об.

Федоров Петр (1725—1748). Синодальный иподиакон (1725 г.), придворный певчий (с 1743 г.). Тенор. Жалованье 100 руб. РГИА, ф.466, оп.1, д.62; д.78, л.102; ф.796, оп.6, д.3; оп.15, д.44, л.7, 16; оп.19, д.440; ф.834, оп.4, д.754, л.5.

Федоров Прокопий (1749). Произведен в придворные певчие. РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.

Федоров Степан (1789). Дьячок церкви Введения Пресвятой Богородицы. Обучал учеников приходского училища нотному пению. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288, л.16.

Федоров Федор (1738—1749). В 1738 г. синодальный поддьяк третьей станицы. В 1749 г. — придворный певчий. РГИА, ф.466, оп.1, д.114, л.69 об.—70 об.; ф.796, оп.19, д.232.

Федосьев Иван (1725—1733). Синодальный поддьяк, потом певчий второй станицы. РГИА, ф.796, оп.6, д.3; оп.14, д.48.

Федотов Алексей (1756). Канонарх Благовещенского собора Александро-Невского монастыря, определен во Владимирскую церковь в Придворных слободах дьячком. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д. 4194, л.5.

Филиревич Петр (1763). Придворный певчий. Пожалован в музыканты. Жалованье 100 руб. РГИА, ф.469, оп.14, д.6, л.304 об.—305.

Хоржевский Иван (1740—1742). Певчий гр. Головина. Определен в придворную школу по указу 1740 г. В 1742 г. становится пономарем Петропавловского собора. РГИА, ф.796, оп.23, д.1133.

Хоцятовский Лаврентий (1740-е—1766). Уставщик придворного певческого хора в 40-е гг. Бас. В 1761 г. определяется архимандритом Троице-Сергиевой лавры. В 1761 г. он освящает собор Св. Троицы в Троице-Сергиевой пустыни возле Петербурга, в 1763 г. — еще один придел в этом соборе. Став архимандритом, Лаврентий Хоцятовский стремится создать в Троице-Сергиевой лавре хор, наподобие придворного. 12 октября 1761 г. он обращается с посланием преосвященному Арсению, митрополиту Киевскому и Галицкому: «Милостивый отец и архипастырь! Непременная Вашего преосвященства ко мне благосклонность усугубляют ежедневно оное высокопочитание, которое я к Вашему преосвященству имею; и чем более чувствую особливые Вашего преосвященства благодеяния, тем напаче оныя превышают мою благодарность. Но чтобы действительно доказать Вашему преосвященству, что и всегда оную в памяти своей имею, то долг почитаю донести Вашему преосвященству, что я всевышнего промыслом и высочайшим всемилостивой нашей государыни благоволением удостоин быть архимандритом великия Свято-Троицкаго Сергиевой лавры. Сия высокоповеренная должность обязывает меня изыскивать всякия средства, служащие к прославлению сея знатная лавры. И так Вашему преосвященству прошу приказать выбрать для лавры хороших певчих басов, теноров, альтов и дышкантов до шести человек, а буди возможно, и более, и в непродолжительном времени прислать ко мне в Санкт-Петербург нащет лаврского кошта, чем единственно соизволите, Ваше преосвященство, возобновить Свято Троицкой лавре красоту, а мене в том уверите, что я имею щастие в непременной Вашего преосвященства милости навсегда остатися, коей теперь препоручаю себя и архипастырскому Вашего Преосвященства благословению. Со всегдашним моим почтением пребываю Вашего преосвященства моего милостивого отца архипастыря всегдашний слуга и богомолец Троице-Сергиевой лавры

архимандрит Лаврентий Хоцятовский. Санкт-Петербург 1761 год октября 12 дня». Певчие были присланы в Петербург. Умер Лаврентий Хоцятовский на 46-м году жизни в 1766 г. РГИА, ф.834, оп.4, д.815, 816; д.821, л.29, 26 об.; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.5659; ЦГИА Украины, ф.127, оп.1024, д.1256, л.37; ф.990, оп.1, д.338.

Чеботарев Нестор (1790). Придворный певчий. РГИА, ф.469, оп.4, д.794.

Чернявский Тимофей (1792). Придворный певчий. Умер в 1792 г. РГИА, ф.469, оп.4, д.1007.

Чигринский Матвей (1763). Певчий домовой церкви Благовещения кн. Д.М. Голицына. Произведен в священники. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.5493, л.10.

Чижевский Петр (1743). Придворный певчий, пожалован в дворянское достоинство. РГИА, ф.796, оп.24, д.180.

Шабаловский Василий (1757). Синодальный поддьяк. Служит в церкви Харитона Исповедника. РГИА, ф.834, оп.4, д.762, л.58 об.

Шаула Мойсей (1749—1752). В 1749 г. придворный певчий Мойсей Шаула играет свадьбу. В 1752 г. становится поручиком Полтавского полка. РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.40; ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.2460, л.89.

Шелковников Алексей (1761—1769). Родился в 1743 г. Сын священника церкви Благовещения в Александро-Невском монастыре. Учился в Невской семинарии. Обучился петь и был певчим. Также обучен латыни и риторике. С 1761 г. был певчим церкви Захария и Елизаветы, что при запасном дворце. В 1765 г. определен для обучения малолетних пению и грамоте в Петергофе. Жалование 120 руб. В 1767 г. стал диаконом Петровпавловской придворной церкви Петергофа, где учил придворных певчих пению и грамоте. Произведен в диаконы церкви Знамения Пречистой Богородицы в Петергофе в 1769 г. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6834, л.18.

Щербацкий Василий (1718—1735). Был певчим кн. А.Д. Меншикова и по его рекомендации был назначен священником Оранienбаумской Троицкой церкви. В 1735 г. становится священником церкви в городе Потсдаме. РГИА, ф.796, оп.8, д.233; оп.16, д.285; оп.17, д.337; ф.815, оп.4, д.71, л.3.

Щербацкий Тимофей (1706). Родился в местечке Триполье на Днепре в 1698 г., наречен Тихоном. В отрочестве был отдан в Киевскую духовную академию. Во время посещения Киева Петром I в 1706 г. обратил на себя внимание царя отличным певческим голосом и был отправлен в придворный хор. По «спадении с голоса» Тихон Щербак возвращается в Киев, продолжает учение в академии. После пострижения становится нотарием Софийского собора, затем игуменом и впоследствии митрополитом (1747—1757). Имя его встречается в певческих рукописях: надпись на внутренней стороне переплета одного из поголосников сборника партесных концертов собрания ЦНБ АН Украины (44П/118—4), в нотном Ирмо-

логии, переданном по его благословению в дар церкви Петра и Павла села Борщаговка Петропавловская в 1755 г. (ф. Духовной академии (Лебедев), 87, л. 53).

Широконевич Андрей (1761). Придворный певчий, определен музыкантам. РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 6, л. 298 об.—299.

Шкляров Демид (1793). Придворный певчий. Умер в 1793 г. РГИА, ф. 469, оп. 4, д. 1135.

Шорох Иван (1727). Придворный певчий. Жалованье 40 руб. РГАДА, ф. 9, оп. 4, д. 89, л. 326.

Шорохов Алексей (1737). Синодальный певчий. РГИА, ф. 796, оп. 18, д. 330.

Шпунтовский Иван (1735—1748). В 1735 г. — певчий придворного хора. С 1744 г. — ученик музыканта Ягана Гибнера. В 1748 г. — музыкантский ученик. Жалованье 100 руб. РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 16, л. 65; д. 76; ф. 469, оп. 14, д. 2, л. 85 об.—86.

Шушерин Емельян (1722—1749). Синодальный певчий. Ко двору был взят в 1722 г. В 1726 г. жалованье 36 руб. 50 коп. В 1749 г. Шушерину дан оклад умершего уставщика Нижегородца. В рукописном собрании Оружейной палаты РГАДА хранятся партесные сочинения, написанные Емельяном Шушериным (ф. 396, оп. 2, ч. 7, д. 3741, 3742). РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 59, л. 157; РГАДА, ф. 9, оп. 4, д. 82, л. 468; ф. 248, оп. 58, д. 2489, л. 150—151.

Шушерин Иван (1726). «Певческих книг писец», придворный певчий. В 1726 г. определен к Ямской церкви пономарем. РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 752, л. 53; ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 579, л. 4.

Якимовский Григорий (1771). Певчий архиерейского хора. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 8127.

Яковлев Виктор (1774—1778). Придворный певчий. Бас. РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 144 об.

Яковлев Федор (1749). Придворный псаломщик, «пожалован в певчие». РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 2, л. 130 об.—131.

Якубовский Петр (1756). Придворный певчий, определен священником в Введенскую церковь Семеновского полка. ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 4158, л. 11.

Яновский Максим (1770). Певчий домашней церкви гр. А. Г. Разумовского, определен в диаконы. РГИА, ф. 796, оп. 19, д. 232; ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 7706, л. 4.

Яновский Михаил (1742). Певчий хора киевского архимандрита Рафаила, отправлен ко двору в Петербург. Бас. ЦГИА Украины, ф. 59, оп. 1, д. 838.

Ярошевич Степан (1730). Дворцовый крестовый певчий дьяк. РГИА, ф. 796, оп. 11, д. 264.

КЛИРОШАНЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Александр Заузольский (1721—1725). Иеродиакон. «Пишет скорописью, уставом и нотное». Родился в 1691 г. «Нижегородской губернии подьяческий сын». Монашество принял в Троицком Александро-Свирском монастыре в 1716 г. *РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.9 об., 12, 13.*

Александр Павловский (1749—1752). Иеродиакон. Прислан в Петербург из Киево-Мижигорского монастыря. *РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.19; ф.815, оп.5, д.147.*

Александр (в миру Иоанн) Синяговский (1744). Иеромонах. «Искусства, кроме чтения и пения и писания, не знает». Родом из Белгородской епархии слободского Сумского полка. Родился в 1688 г. Отец его — протопоп соборной церкви Архистратига Михаила города Карпова Белоградской епархии. Служил в казачьей слободе в Сумском полку 13 лет. В 1725 г. был взят кн. М.М.Голицыным в певчие. В 1726 г. посвящен в сан диакона, потом священника. В монашеский чин пострижен в Троицком Александро-Невском монастыре. *РГИА, ф.834, оп.2, д.1776, л.60.*

Алексей Логинов (1723). Прибыл в Александро-Невский монастырь из Троице-Сергиевой лавры. В 1738 г. заведовал двором Троице-Сергиевой пустыни. *РГИА, ф.796, оп.19, д.587; ф.815, д.35, л.8.*

Амвросий (1773). Иеродиакон. Послан в Петербург из Киево-Печерской лавры. *РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.21.*

Андроник (в миру Андрей) Шуйский (конец 30-х—начало 40-х гг.). Иеромонах. Исполнял клиросное послушание, затем стал духовником. «Искусства, кроме чтения, пения и писания, не имеет, грамоте изучен при отце своем». Родился в Суздале в 1688 г. Отец его был священником соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Андрей был посвящен в диаконы в 1711 г. в город Шую Суздальской епархии к церкви Воззвижения Честного Креста. В 1714 г. становится священником той же церкви. «Пострижен по обещанию ево в том же городе Суздале в Спасо-Евфимиевском монастыре» в 1732 г. *РГИА, ф.796, оп.19, д.144; ф.834, оп.2, д.1776, л.41.*

Антоний (в миру Андрей) Помаранский (1717—1734). Иеродиакон. «Искусство, сверх чтения и пения, имеет скотки делать». Родом «из города Помаранска Волошской земли», «(полской земли города Померании». Отец его был купеческий человек. Пострижен «в мантию» в Киевском Кирилловом монастыре. Взят в Александро-Невский монастырь в 1717 г., где умер в 1734 г. *РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10; д.255, л.11; ф.834, оп.2, д.1776, л.73.*

Арсений (в миру Андрей) Бархинский (1739—1745). Иеромонах, головщик и уставщик, затем архимандрит (с 1740 г.). «Искусства, кроме чтения, пения и писания, не имеет». Родом из города Изюма Белогородской епархии. Родился в 1687 г. Отец его был «того города Изюма казак». «И по

научении грамоте, пению и писанию жил в том же городе Изюме при соборной церкви Преображения Господня дьячком». Пострижен был в Белгородской епархии в Стогорском Успенском монастыре в 1729 г. В иеромонахи посвящен в 1732 г. Был уставщиком Курского Богородицкого Знаменского монастыря, регентом Белгородского архиерейского дома. Вызван в Петербург указом Синода 1739 г. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.17; ф.815, оп.5, д.71, л.6 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.90.

Афанасий (1773). Иеродиакон. Выслан из Киево-Печерской лавры в Александро-Невский монастырь для клиросного пения. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.21.

Афанасий Рождественский (1727—1745). Прибыл в Петербург по запросу архимандрита Петра «для поддержания киевского пения». РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.7.

Боголеп Адамов (1715—1719). Иеромонах, уставщик. Родом из Новгорода. В Петербург прибыл из Чудова монастыря в 1715 г. В 1719 г. посвящен в епископы на Устюг. Скончался в 1726 г. РГИА, ф.815, оп.1, д.26, л.1,2; оп.4, д.255, л.7.

Варлаам (в миру Василий) Чечел (1735—1743). Иеродиакон. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родился в селе Довживе Черниговского уезда в вотчине пана Андрея Полуботка в 1699 г. Отец его, Емельян Семенов, был в том селе при церкви Рождества Пресвятой Богородицы церковным старостой. «И жил при отце своем до возраста своего лет з двадцать и учился грамоте, а потом, отошед от отца своего, жил в городе Березном при церкви Вознесения Господня дьячком лет с тридцать. И в 1732 г., не ведая запретительных о непострижении в монахи указов, пожелал постричься в монашеский чин и, пришед Черниговской епархии в помянутый Домницкий монастырь, просил словесно того монастыря игумена иеромонаха Андрея Осмаковского, дабы, приняв его в тот монастырь, постриг в монашеский чин. И оной-де игумен во оном его монастыре принял и, пожив недели с три, постриг его, Варлаама, в соборной церкви при всей того монастыря братии в мантию». В том же монастыре в 1733 г. Варлаам был посвящен в иеродиаконы. Взят в Петербург из Домницкого монастыря в 1735 г. Умер в Александро-Невском монастыре в 1743 г. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.17; ф.815, оп.4, д.52, л.7—8; ф.834, оп.2, д.1776, л.85.

Варнава Корогодский (1744). Иеромонах. Вызван в Петербург из Черниговской епархии. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.5 об.; д.152, л.2.

Варнава Архиерейский (в миру Леонтий Лисневский) (1720—1742). Иеродиакон, потом иеромонах (с 1738 г.). Бас. «Искусства, кроме крилоского пения, не имеет». Родился в 1694 г., стародубский «казацкий сын». Принял постриг в Новгородском Спасском монастыре в 1715 г. В иеродиаконы посвящен в том же монастыре. В Александро-Невский монастырь прибыл в 1720 г. В 1742 г. становится архимандритом Спасского Преображенского монастыря.

женского монастыря Черниговской епархии. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10; д.255, л.11 об., 64; ф.834, оп.2, д.1776, л.71.

Варсонофий Кривоглазый (1744). Иеромонах. Тенор. Вызван в Петербург из Киево-Михайловского монастыря. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.4; д.152, л.2.

Варфоломей (в миру Василий) Остапенков (Богоявленский) (1727—1735). Иеромонах. Родом из казаков города Переяслава Полтавского уезда. Пострижен в Мгарско-Лубенском монастыре в 1712 г. Был в клиросном послушании в Киево-Софийском монастыре (1718 г.), в Киево-Печерской лавре (1720 г.), в Мгарско-Лубенском монастыре (1723 г.), в Николаевском Пивском монастыре (1724 г.). В иеромонахи посвящен в 1725 г. и в том же году взят в Московский Богоявленский монастырь. Отправлен в Петербург по запросу архимандрита Петра в 1727 г. В январе 1735 г. обвинен «в сказании слова и дела государева» и наказан. РГИА, ф.796, оп.14, д.67, л.3, б, 8; ф.815, оп.4, д.254, л.14—15; ф.834, оп.2, д.1776, л.25.

Вениамин (1744). Иеромонах. Бас. Послан в Петербург из Киевской епархии. РГИА, ф.815, оп.5, д.152, л.2.

Викентий (1732). Иеродиакон. Родился в 1698 г. Отец — сотник Полтавского полка. Пострижен в Полтавском Вознесенском монастыре. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.16 об.; ф.815, оп.4, д.52, л.9 об.

Викентий (в миру Василий) Донской (1732—1742). Иеродиакон. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Уроженец города Стародуба. Родился в 1704 г. Отец его «был того города посацкий человек». Василий «имел при отце своем купечество». Пострижен в Брянском уезде в Святым монастыре в 1720 г., затем перешел в Москву в Донской монастырь. В 1732 г. отправлен в Петербург. РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.4 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.80.

Викентий Ченцов (1719—1722). Иеромонах, уставщик. Взят в Петербург из Троице-Сергиевой лавры, затем возвращен в тот же монастырь. РГИА, ф.796, оп.15, д.431; ф.815, оп.2, д.88, 210; оп.4, д.255, л.77 об.

Виктор Ростовский (в миру Василий Волков) (1720—1741). Иеромонах, уставщик. «Искусства, кроме чтения и писания, не имеет». Родился в 1678 г. Сын служителя Сузdalского архиерейского дома. Был дьячком при Сузdalской Благовещенской церкви. В 1700 г. посвящен в диаконы к соборной церкви Покрова Пресвятой Богородицы города Шуи преосвященным Иларионом митрополитом Сузdalским и Юрьевским. Потом служил в Ярославле в церкви Николая Чудотворца диаконом. Пострижен в Спасо-Ярославском монастыре архимандритом Иосифом в 1713 г. Служил в Ростовской епархии дьячком, затем ризничим Ростовского архиерейского дома. В 1718 г. был послан с ризницею в Петербург. Будучи в Кронштадте, обратил на себя внимание Петра I «громогласием». В 1720 г. царь повелел ему быть в Александро-Невском монастыре. Здесь Виктор Ростовский был посвящен в иеромонахи. Шесть компаний провел во фло-

те. Выбран уставщиком на место иеромонаха Моисея в 1727 г., «понеже человек доброжелательный и оное послушание отправлять может». В 1741 г. отпущен «на обещание» в Ярославский Спасский монастырь. РГИА, ф.796, оп.6, д.96, л.32 об.; оп.19, д.219, 470; ф.815, оп.4, д.16, 58, 71, 86; д.254, л.9; д.255, л.10; ф.834, оп.2, д.1776, л.11.

Владимир (1773). Монах. Послан из Киево-Печерской лавры для клиросного пения в Александро-Невский монастырь. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.21.

Гавриил Елецкий (1722). Тенор. Взят из Елецкого монастыря. РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.12, 64.

Гавриил Княженко (1722). Иеромонах. Бас. Отпущен из Александро-Невского в Софийский монастырь. РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.63.

Гедеон Кириловгурский (1749—1752). Иеродиакон. РГИА, ф.815, оп.5, д.147.

Гедеон (в миру Георгий) Лясковский (1721—1722). Иеромонах. Бас. Родился в 1687 г. «Шляхтич полского города Лебачева». Постригся в 1713 г. Был уставщиком Выдубецкого монастыря. Вызван из Киево-Печерской лавры в Петербург для клиросного пения. РГИА, ф.796, оп.1, д.176, л.16.; ф.815, оп.4, д.254, л.8 об.

Гемнасия (1732—1734). Иеродиакон. Взят в Петербург из Киево-Печерского монастыря. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.17; ф.815, оп.4, д.52, л.10.

Геннадий Анисимов (1744). Монах. Бас. Взят в Петербург из Новгород-Северского монастыря. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.6 об.; д.152, л.2.

Герасим (в миру Григорий) (1732—1735). Иеромонах. «Художества, кроме чтения и пения, не имеет». Родился в Киеве в 1695 г. в купеческой семье. «По возрасте своем» был в киево-печерской типографии наборщиком около шести лет. Пострижен в 1718 г. в Киевском Николаевском Пустынном монастыре. Затем был в Николаевском Каташинском монастыре Черниговской епархии. В 1732 г. послан отсюда в Петербург по запросу клиришан. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.17; ф.815, оп.4, д.52, л.7—7 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.37.

Герасим (в миру Гордий) Заводовский (1717—1741). Выдающийся деятель церковно-певческой культуры первой половины XVIII в. Был иеромонахом, уставщиком и головщиком Александро-Невского монастыря, затем придворным священником и уставщиком придворного хора. Бас. Автор множества партесных концертов, монодийных распевов Обихода. В реестре Александро-Невского монастыря 1723 г. назван «композитором пения». Герасим Заводовский родился в 1681 г. в малороссийском городе Козельце в купеческой семье. Монашество принял в Черниговском Троицком монастыре, потом перешел в Московский Богоявленский монастырь. Возможно, был также в Московском Донском монастыре. В 1717 г. Герасим Заводовский отправляется из Москвы в Александро-Невский монастырь. Отбыв обязательный пятилетний срок служения в Петербурге

и не получив долгожданного «увольнения в отчество», иеромонах Герасим пытается в 1722 г. вместе с другим клирошанином, Петром Котляревским, бежать из монастыря. Однако попытка бегства завершается неудачей. Оба иеромонаха сквачены и водворены обратно в монастырь. Около десяти лет Герасим Заводовский продолжает оставаться в Александро-Невском монастыре, выполняет послушание головщика и уставщика. С начала 30-х гг. начинает службу при царском дворе. В 1735 г. становится «при певчей музыке» начальником певчих. Умер Герасим Заводовский в Киевском Межигорском монастыре, прослужив здесь в качестве архимандрита около пяти лет. В описании оставшихся после его смерти вещей упомянуты и несколько тетрадей певческих рукописей. Авторский распев Герасима Заводовского вошел в печатный придворный Обиход. Он был достаточно распространен в певческих рукописях, связанных с деятельностью клирошан Александро-Невского монастыря и петербургского придворного хора. В Ирмологии придворного певчего Гавриила Головни 1762 г. (ОР РНБ, ОЛДП, F-511) находится песнопение литургии «Единородный Сыне», названное «Российское: творение Герасима архимандрита» (л.6). В оглавлении это песнопение обозначено как «Единородное Невское». Герасимовский распев встречается и во многих других рукописях. Например: ОР РНБ, ф.1260, F-8, л.174 об.; Q-75, л.5, 39 об, 40; Q-71, л.2 об.; ЦНБ АН Украины, ф.Духовной академии, 351, л.6—6 об. В собрании рукописей Синодального училища хранится множество партесных сочинений Герасима Заводовского: 12-голосные концерты «Богоотец убо Давид», «Бог нам прибежище и сила», «Восклинути Господеви вся земля», «Днеси Владыко Творец», 8-голосные концерты «Не имамы иныя помощи», «На спасения стезю», «Многая множество моих прегрешений» (РГИА, ф.1119, д.66). Герасиму Заводовскому принадлежит также один из концертов рукописи Гавриила Головни, хранящейся в рукописном собрании Российского института истории искусств в Петербурге (ф.2, оп.1, д.837). РГИА, ф.466, оп.1, д.11; д.16, л.18 об., 62; ф.796, оп.26, д.428, л.1; оп.36, д.12, л.17; ф.815, оп.4, д.52, л.7—7 об.; д.254, л.8; д.255, л.58 об., 64, 96 об.; оп.5, д.71, л.7 об.; ф.1119, оп.1, д.66, л.54; РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18.

Герасим (в миру Григорий) Филиппов (1716—1733). Иеромонах. Прибыл в Александро-Невский монастырь в числе других киевских монахов в 1716 г. Родился в 1662 г. «Пономаревич малороссийского местечка Веприка». Пострижен в Гадяцком Николаевском монастыре, был там игуменом. В 1723 г. становится духовником в Александро-Невском монастыре. РГИА, ф.815, оп.1, д.7. 29, 71; оп.4, д.254, л.8; ф.834, оп.2, д.1776, л.9.

Гервасий Софийский (в миру Георгий Корда, Кордовский) (1720—1737). Иеромонах. Тенор. «Держит чреду и крылошанин». «Искусства, кроме чтения и пения, не имеет». Родился в 1684 г. «Отец ево был того города Королевца села Добротова казак украинский Афанасий Иванов».

Пострижен «в рясу» в архиерейском Киевском Софийском монастыре в 1717 г., «приятие иеродиаконского чина в том же монастыре в 1718 году». «В мантию» пострижен в Александро-Невском монастыре в 1720 г. «В иеромонахи посвящен в оном же Александро-Невском монастыре в 1729 году». В 1730 г. служит священником в Галерной гавани. В 1732 г. становится наместником Александро-Невского монастыря. В 1737 г. посвящен в архимандриты Московского Симонова монастыря, где скончался в 1745 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.9 об.; д.255, л.11; ф.834, оп.2, д.1776, л.21.

Герман (в миру Гавриил) Логвиновский (1742—1746). Иеромонах. Сначала головщик, а потом уставщик левого клироса. «Учение имеет грамоты руской чтение и писание и ходил до латинской школы, слушал риторики. Другого искусства и художества он, Герман, не знает». Родился в 1690 г. «Урождeneц полской нации города Берест Литовского». Отец его был мещанин. Гавриил пострижен в 1724 г. в Мошенском монастыре Переяславской епархии. Посвящен в иеродиаконы в том же монастыре в 1728 г. «Послушание имел в оном монастыре крылошкое». В Петербург взят из Киево-Печерской лавры в 1742 г. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.4 об.; д.181, л.1—2; ф.834, оп.2, д.1776, л.97.

Герман (в миру Григорий) Тверитинов (1744). Иеродиакон. «Искусства, кроме церковного чтения, никакого не имеет». Отец его был монастырский слуга. Григорий пострижен в Борисоглебском монастыре. РГИА, ф.834, оп.2, д.1776, л.79.

Гермоген (в миру Иоанн) Богоявленский (1732—1735). Иеромонах. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родился в 1691 г. Уроженец города Прилук. Отец его — «того города казак Яков Пантелеимонов прозванием Хайворонский». Пострижен в Густынском Троицком монастыре в 1710 г. В иеромонахи посвящен в 1720 г. на Афонской горе. Взят в Петербург из Московского Богоявленского монастыря указом 1732 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.4; ф.834, оп.2, д.1776, л.35.

Гимнасий (в миру Григорий) (1735). Иеродиакон. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родился на Украине в 1699 г. Отец его был «купецкой человек». «Жил при отце своем, по смерти ево пострижен в Киево-Печерском монастыре» в 1721 г. В иеродиаконы посвящен в 1725 г. В 1735 г. взят из Киево-Печерского монастыря для клиросного пения в Петербург. РГИА, ф.834, оп.2, д.1776, л.89.

Гимнасий (1773). Иеромонах. Выслан из Киево-Печерской лавры для клиросного пения в Александро-Невском монастыре. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.21.

Даниил (в миру Дмитрий) Знаменский (1732—1743). Иеродиакон. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родился в 1695 г. Отец его был «московской житель, органной мастер, иноземец Еким Аверкиев прозванием Рулиев». Жительство имел при отце своем до пострижения в Успенском монастыре в 1710 г. В иеродиаконы посвящен в Воскресенском монастыре, «которой обстоит на Едемском острову» в

1721 г. В Петербург взят указом 1732 г. из Московского Знаменского монастыря. В 1743 г. отпущен обратно в Знаменский монастырь. РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.5 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.83.

Дионисий Чудовский (1720—1722). Иеромонах, уставщик. До Петербурга побывал в Новоспасском, Сузdalском Спасо-Евфимиевском, Владимирском Цареконстантиновском и Чудовом монастырях. В 1722 г. назначен в Лужецкий Можайский монастырь архимандритом. В 1737 г. отпущен «на покой» в Спасо-Евфимиев монастырь в возрасте 90 лет. РГИА, ф.815, оп.2, д.157; оп.4, д.255, л.9, 10, 12.

Дионисий Шмягельский (1748—1752). Иеродиакон. РГИА, ф.815, оп.5, д.147.

Досифей (в миру Домиан) (1735—1737). Иеромонах. «Искусства, кроме книжного чтения и пения, не имеет». «Казацкий сын», родом из села Лопани Золочевского уезда Белогородской провинции. До пострижения служил в казаках. Был певчим при преосвященном Иустине митрополите Белогородском, а потом дьячком в Чернигове, Нежине, Королевце, Вилицках и в Дербенте у разных церквей. В 1718 г. пострижен архимандритом Германом Кононовичем в Троицком Ильинском монастыре, в 1719 г. посвящен в иеродиаконы преосвященным Антонием архиепископом Ставровским, в 1720 г. посвящен в иеромонахи в том же монастыре. Умер 18 августа 1737 г. в Александро-Невском монастыре. РГИА, ф.834, оп.2, д.1776, л.8.

Досифей (1773). Монах. Послан в Петербург из Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря для клиросного пения. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.22.

Досифей (в миру Дионисий) Лебедевич (1719—1737). Родился в 1695 г. Родом из украинских церковников. «И жил он при отце своем. Искусства, кроме чтения и пения, не имеет». Пострижен «в рясу» в Киевском Мгарском Лубенском монастыре в 1714 г. Определен в Александро-Невский монастырь уставщиком иеромонахом Викентием в 1719 г. Здесь «держит чреду и в пономарях». Принял иеродиаконский чин в 1722 г. В 1733 г. — уставщик. В 1737 г. посвящен в иеромонахи и поставлен в наместники. РГИА, ф.796, оп.15, д.32, л.88; ф.815, оп.4, д.254, л.10, 20 об.—21; д.255, л.12; ф.834, оп.2, д.1776, л.75.

Евникиан (в миру Евстафий) Падуненко (1720—1733). Иеродиакон. Тенор. «Искусства, кроме церковного пения, не имеет». Родился в 1684 г. «в месте полонном великом». Отец его, Иван Яковлев, был «того полонного места купецкой человек». Пострижен «в рясу и в мантию» в Киево-Печерском монастыре в 1716 г. Вызван в Петербург в 1720 г. В 1733 г. отпущен в Киево-Печерский монастырь. РГИА, ф.796, оп.15, д.32, л.88; оп.36, д.12, л.16; ф.815, оп.4, д.254, л.9 об., 18, 19; д.255, л.116; ф.834, оп.2, д.1776, л.70.

Евфимий Терновский (1744). Иеродиакон. Взят в Петербург из Черниговской епархии. РГИА, ф.815, оп.5, д.152, л.2.

Епифаний (1773). Иеродиакон. Выслан из Черниговской епархии в Петербург для клиросного пения. *РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.19.*

Епифаний (в миру Евфимий) Ильяшев (1747—1752). В 1747 г.—ученик Александро-Невской семинарии, пел в архиерейском хоре, обучал прочих семинаристов пению. В 1748 г. по своему прошению поступает в Александро-Невский монастырь. В 1752 г.—иеродиакон и уставщик. В 1758 г. служит во флоте в качестве корабельного священника. *РГИА, ф.815, оп.5, д.147; д.194, л.4 об.; д.223.*

Зиновий (в миру Захарий) Казачок (1717—1725). Иеродиакон. «Творец пения». Родился в 1691 г. Родом из казачества города Батурина. Постриг принял в Московском Богоявленском монастыре в 1716 г. Взят оттуда в Петербург в 1717 г. *РГИА, ф.815, оп.2, д.25, 51; оп.4, д.254, л.9 об.; д.255, л.11, л.58 об.*

Зиновий Романовский (1749—1752). Иеродиакон. Взят в Петербург из Киево-Межигорского монастыря в Петербург для клиросного пения. *РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.19; ф.815, оп.5, д.147; д.194, л.5.*

Зосима (в миру Зиновий) Гребенка Архиерейский (1720—1727). Клирошанин правого клироса. Родился в 1688 г. «Малороссийского города Гадяч казацкой сын». Монашество принял в Полтавском монастыре в 1714 г. Взят в Петербург в 1720 г. из Черниговского архиерейского дома. В 1720 г.—диакон, в 1725 г.—иеродиакон в клиросном послушании. В 1727 г. отпущен в Полтавский монастырь из-за потери голоса и болезни. *РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10; д.255, л.10.*

Иакинф (1773). Монах. Вызван из Черниговской епархии в Петербург для клиросного пения. *РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.19.*

Иаков Волоцкий (1744). Иеромонах. Взят в Петербург из Глуховского Петропавловского монастыря. *РГИА, ф.815, оп.5, д.152, л.2.*

Иаков (в миру Иоанн) Коропец (1727—1737). Родился в 1694 г. Родом из украинского города Коропа. «Отец ево, Максим Иоаннов сын прозванием Большой служил в нежинском полку хорунжим, то есть прaporщиком». «И до смерти отца своего обучался в школах славянского диалекта и, кроме чтения и пения и писания, искусства никакого не имеет». «И по смерти отца ево бывшей фельдмаршал Борис Петрович Шереметев взял ево, Иакова, из школы в певчие к себе». В 1721 г. постригся в Московском Донском монастыре и посвящен в иеродиаконы. Взят был отсюда в Александро-Невский монастырь «для поддержания киевского пения». В 1731 г. был священником при корабельном дворе. В 1733, 1734 гг. вызывался во флот. Умер в 1737 г. в Александро-Невском монастыре. *РГИА, ф.796, оп.11, д.235; оп.15, д.100; ф.815, оп.4, д.254, л.14, 15; ф.834, оп.2, д.1776, л.20, 26.*

Иассон Донской (в миру Иван Щербак) (1732—1737). Иеродиакон «Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родом из Харькова. Родился в 1695 г. Отец его был города Харькова украинский казак Иаков прозванием Щербак. Пострижен в Нежинском Благовещен-

ском монастыре, «называемом Нового Назарета» в 1721 г. «В мантию» посвящен в Московском Донском монастыре в 1730 г. Указом 1732 г. взят из Донского монастыря в Александро-Невский монастырь, где умер в 1737 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.5; ф.834, оп.2, д.1776, л.81.

Иерофей (1744—1745). Иеродиакон. Тенор. Взят в Петербург из Глуховского Петропавловского монастыря в 1744 г. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.6 об.; д.152, л.2.

Иоанникий (1722). Диакон. Тенор. Взят в Петербург из Киево-Софийского монастыря. РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.64.

Иоанникий (в миру Иоанн) Можайский (1735). Иеромонах. «Искусства никакова, кроме священнослужения, не имеет». Родился в Смоленске в 1677 г. Отец его, Лука Михайлов, был церковным дьячком. В диаконы посвящен в 1699 г. к церкви Рождества Пресвятой Богородицы городской слободы. Пострижен «в мантию» в 1707 г. в Смоленском Троицком монастыре. РГИА, ф.796, оп.15, д.100, л.91, 92; ф.815, оп.4, д.52, л.6 об.—7.

Иоанникий Мощанский (1742—1752). Иеромонах. «Искусства и художества за собою, кроме славенороссийской грамоты, чтения, писания да пения, никакова не имеет». Родился в 1702 г. «Урожденец полской нации города Олешни». Отец его был протопопом в церкви Покрова Пресвятой Богородицы города Олешни. Пострижен в 1726 г. в Черниговском Блецком монастыре. Вышел из него в Черниговский Густынский монастырь. «Послушание имел крылажское». Прислан в Петербург в 1742 г. из Густынского монастыря. РГИА, ф.796, оп.19, д.144; ф.815, оп.4, д.255, л.11 об.; оп.5, д.71, л.6 об.; д.147, 194; ф.834, оп.2, д.1776, л.95.

Иоанникий Черниговский (1720—1722). Диакон. Тенор. Прибыл в Александро-Невский монастырь из Черниговского Троицкого монастыря. РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.11.

Иоасаф (Ианнуарий, в миру Иосиф) Заблоцкий (1720—1739). «Крышошанин и конархистр». Родился в 1697 г. Родом из киевлян, шляхтич. «Из млада во учении был в школах в Киеве, в Могилеве и во Львове латинском. И доучился философии первой части, до логики, искусство читать, петь, писать по-латыни и по-русски». Пострижен «в рясу» в Выдубецком Михайловском монастыре в 1719 г. Прибыл из Киева в Петербург в 1720 г. Пострижен «в мантию» в 1727 г. в Александро-Невском монастыре. В 1728 г. становится библиотекарем. В 1739 г. посвящен в иеромонахи и послан во флот. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10 об.; д.255, л.11 об.—12; ф.834, оп.2, д.1776, л.76.

Иов Малиевич (1744). Иеромонах. Взят в Петербург из Черниговской епархии. РГИА, ф.815, оп.5, д.152, л.2.

Иона (1720—1755). Диакон левого клироса. Тенор. Прибыл в Петербург из Киево-Печерского монастыря. В 1755 г. возвратился в тот же монастырь. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.16; ф.815, оп.4, д.255, л.11 об., 99.

Иона (в миру Игнатий) Донской (1720—1742). Иеродиакон правого клироса. Родился в селе Лопани Харьковского уезда в 1693 г. Отец его

был дьячком. «И жил при отце своем малое время. Искусства, кроме чтения и пения, не имеет». Постригся в Московском Донском монастыре в 1712 г. Иеродиаконский чин принял в 1713 г. В Александро-Невский монастырь прибыл в 1720 г. В 1721 г. побывал во флоте. Отпущен в 1742 г. в Донской монастырь. РГИА, ф.796, оп.11, д.235; ф.815, оп.4, д.254, л.9 об., 20 об.—21; д.255, л.11; ф.834, оп.2, д.1776, л.74.

Иона (в миру Иоанн) Неженский (1739). Иеродиакон. «Искусство сверх чтения и пения иконное писать умеет». Знает «искусство книжное» и, кроме того, «живописец». Родился в 1685 г. в Нежине. Отец его был купец «греченин Василий». Пострижен «в рясу» в Киевском-Свяинском монастыре в 1713 г., «в мантию» — в 1714 г. Посвящен в иеродиаконский чин в 1718 г. преосвященным Пахомием епископом Грецким. В Александро-Невском монастыре с 1720 г. В 1738 г. послан во флот. В 1939 г. посвящен в иеромонахи. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10, 21 об.—22; ф.834, оп.2, д.1776, л.78.

Иосиф (в миру Иоанн) Загоровский (1742—1747). Иеромонах. Головщик правого клироса, потом уставщик. Родился в городе Львове в 1715 г. Отец его, Андрей Константинов Загоровский, «был того города мещанин». «Грамоте учился славенороссийской и ходил до латинских школ и слушал реторику. Другого искусства, кроме крылажского, никакова не имеет». Пострижен в монастыре Георгия Победоносца города Львова. В иеромонахи посвящен в том же монастыре в 1738 г. В 1741 г. перешел в Киево-Печерский монастырь. В 1742 г. взят в Петербург. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.4 об.; д.181, л.1—2; ф.834, оп.2, д.1776, л.52.

Ипатий (в миру Иоанн) Соловецкий Печерский (1722—1725). Иеродиакон, «держит чреду и крылошанин». Родился в 1690 г. Родом «ис купечества черкасского города Стародуба». Постригся в 1710 г. в Киево-Печерском монастыре. Послан в Петербург в 1722 г. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.16; ф.815, оп.4, д.254, л.9 об.; д.255, л.11, 99.

Ипполит Волянский (1759). Головщик и уставщик. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.6; д.194, л.15.

Ираклий (в миру Иоанн) Печерский (1720—1725). Иеромонах, головщик (с 1723 г.). Бас. «Художник каменного строения». Родился в 1677 г. Родом из казаков города Нежина. Принял монашество в Киево-Печерской лавре. Прибыл в Петербург в 1720 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.8; д.255, л.10 об.

Иринарх Яковлев (1742). Иеродиакон. «Искусства и художества за собою, кроме славенороссийской грамоты, чтения, писания и пения, не имеет». Родился в 1709 г. «Уроженец малороссийского города Лубен». Отец его был «купецкой человек». Пострижен в Мгарском Лубенском Преображенском монастыре в 1727 г. В 1728 г. был пострижен «в рясофор». «И был в том монастыре в послушании церковного пения». Потом был взят в Киево-Софийский монастырь. Посвящен в иеродиаконы в 1729

г. Прислан в Петербург из Киевской епархии в 1742 г. РГИА, ф.796, оп.19, д.144; ф.815, оп.5, д.71, л.6 об.; д.183, л.5; ф.834, оп.2, д.1776, л.91.

Иродион (в миру Иосиф) Рахозов (1742—1745). Иеромонах. «Чтения, пения и писания искусен. Художество оловянническое знает». Родился в Новгороде-Северском в 1702 г. Отец его Иван Иванов Рахозов был купец. Иосиф служил священником в Стародубском полку в Бакланской сотне. Пострижен в Борисоглебском кафедральном Черниговском монастыре. «В рясофор» посвящен в 1731 г., «в мантию» — в 1739-м. Прибыл в Петербург из Черниговской епархии в 1742 г. РГИА, ф.815, оп.5, д.71, л.4 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.47.

Исаий Васильковский Софийский (1721). Иеродиакон. Бас. Родом из города Осмачева, близ города Батурина. Сын казака. Постригся в Софийском Киевском приписном Осмачевском монастыре, оттуда перешел в Киевский Софийский монастырь. Взят в Петербург для клиросного пения в 1721 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.11 об., 63, 99 об.

Исаия (в миру Иосиф) Трушевский (1720—1723). Иеродиакон. «Держит череду и крылошанин». Родился в 1694 г. «Шляхтич полского города Аршавы». Пострижен в 1716 г. в Киевском Крупицком монастыре. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10.

Исмаагд (1773). Иеродиакон. Послан из Свинско-Успенского монастыря Белгородский епархии в Александро-Невский монастырь для клиросного пения. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.19.

Каллист (1717—1719). Иеродиакон. Прибыл из Московского Богоявленского монастыря. В 1719 г. бежал из Александро-Невского монастыря, но был пойман и возвращен. РГИА, ф.815, оп.2, д.51; оп.4, д.35, л.58—59.

Каллистрат (в миру Козьма) Кармазинский (1742—1759). Иеромонах. «Обучен грамоте славенороссийской читать, петь и писать, а кроме оного, искусства и художества никакова не умеет». Родился в Киеве в Подоле в 1716 г. Отец его Петр Гаврилов Кармаза был купец. Пострижен в 1741 г. в Киево-Печерском монастыре. Выполнял там клиросное послушание. В 1742 г. отправлен в Петербург. Посвящен в иеромонахи в 1743 г. в Александро-Невском монастыре. В 1759 г. был во флоте. РГИА, ф.815, оп.5, д.47; д.71, л.4; д.183, л.1 об.; д.194, л.4; ф.834, оп.2, д.1776, л.235.

Каллистрат (в миру Константин) Цупровский (1742—1745). «Искусства и художества никакова за собою, кроме славенороссийской грамоты, чтения и писания, не имеет». «Уроженец полского города Кривчю». Отец его Константин Иванов Цупровский был «купецкой человек». Бельцом Каллистрата звали Константин. Пострижен в молдавском Радовском Никольском кафедральном монастыре 11 августа «в рясофор», а «в мантию» 12 августа 1735 г. В 1736 г. получил чин архидиакона. В 1739 г. из того монастыря фельдмаршалом фон Минихом был взят и вывезен в кафедральный Киево-Софийский монастырь. «И был при том монастыре в том же послушании крыложском пении год». По просьбе преосвященного митрополита Антония Черниговского отпущен в кафедральный Глебо-

Борисовский монастырь Черниговской епархии. Был здесь ризничим шесть месяцев. В 1741 г. посвящен в иеромонахи и отпущен обратно в Киево-Софийский монастырь. Отсюда направлен в 1742 г. Александро-Невский монастырь в Петербург. Определен здесь 3 апреля 1745 г. экономом. 27 октября 1745 г. возвратился в Киевский монастырь. Греческий Осмогласник киевского рукописного собрания (ЦНБ АН Украины, ф.Печерского монастыря, 40/XVIII-18), вероятно, написан рукой Каллистрата Цупровского. *РГИА*, ф.834, оп.2, д.1776, л.44—44 об.

Киприан (1788). Уставщик. *РГИА*, ф.815, оп.7, д.65.

Климентий (в миру Константин) Михайловский (1720—1722). Иеродиакон. Тенор. Родился в 1696 г. Родом «ис купечества малороссийского города Березнова». Постриг принял в 1713 г. в Черниговском Домницком монастыре, затем был в Киеве. Прибыл в Петербург в 1720 г. по запросу клирошан. *РГИА*, ф.815, оп.4, д.254, л.10; д.255, л.11, 99.

Корнилий Глуховский Тончевский (1744). Иеромонах. Тенор. «Грамоте читать и писать изучен. Искусства, кроме чтения, пения и писания, не имеет». Родился в 1698 г. «Полской нации города Торговца». Отец его был губернатором города Торговца. Пострижен в Польше в Лутском Братском монастыре в 1719 г. Потом переведен в Менский Владимирский монастырь. Здесь посвящен в иеромонахи в 1726 г. Возвратился в Лутский Братский монастырь, откуда через три года отправился в Дорогобужский монастырь Львовской епархии и стал там наместником. Через четыре года был переведен в Гостынский Прилуцкий монастырь Киевской епархии. Взят в Петербург в 1744 г. *РГИА*, ф.815, оп.5, д.71, л.4 об.; д.152, л.2; ф.834, оп.2, д.1776, л.58.

Лаврентий (в миру Леонтий) Богдановский (1744). Иеромонах. «Искусства и рукоделия никакова не имеет». Родился в 1700 г. Уроженец города Нежина. Отец его был казаком Нежинского полка. «И при оном отце своем грамоте петь, читать и писать изучен». В 1721 г. «пострижен за Полскую границею города Минска в благочестивом Петропавловском монастыре». Иеродиаконский сан принял в Переяславле в кафедральном монастыре в 1726 г. В иеромонахи посвящен в 1736 г. в Чернигове в церкви Святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Взят в Петербург в 1744 г. *РГИА*, ф.815, оп.5, д.71, л.4 об.; д.152, л.2; ф.834, оп.2, д.1776, л.57.

Леонтий (в миру Лукиан) (1735—1745). Иеродиакон. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, не имеет». Родился в Киеве в 1705 г. Отец его был «того города купецкой человек». Пострижен в Киево-Печерском монастыре в 1727 г. В иеродиаконы посвящен в 1734 г. В 1735 г. был взят в Петербург. *РГИА*, ф.796, оп.36, д.12, л.17; ф.815, оп.4, д.52, л.9 об., 10; оп.5, д.71, л.6; ф.834, оп.2, д.1776, л.88.

Леонтий Ливчинский (1739—1743). Выдающийся украинский певчий, клирошанин Александро-Невского монастыря. До определения в монастырское братство прошел долгий путь авантюрист и странствий. Леонтий Ливчинский первоначально был певчим переславского епископа Кирил-

ла Шумлянского, потом обучал певчих в войске полковника Василия Салтыкова. В 1720 г. он отправился в Петербург и был принят ко двору певчим императрицы Екатерины Алексеевны. После того как в 1725 г. число певчих императрицы было значительно сокращено, Ливчинский направляется в Митаву ко двору герцогини Анны Иоанновны певчим ее капеллы. Из Митавы он был послан на Украину для набора новых певчих, но по дороге скать в отечество передумал, а решил остаться в Вильне. Здесь он становится регентом униатского Троицкого монастыря. Служа в униатском монастыре, Леонтий Ливчинский скрывает свое православное крещение и, как сказано в документе, отправляет «мпи по их закону». Когда же в Вильну приходят русские войска, Леонтий Ливчинский вдруг понимает, что «униатский закон стал ему противен». Он открывает свое православное происхождение и просит генерала Измайлова о своей отправке в Петербург. В Петербурге Ливчинского ждет синодальный суд за отступничество и участие в униатском служении. Власти его оправдывают и в 1736 г. определяют в Вологодский архиерейский дом учить поддьяков нотному пению. Вскоре Леонтия Ливчинского принимают в братство Александро-Невского монастыря. С 1739 г. он выполняет здесь клиросное послушание, а в 1743 г. отправляется в Киево-Софийский монастырь.

РГИА, ф.796, оп.16, д.230.

Лука (в миру Лаврентий) Тимоновский (1713—1732). Иеромонах, головщик и уставщик (с 1722 г.). «Искусства, кроме чтения и пения, не имеет». «Его рождение в 1688 году полские земли города Немирова» (по другим данным — в 1675 г.). Отец — священник церкви Преображения Господня города Каменец-Подольска. «И жил при отце своем». Монашество принял в Московском Богоявленном монастыре, «что за Ветошным рядом» в 1713 г. В 1717 г. взят в Александро-Невский монастырь. *РГИА, ф.796, оп.6, д.96, л.32 об; ф.815, оп.4, д.254, л.8, 13 об.—14; д.255, л.9, 10 об., 12; ф.834, оп.2, д.1776, л.22.*

Мартин (1748—1752). Иеродиакон. *РГИА, ф.815, оп.5, д.147, л.5.*

Мелетий (в миру Матфей) Бородавка (1720—1736). Иеродиакон. Тенор. «Искусство сверх чтения и пения имеет садовенной службы отправление». Родился в 1693 г. Происходит из купечества города Красного Кута. «И жил при отце своем». Пострижен в 1712 г. в Киево-Печерском приписном Змиевском монастыре. Иеродиаконский чин принял в 1714 г. Прибыл в Александро-Невский монастырь в 1720 г. Умер в Петербурге в 1736 г. *РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.10; д.255, л.63; ф.834, оп.2, д.1776, л.77.*

Мелхиседек (в миру Моисей) (1736—1745). Иеромонах. «Искусства, кроме чтения, писания и пения, не имеет». Родился в Брянске в 1699 г. в купеческой семье. Пострижен в 1715 г. в Полтине Пустынном монастыре. В иеромонахи посвящен в Москве в 1728 г. Взят в Петербург в 1736 г. из Свяинского Успенского монастыря. *РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.9; оп.5, д.71, л.6 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.38.*

Митрофан (в миру Матфей) (1742). «Искусства и художества за собою, кроме славенороссийской грамоты, чтения и писания, не имеет». Уроженец города Киева. Отец мещанин. Пострижен в 1712 г. в Прилуцком монастыре. В иеродиаконы посвящен в 1713 г. в том же монастыре, в иеромонахи — в 1725 г. «Послушание имел в оном монастыре крыложское». РГИА, ф.834, оп.2, д.1776, л.48.

Моисей (в миру Михаил) Николаевский (1719—1727). Иеромонах, уставщик. Родился в 1685 г. Происходит из церковных дьячков Николаевской Пищаковской пустыни Сузdalского уезда. Постригся в Николаевском Перервенском монастыре в 1708 г. В Александро-Невский монастырь послан в 1719 г. В 1723 г. служил во флоте. В 1727 г. определен архимандритом Брянского Петропавловского монастыря. РГИА, ф.796, оп.6, д.96, л.32 об.; ф.815, оп.4, д.254, л.9 об.; д.255, л.10.

Неофит (1773). Монах. Послан из Миропольского Николаевского монастыря Белгородской епархии в Александро-Невский монастырь для клиросного пения. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.19.

Никандр (в миру Никита) Златоустовский (1735). «Искусства, кроме чтения и писания, не имеет». Уроженец города Коломны. Родился в 1689 г. Отца его звали Иоанн Васильев Шилин, «того града Коломны купецкой человек». Никита «имел купечество до 1716 года, а в том году по обещанию пострижен в Устюге Великом во Архангельском монастыре». В 1719 г. посвящен в иеродиаконы преосвященным Боголепом епископом Устюжским и Тотемским в город Соли Вычегодской Введенский монастырь. В иеромонахи посвящен в 1729 г. Служил в Богоявленском Костромском и в Московском Златоустовском монастырях. В Петербург прислан в 1735 г. из города Коломны. РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.3; ф.834, оп.2, д.1776, л.33.

Павел Богоявленский (1722). Иеродиакон левого клироса. РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.11 об., 99 об.

Павел (в миру Петр Иаковлевич) Полтавский (1717—1736). Иеродиакон, потом (с 1729 г.) иеромонах. «Искусства имеет сверх чтения и пения вырезывает кресты деревянныя». Родом из города Полтавы. Родился в 1690 г. Отец его был «казак украинский». Пострижен в Полтавском Воздвиженском монастыре в 1705 г. «Приятие иеродиаконского чина» в Киевском Межигорском монастыре в 1710 г. В Петербург отправлен в 1717 г. Умер в Александро-Невском монастыре 7 июня 1736 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.254, л.13 об.—14; ф.834, оп.2, д.1776, л.23.

Пармен Лобацкий (1744). Клиросный монах. Взят в Черниговской епархии. РГИА, ф.815, оп.5, д.152, л.2.

Пафнутий (в миру Петр) Быковский (1742—1745). Иеромонах, уставщик. «Искусства и художества за собой никакова не имеет». Уроженец города Киева. Родился в 1707 г. Отец его, Домиан Гаврилов, был того города мещанин. Учился русской грамоте, потом «ходил до школ киево-латинских и слушал реторики». Пострижен в Киевской епархии в Злато-

устовской пустыни в 1726 г. Посвящен в иеродиаконы в той же пустыни в городе Глухове в 1727 г. В иеромонахи посвящен в той же пустыни в 1728 г. в Свято-Михайловском Златоверхом монастыре. В 1723 г. все монахи пустыни, в том числе и Пафнутий, были переведены в Гамалеевский монастырь. Служил там головщиком, потом настоятелем и наместником пять лет. В Александро-Невский монастырь послан в 1742 г. РГИА, ф.815, оп.5, д.143, л.4; ф.834, оп.2, д.1776, л.45.

Пахомий (в миру Павел) Жуковский (1742). Иеромонах. «Искусства и художества за собою кроме славенороссийской грамоты, чтения и писания не имеет». «Урожденец полской нации города Новодомска». Родился в 1701 г. Отец его, Борис Стефанов прозванием Жуковский, был каменщиком. Пострижен в Михайловском Переяславском монастыре в 1731 г. В иеромонахи посвящен в 1733 г. в Вознесенском монастыре Переяславской епархии, где исполнял послушание уставщика. РГИА, ф.834, оп.2, д.1776, л.50.

Петр (в миру Прокопий) Котляревский (1718—1734). Иеромонах, головщик и уставщик. Один из тех, кто «в клиросном послушании всегда потребен». Биография его является пример избытка жизненной энергии и динамизма, характерных для людей начала новой эпохи. Жизнеописание Петра Котляревского, сохранившееся в архивных документах, свидетельствует также о расширении культурно-религиозной восприимчивости: православный иеромонах совершает паломничество в католические страны Западной Европы. Петр Котляревский прожил жизнь богатую приключениями. Родился он в Полтавском уезде в городе Великих Будищах в 1793 г. Отец, Федор Гаврилов, был «того городка казак». Прокопий «был до монашества в латинских школах студентом, искусства, кроме церковного пения и чтения, не имеет». Пострижен «в рясу» в Осмачевском Батуриńskом монастыре в 1710 г., пострижен «в мантию» в Рыхловском Черниговском монастыре в 1713 г. В январе 1714 г. посвящен в иеродиаконы, а в феврале того же года в иеромонахи. Потом перешел в Троицкий Ильинский монастырь, а оттуда — в Москву в Богоявленский монастырь. Прослышав здесь, что украинцев берут в Петербург, «мыслил идти в Иерусалим», чтобы избежать такой неприятности. Однако же, когда Петр пришел в Великоскитский монастырь «на границе Польской и Волошской земли», он узнал, что «царское величество имеет войну с турком, а затем до Иерусалима пройти ему стало невозможно». Тогда он отправился в «Венгерскую, Цесарскую, Венецкую и Италианскую землю», пришел в «Гишпанскую землю, поклонился тамошним святыням» и возвратился вспять через те же земли в Богоявленский монастырь, предположив, что напасть миновала. Однако в ожиданиях своих Петр обманулся, участи своей не избежал и был отправлен из Москвы в Александро-Невский монастырь. С 1718 г. он в том монастыре «в клиросе стоит и чреду держит». В 1722 г. мятежного иеромонаха вновь одолевает жажда свободы. Вместе с другим клирошанином, Герасимом Заводовским, он пытается устроить

из Петербурга побег, но их постигает неудача. Оба пойманы и водворены обратно в монастырь. В 1727 г. Петр Котляревский находит новый путь — он обращается в Синод с прошением о посылке его во флот корабельным священником. Иеромонах Петр проводит на кораблях российского флота несколько кампаний (1727, 1728, 1730, 1734 гг.). «Оной иеромонах Петр Котляревский по указу из Святейшаго Правительствующаго Синода в 1739 году во игумена в Московской Стретенской монастыре посвящен». РГИА, ф.796, оп.6, д.96, л.32 об.; ф.815, оп.4, д.254, л.13 об.—14; д.255, л.11, 59, 96 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.24—24 об.

Пимин (в миру Парфений) Родкевич (1733—1742). Иеромонах. Поми-
мо клиросного «художества», «искусство имеет переплеть книги». Род-
ился в 1683 г. Уроженец «польского города Орши». Отец его, Иван
Захарьев, «священник благочестивой веры» при церкви Рождества Пре-
святой Богородицы. Парфений был певчим при доме преосвященного
Сильвестра митрополита Смоленского и Дорогобужского в Смоленске. В
1710 г. посвящен к церкви Живоначальной Троицы села Тушино Смолен-
ского уезда в диаконы. Вскоре посвящен в иереи к той же церкви. В 1714
г. овдовел и в 1715 г. принял монашеский постриг в Смоленском Троицком
монастыре. В 1733 г. ему дана «благословенная иеромонашеская грамота»
и он отослан в Александро-Невский монастырь. Умер в Александро-Не-
вском монастыре в 1742 г. РГИА, ф.815, оп.4, д.52, л.1; ф.834, оп.2, д.1776,
л.29.

Сильвестр (1773). Иеродиакон. Послан в Петербург из Кириллова
монастыря Киева. РГИА, ф.796, оп.53, д.400, л.22.

Созонт (1795). Иеродиакон. Прислан в Петербург из Киево-Печерской
лавры. ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.17127.

Спиридон (1725—1727). Иеромонах, уставщик. В 1727 г. произведен в
архимандриты Московского Златоустовского монастыря. РГИА, ф.815,
оп.4, д.58, л.3; оп.6, д.32., 96.

Товий Донской (1722—1725). Иеродиакон, «чреду держит и крылоша-
нин». Родом из поповичей села Зверевич Смоленского уезда. Пострижен
в Киево-Межигорском монастыре в 1702 г. Взят из Московского Донского
монастыря. РГИА, ф.796, оп.11, д.235; ф.815, оп.4, д.254, л.10; д.255,
л.11.

Трифилий (в миру Тимофей) Богоявленский (1732—1741). Иеродиакон.
«Искусства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родился
в Киеве в 1700 г. Отец мещанин. Пострижен в Смоленском Троицком
монастыре в 1722 г. В иеродиаконы посвящен в Москве на
Воронежском подворье в 1723 г. Взят в Петербург в 1732 г. из Московского
Богоявленского монастыря, «которой за Ветошным рядом». Умер в Александро-Невском
монастыре в 1741 г. РГИА, ф.796, оп.36, д.12, л.16 об.;
ф.815, оп.4, д.52, л.6; ф.834, оп.2, д.1776, л.84.

Трифилий (в миру Тимофей) Дубровский (1735). Иеромонах. «Иску-
ства, кроме чтения, писания и пения, никакова не имеет». Родился в

Кашине в 1689 г. Отец его был «того города посацкой человек Алексей Исааков прозванием Дубровской». Пострижен в Московском Симонове монастыре в 1713 г. Посвящен в иеродиакона в том же монастыре в 1722 г. В иеромонахи посвящен в 1730 г. в Донском монастыре. Взят в 1735 г. в Петербург. *РГИА*, ф.796, оп.36, д.12, л.16 об.; ф.815, оп.4, д.52, л.3 об.

Феодосий (в миру Феодор) Лисинский (1722—1742). Уставщик, канонарх и первенствующий иеродиакон. «Искусства, кроме чтения и пения, не имеет». «Рождение ево в 1696 году малороссийского города Лубни села Мгар». Отец купец. Принял монашество в Киево-Софийском монастыре в 1717 г. В 1722 г. он клирошанин левого клироса Александро-Невского монастыря. В 1734 г. становится здесь уставщиком. В 1742 г. «за болезнью и дряхлостью» отпущен обратно в Киев в Печерский монастырь. В рукописном собрании Синода сохранилась принадлежавшая Феодосию Лисинскому рукопись, написанная в Александро-Невском монастыре в 1727 г. (ф.834, оп.1, д.1187) *РГИА*, ф.815, оп.4, д.254, л.9, 14, 15; д.255, л.11 об.; ф.834, оп.2, д.1776, л.72.

Феодосий Светлый (1744—1745). Иеродиакон. Вызван в Александро-Невский монастырь для выполнения клиросного послушания в 1744 г. из Пустынно-Николаевского Киевского монастыря. «Творец» одного из 12-голосных концертов, написанных в Петербурге в 1745 г. (ЦНБ АН Украины, ф.Печерского монастыря, XVIII-15, партия тенора л.24, 49). *РГИА*, ф.815, оп.5, д.71, л.7 об.; д.152, л.2.

Феофан Кательницкий (1716). Уставщик Софийского монастыря. Прибыл в Александро-Невский монастырь из Киева в 1716 г. Вскоре отправился в Курляндию. *РГИА*, ф.815, оп.1, д.71.

Филарет (в миру Феодор) Златоустовский (1732—1740). Иеромонах. Уроженец Нижнего Новгорода. «Отец его, Василий Симеонов сын, был в том городе священником. И жил при отце своем для чтения и пения при церкви, и другого искусства, кроме чтения и пения, не имеет». Служил диаконом церкви Петра и Павла, потом священником церкви Спаса в Нижнем Новгороде. В 1715 г. пострижен в иеромонахи. В Петербург отправлен после 1716 г. Умер в Александро-Невском монастыре 4 декабря 1740 г. *РГИА*, ф.834, оп.2, д.1776, л.13.

Филимон Яворовский (1749—1752). Иеромонах, уставщик. Родился в 1707 г. *РГИА*, ф.815, д.194, л.4.

Санкт-Петербургской и Академии наук Российской Федерации профессор СЕВЕРГАСТАНОВИЧ Илья Николаевич (1937—2008) в 60-х годах прошлого века был членом научного совета по философии и социологии науки при Институте проблем передачи информации в библиотеках и архивах (ИПБИА), Академии наук СССР, а также в Институте проблем языка и лингвистики Академии наук СССР. В 1980—1982 гг. он был научным руководителем кандидата философских наук Юрия Борисовича Баранова (ныне профессор кафедры философии и социологии науки ИПБИА). В 1980—1982 гг. Юрий Борисович Баранов был научным сотрудником в Институте языка и литературы Академии наук СССР, а затем в Институте языка и литературы РАН. В 1982—1984 гг. Юрий Борисович Баранов был научным сотрудником в Институте языка и литературы РАН, а затем в Институте языка и литературы РАН.

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

¹ Вопросы оппозиции сакрального и профанного в культуре исследуются в работах Т. Георгиадеса, Е. Дюркгейма, М. Элиаде, Р. Гитто (*Georgiades Th.: 1) Sakral und Profan in der Musik*. Muenchen, 1960; 2) Kleine Schriften. Schneijder, 1977; Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. London, 1976; Eliade M. The Sacred and the Profane. New York, 1959; Otto R. Das Heilige : Ueber das Irrationale in der Idee des Goettlichen und sein Verhaeltnis zum Rationalen. Muenchen, 1932).

² Freeze G.L. The Russian Levites : Parish clerics in the 18. centuries. Cambridge (Mass.) ; London, 1977. P.VIII.

³ Проблема дуализма русской культуры поставлена в исследованиях Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского (Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Вып. 28. Литературоведение. Тарту, 1977; Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси : Истоки, становление, традиция. М., 1976).

⁴ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Художественная культура XVIII века : Материалы науч. конф. М., 1974. С.275—276.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т.1, ч.1. С.82.

⁶ В разработке проблемы городской семиотики автор опирается на работы З. Гидиона, К. Линча, Ю.М. Лотмана, Л. Мамфорда (*Giedion S. Space, Time and Architecture : The Growth of a new Tradition*. Cambridge, 1967; Lynch K.: 1) *The Image of the City*. Cambridge (Mass.), 1960; 2) *What Time is this Place?* M.I.T. Press, 1975; Труды по знаковым системам. Вып. 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984; Mumford L.: 1) *The Story of Utopias*. New York, 1922; 2) *The Culture of Cities*. New York, 1938; 3) *The City in the History*. London, 1961).

⁷ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII века. С.269.

⁸ О тяготении петербургской культуры к ритуализации пишет Ю.М. Лотман (Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси : Истоки, становление, традиция. М., 1976).

⁹ Линч К. Образ города. М., 1982. С.149.

¹⁰ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984. С.30.

¹¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С.239.

¹² Там же. С.241.

¹³ Там же.

¹⁴Сорокин П. Социокультурная динамика // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.430.

¹⁵Вопросы социальных функций культового действия разработаны (в рамках различных терминологических систем) П.Флоренским и В.Тернером (Флоренский П. Культ, религия, культура // Богословские труды. М., 1977. Сб.17; Turner V.: 1) The Ritual Prozess : Structure and Anti-Structure. Chicago, 1969; 2) Image and Pilgrimage in Christian Culture. Anthropological Perspective. New York, 1978; 3) From Ritual to Theatre : The Human Seriousness of Play. New York, 1982). Проблеме обусловленности деятельности религиозной верой и практикой посвящены исследования М.Вебера (Weber M. 1) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York, 1958; 2) Weber M. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990).

¹⁶В.Тернер определяет литургическое действие как «sacred human work», считая серьезность этой «работы» специфическим отличием религиозного ритуала от светского, в котором преобладает понятие игры, развлечения (Turner V. From Ritual to Theatre. P.30).

¹⁷В разработке этого вопроса автор опирается на положения трудов Б.Яворского и Б.Асафьева, касающиеся теории социального аспекта интонационной деятельности — «процесса интонирования», по терминологии Б.Асафьева, «звуковой речи» по терминологии Б.Яворского (Асафьев Б.: 1) Избр. труды. Т.IV. Избр. работы о русской музыкальной культуре и зарубежной музыке. М., 1955. С.25—34, 69—75; 2) Музыкальная форма как процесс. Интонация. Л., 1971. Кн.2; Яворский Б. Заметки о творческом мышлении русских композиторов от Глинки до Скрябина (1825—1915) // Избр. труды. М., 1987. Т.2, ч.1. С.41—46).

¹⁸Проблема единства всех компонентов православного богослужения ставится в работах И.Гарднера, Е.Трубецкого, П.Флоренского (Гарднер И.А. Богослужебное пение русской православной церкви. Нью-Йорк, 1978; Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М., 1991; Флоренский П.: 1) Храмовое действие как синтез искусств // Маковец. 1922. N 1; 2) Иконостас // Богословские труды. М., 1972. Вып.9.; 3) Обратная перспектива // Избр. труды по искусству. СПб., 1993).

¹⁹Sorokin P. The Crisis of Our Age : The Social and Cultural Outlook. New York, 1957. P.19.

²⁰Мандельштам О.Э. Собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 278—279.

²¹Turner V. From Ritual to Theatre. P.12.

²²В работе были использованы некоторые документы из фондов РГИА и РГАДА, выявленные И.Ф.Петровской и А.Л.Порфириевой. Автор выражает свою благодарность за предоставление возможности работы с микрофильмами.

ГЛАВА I

¹РГАДА, ф.396, оп.2, ч.7, д.3761, л.67—69.

²Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С.83.

³Живов Б.М., Успенский Б.А. Царь и Бог : Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы их переводимости. М., 1987. С.142.

⁴Mumford, L. The Culture of Cities. New York, 1938. P.5.

⁵Le Goff J. Au Moyen Age : Temps de l'Eglise et temps du marchand // Annales. E.S.C., 1960.

⁶Эта проблема обстоятельно анализируется в работе Кевина Линча (Lynch K. What Time is this Place? M.I.T. Press, 1975).

⁷РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.24 об.

⁸Столпянский. С.33.

⁹Кюстин А. де Николаевская Россия. М., 1990. С.80.

¹⁰Берхольц. Ч.1. С.162.

¹¹Там же. Ч.3. С.16.

¹²Там же. Ч.3. С.12.

¹³РГИА, ф.477, оп.1 (5/38), д.1, л.2 об.—3.

¹⁴Берхольц. Ч.1. С.239.

¹⁵Проблему новой концепции пространства барокко в связи с формированием городской среды рассматривает Л. Мамфорд (Mumford L. The Culture of Cities. P.364).

¹⁶ О категориях звуковой плотности (массы) и пространственной расчлененности в многохорном вокально-инструментальном письме композиторов венецианской школы как лемнатах звуковой концепции и важнейшей черте музыкального мышления западноевропейского барокко пишет И.Барсова (*Барсова И. Из истории партитурной галереи: Звуковая плотность и пространство в многохорной музыке XVII века // История и современность. Л., 1981.*)

¹⁷ Партиесный стиль пения как порождение новой звуковой концепции барокко исследуется Н.А.Герасимовой-Персидской (*Герасимова-Персидская Н.А. Партиесный концерт в истории музыкальной культуры. М., 1983*). Этой проблеме также посвящено исследование Т.Ф.Владышевской (*Владышевская Т.Ф. Хоровой концерт в эпоху барокко // Труды Гос.муз.Пед. ин-та им. Гнесиных. М., 1975. Вып. 21.*)

¹⁸ *Берхгольц Ч.1. С.115.*

¹⁹ РГИА, ф.473, оп.3, д.40, л.3 об.

²⁰ Там же, д.33.

²¹ *Берхгольц Ч.1. С.143.*

²² Там же. Ч.3. С.59.

²³ Там же. Ч.1. С.121.

²⁴ Там же. С.194.

²⁵ РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.126.

²⁶ *Берхгольц Ч.1. С.110.*

²⁷ Там же. С.129.

²⁸ *Giedion S. Space, Time and Architecture : The Growth of a new Tradition. Cambridge, 1967. P.109.*

²⁹ З.Гидион пишет: «С самого начала он осознавал город как комплексный организм и понимал, что совершенство открытых площадей и широких улиц должно иметь социальные основания» (*Giedion S. Space, Time and Architecture. P.100.*)

³⁰ Вопросы восприятия конструкции городского целого ставятся в работе К.Линча (*Lynch K. The Image of the City. Cambridge (Mass.), 1960.*)

³¹ *Mumford L. The City in the History. London, 1961. P.367.*

³² РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.59.

³³ *Кюстин А. де Николаевская Россия. М., 1990. С.78.*

³⁴ *Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып.18. Семиотика города и городской культуры. Тарту, 1984. С.40.*

³⁵ РГИА, ф.815, оп.5, д.282.

³⁶ Там же, л.2.

³⁷ Там же, л.2 об.

³⁸ Там же, л.3.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, л.3—3 об.

⁴¹ Там же, л.3 об.—4.

⁴² Там же, л.4.

⁴³ Там же, л.4—4 об.

⁴⁴ Там же, л.4 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л.5.

⁴⁷ Там же, л.5 об.

⁴⁸ Там же, л.6.

ГЛАВА II

¹ О богослужебных функциях колокольных звонов см.: *Никольский К.Т. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1894. С.31—43.*

² Значение церковных культов этих святых и эмблематики, с ними связанной, в процессе оформления абсолютистской монархии при Петре рассматривается в работе: *Вильнебахов Г.В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. Вып.18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984.*

³ В рукописных источниках XVIII в. крепость именовалась «крепость святого Петра», «город» (Логачев. С.144).

⁴ «соборная церковь святых первоверховых апостол Петра и Павла», «собор» (Логачев. С.144).

⁵ О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // Русский архив. М., 1866. Стб. 103.

⁶ Столпянский. С.31—32.

⁷ Тихомиров. С.120; РО БАН, ф.57, д.31.7.14., л.37 («Журнал Петропавловской крепости за 1717—1725 год»).

⁸ «Санкт-Петербургский остров», «Городской остров» (Логачев. С.145).

⁹ Логачев. С.145.

¹⁰ «церковь во имя Святой Троицы», «соборная церковь Святая Живоначальная Троица», «церковь Живоначальная Троицы» (Логачев. С.146), «Троица» (РО БАН, ф.57, д.31.7.14., л.22 об., 25 об., 34 об.).

¹¹ О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга. Стб. 110.

¹² Там же.

¹³ Архангельский. С.43; Немиров Г.А. Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703—1903 годах : Историческая справка. СПб., 1905. С.65—93.

¹⁴ Логачев. С.146.

¹⁵ Тихомиров. С.115.

¹⁶ Богданов—Рубан. С.293.

¹⁷ Столпянский. С.60.

¹⁸ РО БАН, ф.57, д.31.7.14., л.34 об., 40 об.

¹⁹ Там же, л.37 об., 41.

²⁰ Богданов—Рубан. С.213.

²¹ РО БАН, ф.57, д.31.7.14., л.51 об.

²² Там же, л.47 об.

²³ «Церковь Святого Апостола Матфея, что в Солдатских слободах», освящена 31 января 1720 г. (РО БАН, ф.57, д.31.7.14., л.73).

²⁴ РО БАН, ф.57, д.31.7.14., л.26 об., 34 об., 58, 71 об.

²⁵ РГИА, ф.796, оп.6, д.32, 96; оп.12, д.100.

²⁶ «Соборная церковь святых первоверховых апостолов Петра и Павла каменная и посреди крепости стоящая», «Петропавловский собор» (Логачев. С.144; Тихомиров. С.120).

²⁷ Williams E.V. Bells of Russia. Princeton : New Jersey, 1985. P.60.

²⁸ «Александро-Невский монастырь», «монастырь Троицы Александро-Невской», «Невский монастырь» (Логачев. С.158, 374).

²⁹ Столпянский. С.328.

³⁰ Бегунов Ю.К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века об Александре Невском // Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX веков. Л., 1971. (ТОДРЛ ; Вып.26).

³¹ Логачев. С.158; Тихомиров. С.38.

³² Логачев. С.158; Богданов—Рубан. С.213, 214, 456.

³³ РГИА, ф.796, оп.17, д.318.

³⁴ «Большая дорога Невская» (Логачев. С.154).

³⁵ «церковь святого Сампсония Странноприимца», «церковь Сампсония» (Логачев. С.163).

³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб. : М., 1950. Т.9, вып.1. С.231. N.3259.

³⁷ Архангельский. С.44, 68.

³⁸ Богданов—Рубан. С.456—457; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1869. Т.1. С.60.

³⁹ Богданов—Рубан. С.456—457.

⁴⁰ РГИА, ф.796, оп.14, д.54, л.2.

⁴¹ Там же, оп.6, д.388, л.1.

⁴² ЦГИА СПб. , ф.19, оп.1, д.2028; РГИА, ф.815, оп.4, д.84.

⁴³ Логачев. С.143.

⁴⁴ РГИА, ф.834, оп.4, д.752, л.97 об.—98.

⁴⁵ Там же, ф.467, оп.4, д.677, л.33.

- ⁴⁶Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1883. Т.7. С.157.
- ⁴⁷«соборная церковь преподобного отца Исаакия Далматского», «церковь святого Исаакия», «Исааковский собор» (Логачев. С.153; Тихомиров. С.7).
- ⁴⁸«церкви Рождества Пресвятой Богородицы, называемая... по народному именованию... церковь Казанской Богородицы» (Логачев. С.156; Тихомиров. С.11).
- ⁴⁹Тихомиров. С.11, 115; Архангельский. С.182.
- ⁵⁰Богданов—Рубан. С.36.
- ⁵¹ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.16060, л.7.
- ⁵²Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1869. Т.1. С.147—148, 192.
- ⁵³РГИА, ф.816, оп.1, д.39, л.1.
- ⁵⁴ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14342, л.39; РГИА, ф.796, оп.70, д.193, л.1.
- ⁵⁵РГИА, ф.796, оп.70, д.193, л.1.
- ⁵⁶Там же, л.7 об.
- ⁵⁷ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14342, л.28 об.; РГИА, ф.796, оп.70, д.193, л.21, 23.
- ⁵⁸РГИА, ф.816, оп.1, д.73, л.22.
- ⁵⁹Историко-статистические сведения о Санкт—Петрбургской епархии. СПб., 1885. Т.10. С.16—17.
- ⁶⁰Там же. СПб., 1876. Т.5. С.21—22.
- ⁶¹Там же. Т.1. С.190—192.
- ⁶²Лушикарев И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. СПб., 1839. С.200.
- ⁶³РГИА, ф.805, оп.2, д.10, л.12.
- ⁶⁴Там же, л.30.
- ⁶⁵Там же, л.31 об.
- ⁶⁶РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.45 об.

ГЛАВА III

- ¹О системе праздничной организации древнерусской культуры см.: Детков Н.А. Древнерусские праздники как основа эстетической целостности культуры XI—XVI веков // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры. М., 1988.
- ²Вопросу богослужебного функционирования колокольных звонов посвящен раздел работы П. Прайса (Price F. P. Bells and Man. Oxford, 1983).
- ³РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.64.
- ⁴«церкви святого великомученика Пантелеимона» (Логачев. С.160).
- ⁵О новом порядке празднования дня Александра Невского см.: Спасский Ф.Г. Русское липтургическое творчество. Париж, 1951. С.74.
- ⁶РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.3 об.—14 об.
- ⁷Там же, л.32 об.—33.
- ⁸Там же, л.51 об.—52.
- ⁹Там же, л.58.
- ¹⁰Столпянский. С.63.
- ¹¹РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.62 об.—63.
- ¹²РГИА, ф.796, оп.24, д.283.
- ¹³Там же, д.513.
- ¹⁴Там же, ф.473, оп.3, д.35, л.7.
- ¹⁵Там же, л.8 об.
- ¹⁶РО БАН, ф.57, д.31.7.14, л.50 об.
- ¹⁷Столпянский. С.62.
- ¹⁸Берхгольц. Ч.1. С.194—195.
- ¹⁹Там же. С.201—202.

²⁰Историческое описание всех коронаций императоров и императриц всероссийских / Составлено по достовернейшим источникам Иваном Крыловым. М., 1856. С.31, 36—38.

²¹Там же. С.46.

²²РГИА, ф.473, оп.1, д.163, л.9—9 об.

²³Там же, л.16.

²⁴Там же, л.15 об.

²⁵Там же, л.18 об., 24, 28, 29 об., 31, 46 об.

²⁶Историческое описание всех коронаций императоров и императриц всероссийских. С.48.

ГЛАВА IV

¹РГИА, ф.473, оп.1, д.157, л.3.

²Там же.

³Там же, ф.796, оп.18, л.395.

⁴О концепции игры в культуре петровского времени и значении ее в процессе секуляризации см.: Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

⁵Williams E.V. Bells of Russia. Princeton ; New Jersey, 1985. P.82.

⁶Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокол : История и современность. М., 1985. С.76—78.

⁷РГИА, ф.473, оп.1, д.181, л.2 об.

⁸Там же, ф.467, оп.4, д.677, л.26; д.679, л.1, 6, 9 об., 12.

⁹Там же, д.677, л.28, 101 об., 103, 104.

¹⁰Там же, д.625, л.4 об.

¹¹Westcott W. Bells and Their Music. New York, 1970. P.88—89.

¹²Гельмс И.А. Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги... (1709—1710) // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т.2. С.417.

¹³Campe P. Die Kirchenglocken Lettlands von aeltester Zeit an bis zum Jahre 1860 und ihre Giesser // Acta Universitatis Latviensis. Ser. I. Riga, 1930. T.1, N 1. S.52—53.

¹⁴РГИА, ф.468, оп.43, д.6, л. 33 об., 64.

¹⁵Там же, л.64.

¹⁶Столпянский. С.32.

¹⁷Богданов—Рубан. С.254—255.

¹⁸Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кронштадт и их окрестностях... // Беспрятых Ю.Н. Петербург Петра в иностранных описаниях. Л., 1991. С.50.

¹⁹Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. // Беспрятых Ю.Н. Петербург Петра в иностранных описаниях. Л., 1991. С.141.

²⁰Берхгольц. Ч.1. С.114—115.

²¹Берхгольц. Ч.1. С.141.

²²Богданов—Рубан. С.254—255.

²³Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1886. С.125.

²⁴Там же.

²⁵Богданов—Рубан. С.297.

²⁶De La Mottraz O. Из «Путешествия ...» // Беспрятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.214.

²⁷Берхгольц. Ч.1. С.114—115.

²⁸Из книги Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия» (Ч.1) // Беспрятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.115.

²⁹Материалы для истории императорской Академии наук. С.60.

³⁰РГИА, ф.467, оп.4, д.677, л.103; д.469, л.6.

³¹Williams E.V. Bells of Russia. P.85—86.

³²Богданов—Рубан. С.457—458.

³³Архангельский. С.175.

ГЛАВА V

¹Mumford L. The City in the History. London, 1961. P.354.

²Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып.18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984. С.44.

³О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // Русский архив. М., 1866. Стб. 114.

⁴Депутация города Риги при погребении Петра Великого в 1725 году // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т.2. С.518.

⁵РГИА, ф.796, оп.6, д.32, л.23—29.

⁶Там же, ф.473, оп.1, д.182, л.8.

⁷Там же, д.185, л.19 об.

⁸Там же, ф.796, оп.6, д.32, л.37—38 об.

⁹Там же, л.76.

¹⁰Там же, л.77.

¹¹Болховитинов Е. Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужебном пении и особенно о пении в российской церкви. СПб., 1817. С.129.

¹²Там же. С.115.

¹³О положении белого духовенства см.: Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра Великого. Казань, 1873. Г.Фризе пишет: «Как и другие сословия, церковнослужители объединились из различных средневековых чинов в отдельную общественную группу. Как и другие сословия, их специфическая богослужебная роль определялась в государстве петровского времени соответствующим юридическим статусом и экономической поддержкой. Как и другие сословия, они развили особую субкультуру, отличавшую их от остального общества. Но в отличие от других сословий они стали скорее кастой, чем свободно организованной группой» (Freeze, G.L. The Russian Levites. Parish clerics in the 18 centuries. Cambridge (Mass.) ; London, 1977. P.VIII).

¹⁴Калачев В. О положении придворного духовенства в XVIII веке. СПб., 1914.

¹⁵Ключевский В.О. История сословий в России // Собр. соч. : В 9 т. М., 1989. Т.6. С.270.

¹⁶Mannheim K. Ideology and Utopia. An Introduction to the Sociology of Knowledge. New York, 1936. Р.7.

¹⁷Брюс П.Г. Из «Мемуаров» // Беспримых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.162.

¹⁸В официальных документах XVIII в. Украина называлась Малороссией, а украинцы малороссами. В некоторых документах того времени (обычно связанных с повседневным бытом) изредка употреблялось название «украинец». Мы будем использовать в зависимости от контекста оба именования.

ГЛАВА VI

¹РГИА, ф.815, оп.7, д.54, л.2 об.—4.

²Там же, ф.796, оп.15, д.54, л.2 об.—16.

³Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введение в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. СПб., 1885. С.668.

⁴РГИА, ф.796, оп.57, д.362, л.9.

⁵Там же, оп.15, д.54, л.2 об.—7.

⁶Там же, ф.815, оп.7, д.54, л.1.

⁷Там же, ф.796, оп. 15, д.54, л.2 об.—16.

⁸Там же, оп.3, д.926.

⁹ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.14288.

¹⁰Там же, л.9.

¹¹Там же, л.9, 10, 11, 14, 16, 17.

¹²Там же, л.15.

¹³Там же, оп.6, д.208.

¹⁴Там же.

¹⁵РГИА, ф.816, оп.1, д.9.

¹⁶Там же, ф.796, оп.3, д.900; оп.8, д.267; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.95, 3353, 6221, 15287, 16203.

¹⁷РГИА, ф.796, оп.16, д.284; ф.834, оп.4, д.752; ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.5493; ф.1007, оп.1, д.40.

¹⁸ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.7873.

ГЛАВА VII

¹РГИА, ф.796, оп.3, д.936, л.2.

²Там же, оп.12, д.397.

³Там же, оп.24, д.160.

⁴Там же, оп.30, д.544.

⁵Там же, оп.22, д.620.

⁶Там же, ф.834, оп.4, д.762, л.27, 35, 58.

⁷Там же, ф.796, оп.17, д.318, л.557 об.

⁸Там же, л.560 об.

⁹Там же, л.418 об.

¹⁰Там же, оп.36, д.443.

¹¹Там же, оп.3, д.936.

¹²Там же, оп.17, д.318.

¹³Там же, оп.22, д.203.

¹⁴Там же, д.620.

¹⁵РГАДА, ф.1206, оп.2, д.644, 654, 678.

¹⁶РГИА, ф.796, оп.15, д.44.

¹⁷Там же, оп.12, д.397.

¹⁸Там же, д.525.

¹⁹Там же, оп.9, д.135, 409, 633; оп.17, д.409; оп.27, д.138.

²⁰Там же, оп.19, д.168; оп.14, д.371.

²¹Там же, оп.17, д.318, л.419, 494, 495, 557 об., 588 об., 596 об.—598.

²²Там же, оп.3, д.1047, л.3.

²³Там же, оп.13, д.154.

²⁴Там же, оп.22, д.620, л.18 об., 119.

²⁵Там же, оп.19, д.505.

²⁶Там же, оп.22, д.659.

²⁷Там же, оп.13, д.87.

²⁸Там же, оп.34, д.33.

²⁹Там же, оп.14, д.64.

³⁰Там же, д.22.

³¹Там же, оп.30, д.386, 412; оп.33, д.101; ф.834, оп.4, д.754, л.5.

³²Там же, ф.796, оп.11, д.466.

³³Там же, оп.1, д.355; оп.4, д.357.

³⁴Там же, оп.4, д.588.

³⁵Там же, оп.49, д.117, л.7.

³⁶ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.8104, л.6.

³⁷Там же, д.16372.

³⁸Там же, д.16355.

³⁹Металлов В.М. Синодальные бывшие патриаршеские певчие. СПб., 1898. С.3.

⁴⁰РГИА, ф.796, оп.12, д.525.

⁴¹Там же, ф.815, оп.2, д.1489.

⁴²Там же, ф.796, оп.1, д.169, л.1—1 об.

⁴³Там же, л.15—16.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- ⁴⁴Там же, ф.1109, оп.1, д.58, л.3 об.—4.
- ⁴⁵Там же, ф.796, оп.4, д.511.
- ⁴⁶Там же, оп.6, д.354; оп.7, д.39, 85.
- ⁴⁷Там же, оп.6, д.49.
- ⁴⁸Там же, д.32, л.32.
- ⁴⁹Там же, д.15.
- ⁵⁰Там же, оп.9, д.296.
- ⁵¹Там же, д.625.
- ⁵²Там же, оп.12, д.525.
- ⁵³Там же, д.525; оп.17, д.405.
- ⁵⁴Там же, оп.17, д.318.
- ⁵⁵Там же, оп.19, д.232.
- ⁵⁶Там же, оп.35, д.546.
- ⁵⁷Там же, ф.834, оп.4, д.762, л.58 об.
- ⁵⁸ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.6670.
- ⁵⁹РГИА, ф.796, оп.60, д.110.
- ⁶⁰РГИА, ф.1109, оп.1, д.166, л.17
- ⁶¹Там же, л.14, 16 об.—18, 19, 21, 31, 32, 32 об.; *Вознесенский И. Церковное пение православной Юго-Западной Руси по ното-линейным ирмологам XVII—XVIII веков*. Вып. 3. Ирмолог Гавриила Головиня 1752 года. М., 1898.
- ⁶²РГИА, ф.796, оп.60, д.110.
- ⁶³О цифирных школах. СПб., 1716; Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. № 2979.
- ⁶⁴Духовный регламент. СПб., 1721. С.12.
- ⁶⁵Чистович. С.4.
- ⁶⁶Богданов—Рубан. С.20.
- ⁶⁷РГАДА, ф.18, оп.1, д.44, л.142.
- ⁶⁸Историко-статистические сведения о Петербургской епархии. СПб., 1869. Т.1. С.125.
- ⁶⁹РГИА, ф.796, оп.3, д.926; оп.15, д.44, л.8; ф.815, оп.4, д.5.
- ⁷⁰Чистович. С.216.
- ⁷¹РГАДА, ф.18, оп.1, д.83.
- ⁷²РГИА, ф.815, оп.5, д.147.
- ⁷³РГАДА, ф.18, оп.1, д.83, л.71.
- ⁷⁴РГИА, ф.815, оп.5, д.85, л.3.
- ⁷⁵Там же, л.44.
- ⁷⁶Богданов—Рубан. С.363.
- ⁷⁷РГИА, ф.796, оп.29, д.36.
- ⁷⁸ЦГИА Украины, ф.711, оп.3, д.4829.
- ⁷⁹РГИА, ф.815, оп.5, д.223.
- ⁸⁰Там же, д.147.
- ⁸¹Там же, ф.796, оп.8, д.223.
- ⁸²Там же, ф.815, оп.5, д.282.
- ⁸³Болховитинов Е. Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужебном пении и особенно о пении в Российской церкви. СПб., 1804. С.7.

ГЛАВА VIII

¹Подробнее см.: Бегунов Ю.К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века об Александре Невском // Древнерусская литература и русская культура XVII—XX веков. Л., 1971. (ТОДРЛ ; Вып.26).

²С момента образования Александро-Невского монастыря в 1710 г. его архимандритом стал Феодосий Яновский. После него эту обязанность исполняли Петр Смелич (1725—1736 гг.), Стефан Калиновский (1736—1742 гг.), Никодим Сребницкий (1742—1745 гг.), Феодосий Яновский (1745—1750 гг.), Сильвестр Кулябка (1750—1761 гг.), Вениамин Пущек Григорьев

(1761 г.), Гавриил Кременецкий (1762—1770 гг.), Гавриил Петров (1770—1799 гг.) и Амвросий Подобедов (1799—1818 гг.).

³РГИА, ф.796, оп.1, д.176, л.32.

⁴Там же, ф.815, оп.1, д.7, 14.

⁵Здесь и далее биографические подробности и источники сведений об отдельных лицах см. в списке клириков Александро-Невского монастыря в Приложении.

⁶РГИА, ф.815, оп.2, д.102, л.183—184.

⁷Там же, д.45, л.19.

⁸В документах XVIII в. встречаются различные названия певческих голосов. В текстах, ориентированных на европеизированную светскую практику, употребляются слова «тенор» и «бас», а связанных с церковно-певческой традицией — «тенорист» и «басист». Поскольку эти терминологические особенности отражают социальный контекст, мы будем сохранять специфическую лексику.

⁹РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.63—64.

¹⁰Там же, д.254, л.8.

¹¹Там же, ф.834, оп.2, д.1776, л.76.

¹²Там же, ф.796, оп.1, д.176, л.1 об.; ф.815, оп.4, д.255, л.101.

¹³Там же, ф.815, оп.4, д.255, л.101—101 об.

¹⁴Там же, л.9 об., 10, 11—12.

¹⁵Там же, д.254, л.9 об.

¹⁶Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1725—1913. Историческое исследование. СПб., 1913. С.421.

¹⁷Там же. С.408.

¹⁸РГИА, ф.815, оп.4, д.52.

¹⁹Там же, оп.5, д.152, л.1, 5.

²⁰ЦНБ АН Украины, ф.Печерского монастыря, XVIII-15.

²¹РГИА, ф.815, оп.5, д.147.

²²Там же, ф.796, оп.36, д.12, л.19—19 об.

²³Там же, л.2.

²⁴Там же, л.19—19 об.

²⁵Там же, ф.815, оп.5, д.194, л.15—15 об.

²⁶Там же, ф.796, оп.53, д.400, л.3.

²⁷Там же, л.1.

²⁸Там же, л.19, 21, 22.

²⁹Титлинов Б.В. Гавриил Петров митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С.700—701.

³⁰РГИА, ф.796, оп.11, д.235, л.1.

³¹Там же, оп.33, д.1014.

³²Там же, ф.815, оп.4, д.254, л.9.

³³Там же, л.10.

³⁴Там же, л.8.

³⁵Там же, ф.834, оп.2, д.1776, л.140.

³⁶Там же, ф.815, оп.4, д.254, л.8.

³⁷Там же, оп.5, д.183, л.1—5.

³⁸Там же, оп.2, д.51, л.2.

³⁹Там же, л.3—3 об.

⁴⁰Там же, л.5.

⁴¹Там же, л.7—7 об.

⁴²Там же, л.8.

⁴³Там же, л.9—12.

⁴⁴Там же, ф.796, оп.9, д.200, л.18.

⁴⁵Тихомиров. С.38.

⁴⁶РГИА, ф.815, оп.4, д.255, л.9 об., 11, 11 об.

⁴⁷Там же, оп.7, д.65.

⁴⁸Там же, ф.796, оп.19, д.470.

⁴⁹Там же ф.815, оп.4, д.255, л.7.

⁵⁰Там же, л. 7, 9, 10, 12; д. 197, л. 1—2; ф. 834, оп. 2, д. 1776, л. 24 об.

⁵¹Там же, ф. 796, оп. 26, д. 428, л. 1.

⁵²Там же, ф. 834, оп. 2, д. 1776, л. 9, 19, 38, 60.

⁵³Там же, л. 48, 52, 70, 71.

⁵⁴Там же, л. 36.

⁵⁵Там же, л. 29, 73, 77, 78, 121, 137.

⁵⁶Там же, л. 47, 138, 140; ф. 815, оп. 4, д. 254, л. 8, 10.

⁵⁷Там же, ф. 834, оп. 2, д. 1776, л. 13.

⁵⁸Там же, л. 90.

⁵⁹Там же, л. 123.

⁶⁰Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлений к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 2, отд. 4. С. 138.

⁶¹Седерберг Г. Бывшего полкового священника, магистра Генриха Седерберга, заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1873. Кн. 2, отд. 4. С. 10.

⁶²Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Вып. 7. Стб. 1369.

⁶³Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра: 1713—1913. СПб., 1913. С. 298—299.

⁶⁴РГИА, ф. 815, оп. 2, д. 149.

⁶⁵Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра: 1713—1913. С. 300.

⁶⁶РГИА, ф. 796, оп. 19, д. 470.

⁶⁷Там же, ф. 815, оп. 4, д. 87, л. 2.

⁶⁸Там же, д. 71, л. 2—2 об.

ГЛАВА IX

¹Калачев В. О положении придворного духовенства в XVIII веке. Пг., 1914. С. 9.

²РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 2, л. 129 об.—132 об.

³Там же, ф. 796, оп. 6, д. 351.

⁴Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1869. Т. 1. С. 86.

⁵РГИА, ф. 815, оп. 2, д. 149.

⁶Там же, ф. 796, оп. 6, д. 32.

⁷РГАДА, ф. 9, оп. 4, д. 82, л. 468; д. 89, л. 325—326.

⁸Там же, ф. 14, оп. 1, д. 29, л. 18—18 об.; РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 11; д. 16, л. 65; д. 21, 23.

⁹РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 30, л. 30—33.

¹⁰Там же, д. 58, л. 120.

¹¹РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 7; ф. 1239, оп. 3, д. 61451, л. 10.

¹²РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 63, л. 36.

¹³Там же, д. 78, л. 88.

¹⁴РГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 2489, л. 155; РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 58, л. 9; ф. 796, оп. 22, д. 304.

¹⁵РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 144.

¹⁶РГИА, ф. 1109, оп. 1, д. 59, л. 158 об.

¹⁷Там же, ф. 466, оп. 1, д. 138.

¹⁸РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 96, л. 144 об.

¹⁹РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 29.

²⁰Там же, ф. 466, оп. 1, д. 187, л. 15.

²¹РГАДА, ф. 9, оп. 3, д. 44, л. 205; РГИА, ф. 815, оп. 2, д. 25.

²²Жданов М. Встреча с Петром Великим // Московитянин. 1852. Т. 6, № 22. Ноябрь. Кн. 2. Отд. 4. С. 1, 3.

²³РГАДА, ф. 9, оп. 3, д. 50, л. 187.

²⁴Там же, оп. 4, д. 58, л. 119.

²⁵Там же, ф. 7, оп. 1, д. 416.

- ²⁶РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.13; ф.1109, оп.1, д.58, л.3 об.
- ²⁷Там же, ф.466, оп.1, д.82, л.45.
- ²⁸Там же, д.93, л.130 об.
- ²⁹РГАДА, ф.10, оп.3/327, д.534, л.58.
- ³⁰РГИА, ф.1109, оп.1, д.58, л.3 об.
- ³¹РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.122.
- ³²РГИА, ф.473, оп.1, д.184, л.6.
- ³³Там же, ф.439, оп.1, д.5, л.26; д.13, л.20 об.
- ³⁴РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.22.
- ³⁵РГИА, ф.796, оп.9, д.296; оп.10, д.388; оп.11, д.425; РГАДА, ф.9, оп.4, д.82, л.351—352.
- ³⁶РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.21; оп.4, д.89, л.325—326.
- ³⁷Там же, оп.3, д.50, л.22.
- ³⁸Там же, оп.4, д.65, л.233 об.
- ³⁹Там же, оп.3, д.50, л.26.
- ⁴⁰РГИА, ф.796, оп.11, д.264.
- ⁴¹РГАДА, ф.14, оп.1, д.29, л.18—18 об.; РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.129 об.—132 об.
- ⁴²РГИА, ф.466, оп.1, д.62.
- ⁴³Там же, ф.466, оп.1, д.144, л.69 об.—70 об.; ф.469, оп.14, д.2, л.128—132.
- ⁴⁴Там же, ф.469, оп.14, д.2, л.130—131.
- ⁴⁵ЦГИА Украины, ф.1219, оп.2, д.1702.
- ⁴⁶РГИА, ф.466, оп.1, д.153, л.27—28; ф.469, оп.14, д.24, л.60 об.—61.
- ⁴⁷Там же, ф.469, оп.14, д.24, л.60 об.—61; РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144 об.
- ⁴⁸РГИА, ф.469, оп.4, д.1990, л.1; оп.14, д.24, л.62 об.—63.
- ⁴⁹Там же, оп.14, д.5, л.19 об.—20; ф.1109, оп.1, д.59, л.158.
- ⁵⁰Там же, ф.796, оп.24, д.180, л.3.
- ⁵¹Там же, ф.466, оп.1, д.70, л.8 об.
- ⁵²Там же, д.88, л.104; РГАДА, ф.9, оп.4, д.65, л.395; ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.19254, л.135; ф.763, оп.1, д.54.
- ⁵³РГАДА, ф.14, оп.1, д.149, л.2—11; ЦГИА Украины, ф.59, д.867, л.6, 7, 9 об.
- ⁵⁴Харлампович К.В. Малороссийские влияния на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С.825.
- ⁵⁵РГИА, ф.466, оп.1, д.2, л.42; ф.796, оп.7, д.85; РГАДА, ф.9, оп.3, д.50, л.23; оп.4, д.65, л.233 об.
- ⁵⁶ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.6718, л.8.
- ⁵⁷РГИА, ф.796, оп.16, д.401.
- ⁵⁸ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.6718, л.8; ф.64, оп.1, д.896.
- ⁵⁹ЦНБ АН Украины, ф.Духовной академии (Петров), д.197, л.27 об.
- ⁶⁰ЦГИА Украины, ф.51, оп.3, д.19254, л.135.
- ⁶¹Там же, ф.59, оп.1, д.1225, л.80—80 об.
- ⁶²Там же, л.82—82 об., 86.
- ⁶³Там же, д.3148, л.1—2 об.
- ⁶⁴Набор в Киеве певчих для придворной капеллы в 1758 году // Киевская старина. 1891. № 32. С.512—513.
- ⁶⁵ЦГИА Украины, ф.59, оп.1, д.3973, л.52.
- ⁶⁶Там же, ф.1989, оп.1, д.234, л.1—2.
- ⁶⁷Там же, ф.1710, оп.2, д.1232, л.56, 29.
- ⁶⁸Там же, л.30.
- ⁶⁹Там же, л.45.
- ⁷⁰Там же, ф.1989, оп.1, д.299, л.1—1 об.
- ⁷¹Там же, ф.1710, оп.2, д.2099, л.1—2.
- ⁷²Там же, ф.1709, оп.1, д.1661, л.1—2, 7.
- ⁷³Там же, л.5.
- ⁷⁴Там же, ф.1559, оп.1, д.496, л.11.
- ⁷⁵Там же, ф.1958, оп.1, д.80, л.1.
- ⁷⁶Там же, л.6.
- ⁷⁷Там же, д.1064, л.1—2, 6—7.

- ⁷⁸РГАДА, ф.7, оп.1, д.2473.
- ⁷⁹РГИА, ф.469, оп.4, д.24, л.61 об.—62; д.1994.
- ⁸⁰Там же, оп.14, д.24, л.62 об.—63.
- ⁸¹РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.168.
- ⁸²Там же, л.71.
- ⁸³Там же.
- ⁸⁴Харлампович К.В. Малороссийские влияния на великорусскую церковную жизнь. С.692, 797, 825; РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.130 об.—131.
- ⁸⁵РГИА, ф.466, оп.1, д.197, л.3; ф.469, оп.14, д.24, л.60 об.
- ⁸⁶Цит. по: Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959. С.56.
- ⁸⁷Там же. С.63—64.
- ⁸⁸Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.10. С.614. Н. 7656.
- ⁸⁹ЦГИА Украины, ф.1710, оп.2, д.1232, л.29.
- ⁹⁰РГИА, ф.469, оп.14, д.2, л.130 об.—131.
- ⁹¹Там же, ф.796, оп.11, д.291.
- ⁹²Там же, оп.22, д.102.
- ⁹³Там же, д.157.
- ⁹⁴Там же, оп.30, д.557.
- ⁹⁵ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.4839, л.19.
- ⁹⁶Харлампович К. Малороссийские влияния на великорусскую церковную жизнь. С.797, 825; ЦГИА СПб., ф.2263, оп.1, д.31, л.40 об.
- ⁹⁷ЦГИА СПб., ф.19, оп.1, д.4158, л.11.
- ⁹⁸РГИА, ф.796, оп.40, д.94.
- ⁹⁹Там же, оп.3, д.900.
- ¹⁰⁰Там же, оп.22, д.62.
- ¹⁰¹Там же, ф.1109, оп.1, д.58, л.3 об.
- ¹⁰²Там же, ф.466, оп.1, д.16, л.65; ф.469, оп.14, д.2, л.85 об.—86; д.5, л.184 об.—185.
- ¹⁰³Там же, ф.466, оп.1, д.81, л.47.
- ¹⁰⁴Там же, ф.469, оп.14, д.5.
- ¹⁰⁵Там же, ф.466, оп.1, д.81, л.95—96.
- ¹⁰⁶Там же, ф.469, оп.14, д.6, л.298 об.—299.
- ¹⁰⁷Там же, ф.466, оп.1, д.110, л.25—26 об.; ф.469, оп.14, д.7, л.237 об.—238.
- ¹⁰⁸РГАДА, ф.9, оп.4, д.82, л.351—352.
- ¹⁰⁹РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.47.
- ¹¹⁰РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.156, 167.
- ¹¹¹Архив внешней политики России, ф.35, оп.35/1, д.800, л.1—14.
- ¹¹²РГАДА, ф.9, оп.4, д.82, л.351—352.
- ¹¹³Там же, ф.7, оп.1, д.416.
- ¹¹⁴РГИА, ф.473, оп.1, д.163, л.28; д.164, л.13; ф.805, оп.2, д.10, л.18.
- ¹¹⁵Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С.132.
- ¹¹⁶Берхгольц Ч.З. С.267.
- ¹¹⁷Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом // Русский архив. 1892. Кн.2. С.58.
- ¹¹⁸Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн.2. С.17—18.
- ¹¹⁹Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С.57—58.
- ¹²⁰Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича // Русский архив. 1865. Вып. 2. Стб.568—569.
- ¹²¹Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906. С.111.
- ¹²²Берхгольц Ч.2. С.19.
- ¹²³Кашин Н.И. Поступки и забавы императора Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С.129.
- ¹²⁴Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Стб.1150.
- ¹²⁵РГИА, ф.439, оп.1, д.5, л.182 об.
- ¹²⁶Там же, д.6, л.53 об.

- ¹²⁷ Там же, ф.473, оп.3, д.34, л.3 об.
- ¹²⁸ Столлярский П. Старый Петербург. Музыка и музенирование в старом Петербурге. Л., 1926. С.9—11.
- ¹²⁹ РГИА, ф.466, оп.1, д.21; Дризен Н. Материалы к истории русского театра. М., 1913. С.17—18.
- ¹³⁰ РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.144.
- ¹³¹ Там же, ф.19, оп.1, д.182, ч.2, л.493.
- ¹³² Там же, ф.10, оп.3/327, д.53458, л.6.
- ¹³³ Там же, ф.14, оп.1, д.96, л.74.
- ¹³⁴ РГИА, ф.466, оп.1, д.81, л.52, 64.
- ¹³⁵ Там же, ф.468, оп.36, д.36, л.10 об.; д.38, л.94 об., 110 об.
- ¹³⁶ Там же, ф.469, оп.2, д.1, л.48—49.
- ¹³⁷ Архив дирекции императорских театров. 1746—1801. СПб., 1892. Вып.1, отд.2. С.116.
- ¹³⁸ РГАДА, ф.1239, оп.3, д.56421, л.25.
- ¹³⁹ Ходорковская Е. Опера-серия в России XVIII в. // Проблемы музыказнания. Вып. 6. Музыкальный театр. СПб., 1991. С.152.
- ¹⁴⁰ Там же. С.156.
- ¹⁴¹ Костин де А. Николаевская Россия. М., 1990. С.109.
- ¹⁴² Там же. С.107.
- ¹⁴³ Кашин Н.И. Поступки и забавы императора Петра Великого. С.127.
- ¹⁴⁴ Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. Стб.169—170.
- ¹⁴⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С.60—61.
- ¹⁴⁶ Там же. С.8—9.
- ¹⁴⁷ Там же. С.499.
- ¹⁴⁸ Берхгольц. Ч.4. С.84.
- ¹⁴⁹ Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях. Стб.1149—1150.
- ¹⁵⁰ Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси : Истоки, становление, традиция. М., 1976. С.287—288.
- ¹⁵¹ РГИА, ф.805, оп.2, д.10, л.10 об.
- ¹⁵² Там же, л.29 об.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же, л.5.
- ¹⁵⁵ Там же, л.20.
- ¹⁵⁶ Там же, л.17.
- ¹⁵⁷ Там же, ф.473, оп.3, д.37, л.2 об.
- ¹⁵⁸ Там же, л.2 об.—3 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С.37.
- ² РГАДА, ф.14, оп.1, д.96, л.7; ф.1239, оп.3, д.61451, л.10; РГИА, ф.466, оп.1, д.136, л.1.
- ³ РГИА, ф.796, оп.60, д.110, л.1.
- ⁴ Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886. Т.2. С.60; РГИА, ф.467, оп.4, д.679, л.12 об.

Литература

ИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ XVIII ВЕКА

Акт поднесения государю Петру I титула императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества// Памятники русского права. Вып.9. Законодательные акты Петра I. М., 1961.

Апостол П.Д. Дневник // Киевская старина. 1895. Т.50, № 7/8.

Архив дирекции императорских театров. Вып.1. Отд.2. Документы (1746—1801). СПб., 1892.

Беспряных Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.

Бывшего полкового священника, магистра Генриха Седерберга, заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1873. Кн.2, отд.4.

Воинские артикулы Петра I. М., 1960.

Гельмс И.А. Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги... (1709—1710) // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т.2.

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей во окрестностях оного. СПб., 1794.

Депутация города Риги при погребении Петра Великого в 1725 году // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т.2.

Дневник каммер-юнкера Берхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725 год. 2-е изд. М., 1858—1860. Ч.1—4.

Дневные записки И.А. Желябужского // Русский архив. 1910. Кн.3.

Духовный регламент. СПб., 1721.

Жданов М. Встреча с Петром Великим // Московитянин. 1852. Т.6, отд.6.

Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872.

Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Там же. 1865. Вып. 2.

Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом // Там же. 1892. Кн.2.

Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым с многими изображениями первых зданий... изданное ныне дополненное... Василием Рубаном. СПб., 1779.

Кашин Н.И. Поступки и забавы императора Петра Великого. (Запись современника). СПб., 1895.

Корб И.Г. Дневник путешествия в Москвию. СПб., 1906.

О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга // Русский архив. 1863. М., 1866.

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 года. Известия о тогдашней литературе // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1875. Т.13.

Описанное самовидцем торжество, происходившее в С.-Петербурге 22 октября 1721 года в царствование Петра Великого по случаю заключения между Россией и Швецией Ништадского мира // Сын отечества. 1849, N 11, отд.1.

Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах // Русская старина. 1882. Т.36, N 10.

Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993.

Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлений к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 2, отд.4.

Прокопович Ф. История Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии. СПб., 1788.

Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831.

Рубан В.Г. Краткое географическое, политическое и историческое известие о Малороссии. СПб., 1773.

Рубан В.Г. Краткая летопись Малая России с 1506 по 1775 год. СПб., 1777.

Устав келейный Александро-Невского монастыря. Сочинение Ф.Прокоповича. СПб., 1723.

Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн.2, отд.4.

Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века / Под ред. и с предисл. проф. Б.В. Асафьева. Л., 1935.

Шутки и потехи Петра Великого. Петр Великий как юморист // Русская старина. 1872. Т.5.

Эребо Р. Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1899. Кн.3.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Петербургские церкви и монастыри

Аплаксин А. Казанский собор : Историческое исследование о соборе и его описание. СПб., 1911.

Беляевский К. Очерк истории церкви Морского кадетского корпуса. СПб., 1900.

Боголюбов Д. Церковь Святой Живоначальной Троицы в Галерной гавани в Санкт-Петербурге : Исторический очерк / Сост. свящ. Д.Боголюбов. СПб., 1892.

Владимирский А. Краткое описание Санкт-Петербургской Сампсониевской церкви, что на Выборгской стороне, с историою ее и прихода : К 150-летнему юбилею церкви. СПб., 1890.

Зверинский В.В. Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890—1897. Т.1—3.

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1869—1885. Т.1—10.

Историческое известие о всех соборных, монастырских, ружных, приходских и домовых церквях, находящихся в столичных городах Москве и Санкт-Петербурге. 2-е изд. М., 1848.

Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей, церквей. СПб., 1819.

Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси : Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1909.

Логачев К.И. Храмы, монастыри, подворья и кладбища в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века (по «Описанию Санкт-Петербурга» А.И. Богданова) // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989.

Немиров Г.А. Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703—1903 годах : Историческая справка. СПб., 1905.

Объяснения к историческим планам столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839 год... СПб., 1849.

Описание монастырей в Российской империи, находящихся с показанием времени построения оных, и в каких классах положены по штатам; а также храмовых праздников и достопамятных происшествий, случившихся в них. 4-е изд. М., 1817.

Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введение в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. СПб., 1885.

Платонович В.А. Описание Троицко-Петровского собора в Санкт-Петербурге на Петербургской стороне. СПб., 1890.

Подробное и верное описание монастырей, находящихся в Российской империи, расположенные по алфавитному порядку и извлеченное из новейших отечественных писателей с присовокуплением дневника отечественных воспоминаний и поучительных статей в прозе и стихах. М., 1829.

Приселков М. Александро-Невский монастырь при Петре Великом. СПб., 1903.

Пушкин И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. СПб., 1839—1841. Т.1—3.

Ратшин А. Полное собрание сведений о монастырях. Б.м., 1852.

Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. СПб., 1909.

Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра. 1713—1913 : Историческое исследование. СПб., 1913.

Свинин П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1816—1828.

Ставровский А. Санкт-Петербургский Адмиралтейский собор во имя святителя Спиридона, тримифунтского чудотворца : История и описание собора. СПб., 1906.

Столлянский П.Н. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пг., 1918.

Тихомиров Н.А. Путеводитель по церквам Санкт-Петербурга и ближайших окрестностей. СПб., 1906.

Флоринский Дм. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб., 1887.

Украинские и белорусские монастыри

Аскоченский В.И. Киев с его духовным училищем Академией. Киев, 1856.

Болховитинов Е. Описание Киево-Софийского собора и Киевской епархии. Киев, 1825.

Булгаков М. История Киевской духовной академии. СПб., 1843.

Вишневский Д. Киевская Академия в половине XVIII столетия. Киев, 1903.

Голубев С. Киевская академия XVII—нач.XVIII века. Киев, 1901.

Закревский Н. Описание Киева. М., 1868.

Исторические сведения о бывшем ставропигальном Киево-Межигорском монастыре. Киев, 1830.

Киево-Златоверхо-Михайловский монастырь : Исторический очерк. Киев, 1889.

История церковной культуры петербургского периода

Архангельский М. История православной церкви в пределах нынешней Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1871.

Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви XVIII и XIX веков. Варшава, 1912. Вып. 1.

Верховский П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов-на-Дону, 1916. Т.1, 2.

Внутренний быт Русского государства с 17 декабря 1740 года по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880, 1886. Кн.1, 2.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900, 1903. Т.1, 2.

Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т.1, 2.

Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра Великого. Казань, 1873.

Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформ 1808 года. Казань, 1881.

История российской иерархии, собранная Антониева монастыря архимандритом Амвросием. М., 1807—1815. Ч.1—6.

Калачев В. О положении придворного духовенства в XVIII веке. СПб., 1914.

Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. (М., 1991)

Ключевский В.О. История сословий в России // Собр. соч. : В 9-ти т. М., 1989. Т.6.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т.1—2.

Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви составил из достоверных источников Павел Строев, орд. академик Санкт-Петербургской академии наук. СПб., 1877.

Титлинов Б.В. Гавриил Петров митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени // Учен. труды Имп. петроградской духовной академии. Пг., 1916. Вып. 5.

Устрилов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858.

- Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937.
- Харлампович К.В.* Малороссийские влияния на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914.
- Чистович И.Ф.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
- Freeze G.L.* The Russian Levites. Parish Clerges in the 18. Centuries. Cambridge (Mass.) ; London, 1977.
- Smolitsch I.* Geschichte der russischen Kirche. Leiden, 1964.
- История церковно-певческой и музыкальной культуры**
- Бессонов П.А.* О судьбе нотных певческих книг // Православное обозрение. 1864. Т.14. Май—июнь.
- Владышевская Т.Ф.* Партический хоровой концерт в эпоху барокко // Труды Гос.муз. Пед. ин-та им. Гнесиных. М., 1975. Вып.21.
- Вознесенский И.* Церковное пение православной Юго-Западной Руси по ното-линейным ирмологам XVII—XVIII веков. Киев, 1890. Вып.1—4.
- Гарднер И.А.* Несколько соображений об общем пении за богослужением // Православная Русь. Джорданвилль, 1969. Вып.10.
- Гарднер И.А.* Экфонетика. Страницы литургического музыкаведения // Православный путь. Джорданвилль, 1970.
- Гарднер И.А.* Богослужебное пение русской православной церкви : Сущность, система и история. Нью—Йорк, 1978, 1982. Т.1, 2.
- Герасимова-Персидская Н.А.* Характерные композиционные черты многоголосия партических концертов XVII—XVIII ст. // Musica antiqua Europeae orientalis. Bydgoszcz, 1969.
- Герасимова-Персидская Н.А.* Народные источники партического концерта // Ibid. Bydgoszcz, 1972.
- Герасимова-Персидская Н.А.* Записки на певческих рукописях XVII—XVIII веков // Памятники культуры : Новые открытия. 1976. М., 1977.
- Герасимова-Персидская Н.А.* Партическое многоголосие и формирование стилевых направлений в музыке XVIII века // ТОДРЛ. Л., 1978. Т.32.
- Герасимова-Персидская Н.А.* Партический концерт в истории музыкальной культуры. М., 1983.

Геронтий (Кургановский) Метод богослужебных возгласов, положенный на ноты. М., 1897.

Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959.

Горчаков Н. Опыт вокальной певческой музыки в России. М., 1808.

Горчаков Н. Об уставном и партесном церковном пении в России // Московитянин. 1841. Ч.5, N.9.

Деятели в области теории и практики русского церковного пения : Библиографические очерки. М., 1899.

Дризен Н. Материалы к истории русского театра. М., 1913.

Извеков Н.Д. Придворные певчие и крестовые священники и дьяки в XVII веке // Богословский вестник. 1903. Ч.3, тетр.9—12.

Келдыш Ю.В. Русская музыка XVIII века. М., 1965.

Келдыш Ю.В. Проблемы стилей в русской музыке XVII—XVIII веков // Очерки и исследования по истории русской музыки. М., 1978.

Ливанова Т.Н. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М., 1938.

Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века. М., 1953.

Локшин Д. Замечательные русские хоры и их дирижеры. М., 1963.

Львов А.Ф. О церковных хорах. СПб., 1853.

Львов Ф.П. О пении в России. СПб., 1834.

Металлов В.М. О влиянии юго—западных церковных братств на церковное пение в России // Православный собеседник. 1866. Кн.9.

Металлов В.М. Синодальные бывшие патриаршие певчие. СПб., 1898.

Металлов В.М. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1915.

Музыка и музыкальный быт старой России. Л., 1927.

Музыка на Полтавскую победу / Сост., публ., исслед. и comment. Вл. Протопопова. М., 1973. (Памятники русского музыкального искусства : Вып.2).

Набор в Киеве певчих для придворной капеллы в 1758 году // Киевская старина. 1891. Вып. 32.

Одоевский В.Ф. О пении в приходских церквях. М., 1866.

Преображенский А.В. Придворная Капелла 150 лет назад // Русская музыкальная газета. 1902. Вып.11.

Преображенский А.В. От униатского канта до православной хорувимской // Музыкальный современник. 1916. Вып.6.

Протопопов В.В. О хоровой многоголосной композиции XVII—начала XVIII века и Симеоне Пекалицком // Українське музикознавство. Київ, 1971. Вип.6.

Протопопов В.В. Творение Василия Титова — выдающегося русского композитора второй половины XVII—начала XVIII века : К проблеме партесного пения // *Musica antiqua Europaes orientalis*. Bydgoszcz, 1972.

Разумовский Д.В. Церковное пение в России. М., 1867.

Разумовский Д.В. Государевы певчие дьяки // Сборник общества древнерусского искусства на 1873 год. М., 1873.

Рыцарева М. Композитор Д.Бортнянский : Жизнь и творчество. Л., 1979.

Сахаров И.П. О русском церковном песнопении. М., 1849.

Скребков С. Эволюция стиля в русской хоровой музыке XVIII века // *Musica antiqua*. I. Warszawa, 1966.

Скребков С. Русская хоровая музыка XVII—начала XVIII века. М., 1969.

Смоленский С.В. Значение XVII века и его «кантов» и «псалмов» в области современного церковного пения так называемого «простого напева» // Музыкальная старина. СПб., 1911. Вып. 5.

Столлянский П.Н. Старый Петербург : Музыка и музенирование в старом Петербурге. Л., 1926.

Ундорльский В.М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846.

Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России. М. ; Л., 1928. Т.1,2.

Gardner J. System und Wesen des russischen Kirchengesanges. Muenchen, 1976.

Mooser R. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siecle. Geneve, 1951.

— 202 —

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Асафьев Б. Избранные труды. Т.4. Избранные работы о русской музикальной культуре и зарубежной музыке. М., 1955.

Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. Кн.2. Интонация. Л., 1971.

Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог : Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переведимости. М., 1987.

Кизеветтер А.А. Новизна и старина в России XVIII столетия // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912.

Лотман Ю.М. О двух системах коммуникации в системе культуры. // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973.

Лотман Ю.М. бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси : Истоки, становление, традиции. М., 1976.

Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Труды по знаковым системам. Вып.8. К 70-летию академика Д.С. Лихачева. Тарту, 1977.

Лотман Ю.М. Феномен культуры // Там же. Вып.10. Семиотика культуры. Тарту, 1978.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Вып.28. Литературоведение. Тарту, 1977.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982.

Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр: концепция первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Вып.37.

Розанов В.В. Религия и зрелища // Сумерки просвещения. М., 1990.

Серегина Н.С. Древнерусское храмовое действие как предтеча театра в России // Проблемы музыкоznания. Музыкальный театр. СПб., 1991. Вып.6.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М., 1991.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964.

Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси : Истоки, становление, традиция. М., 1976.

Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры. М., 1987.

Флоренский П.А. Храмовое действие как синтез искусств. // Маковец. 1922, N 1.

Флоренский П.А. Иконостас // Богословские труды. М., 1972. Вып.9.

Флоренский П.А. Культ, религия, культура // Богословские труды. М., 1977. Вып.17.

Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.

Флоренский П.А. Иконостас : Избранные труды по искусству. СПб., 1993.

Ходорковская Е. Опера-серия в России XVIII в. // Проблемы музыкоznания. Вып. 6. Музыкальный театр. СПб., 1991.

Яворский Б. Избранные труды. М., 1987.

Besseler H. Das musikalische Hoeren der Neuzeit. Berlin, 1959.

Cooper J.C. An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbols. London, 1978.

Eliade M. The Mith of the Eternal Return. New York, 1954.

Eliade M. The Sacred and the Profane. New York, 1959.

Georgiades Th. Sakral und Profan in der Musik : Vortrag. Muenchen, 1960.

Mannheim K. Rational and Irrational Elements in Contemporary Society. Oxford, 1934.

Mannheim K. Ideology and Utopia : An Introduction to the Sociology of Knowledge. New York, 1936.

Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. Routledge a. Paul. 1964.

Mannheim K. Structures of thinking. London ; New York, 1986.

Nijk A.J. Secularisatie. Over het gebruik van een woord. Rotterdam, 1968.

Otto R. Das Heilige : Ueber das Irrationale in der Idee des Goettlichen und sein Verhaeltnis zum Rationalen. Muenchen, 1932.

Sorokin P.A. The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook. New York, 1957.

Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility. New York, 1959.

Turner V. The Ritual Prozess : Structure and Anti-Structure. Chicago, 1969.

Turner V. Dramas, Fields and Metaphors : Symbolic Action in Human Society. Ithaca ; London, 1974.

Turner V. Image and Pilgrimage in Christian Culture : Anthropological Perspective. New York, 1978.

Turner V. From Ritual to Theatre : The Human Seriousness of Play. New York, 1982.

Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York, 1958.

Городской хронотоп

Бархин М.Г. Город : Структура и композиция. М., 1986.

Линч К. Образ города. М., 1982.

Труды по знаковым системам. Вып.18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984.

Труды по знаковым системам. Вып.19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту, 1980.

Arnheim R. The Dynamics of Architectural Form. London, 1977.

Giedion S. Space, Time and Architecture : The Growth of a New Tradition. Cambridge, 1967.

Lynch K. The Image of the City. Cambridge (Mass.), 1960.

Lynch K. What Time is this Place? M.I.T.Press, 1975.

- Mumford L.* The Story of Utopias. New York, 1922.
- Mumford L.* The Culture of Cities. New York, 1938.
- Mumford L.* The City in the History. London, 1961.
- Weber M.* The City. Clencoe, 1958.
- Церковный устав, праздники, литургия**
- Болховитинов Е.* Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужебном пении и особенно о пении в российской церкви. СПб., 1804.
- Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (Петров).* О служении и чиноположениях православной греко-латинской церкви. СПб., 1792.
- Жмакин В.И.* Коронация русских императоров и императриц (1724—1856) // Русская старина. 1883. Т.37.
- Историческое описание всех коронаций императоров и императриц всероссийских / Сост. по достовернейшим источникам Иваном Крыловым.* М., 1856.
- Мансветов И.А.* Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885.
- Неаполитанский А.* Церковный устав в таблицах, показывающий весь порядок церковных служб рядовых и все особенности праздничных служб в течение времени года. М., 1913.
- Никодим.* Правила православной церкви с толкованием. М., 1817.
- Никольский К.Т.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1894.
- Попов К.* Чин священного коронования (исторический очерк образования чина) // Богословский вестник. 1896. Т.2. Апр.—май.
- Скабаллонович М.* Толковый типикон. Киев, 1913.
- Спасский Ф.Г.* Русское литургическое творчество. Париж, 1951.

Список сокращений.

- Архангельский — Архангельский М. История православной церкви в пределах нынешней Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1871.
- Берхгольц — Дневник каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725 год / Пер. с нем. И.Аммон. М., 1858. Ч. 1—2; М., 1862. Ч. 3—4.
- Богданов—Рубан — Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым с многими изображениями зданий; а ныне дополненное иданное Василием Рубаном. СПб., 1779.
- Логачев — Логачев К.И. Храмы, монастыри, подворья и кладбища в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века (по «Описанию Санктпетербурга» А.И. Богданова) // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- Петров — Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введение в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703—1782 гг. СПб., 1885.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
- РО БАН — Рукописный отдел библиотеки Академии наук России (Санкт-Петербург).
- Столпянский — Столпянский П.Н. Как возник, основался ирос Санкт-Петербург. Петроград, 1918.
- Тихомиров — Тихомиров Н.А. Путеводитель по церквам Санкт-Петербурга и ближайших окрестностей. СПб., 1906.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
- ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- ЦГИА Украины — Центральный государственный исторический архив Украины (Киев).